радиопьесы мира

Модель

зарубежные радиопьесы

Модель. Зарубежные радиопьесы

Петер Хакс, Гюнтер Рюкер, Фридрих Дюрренматт, Гюнтер Айх, Вольфганг Хильдесхаймер, Герберт Эйзенрейх, Ингеборг Бахман, Мария Луиза Кашниц, Дитер Веллерсхоф, Зигфрид Ленц

Аннотация
Модель. Зарубежные радиопьесы
НЕВИДИМЫЙ ТЕАТР
Петер Хакс. ПРИТЧА О СТАРОМ ВДОВЦЕ, ЖИВШЕМ В 1637 ГОДУ
Гюнтер Рюкер. МОДЕЛЬ. Четыре эскиза одного дня
Фридрих Дюрренматт. АВАРИЯ
Гюнтер Айх. ПРИБОЙ В СЕТУБАЛЕ
Вольфганг Хильдесхаймер. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ЕЛЕНЫ
Герберт Эйзенрейх. ЧЕМ МЫ ЖИВЕМ И ОТ ЧЕГО УМИРАЕМ
Ингеборг Бахман. ДОБРЫЙ БОГ МАНХЕТТЕНА
Мария Луиза Кашниц. СВАДЕБНЫЙ ГОСТЬ
Дитер Веллерсхоф. МИНОТАВР

Зигфрид Ленц. ОБЫСК
КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Аннотация

Включенные в книгу произведения существенно дополняют вышедший в 1972 году в издательстве «Искусство» сборник «Концерт для четырех голосов». Впервые переведенные на русский язык радиопьесы Петера Хакса, Гюнтера Айха, Ингеборг Бахман, Вольфганга Хильдесхаймера, Зигфрида Ленца и других авторов представляют собой яркие свидетельства развития этого интересного жанра в немецкоязычных странах — ГДР, ФРГ, Австрии и Швейцарии.

Модель. Зарубежные радиопьесы

Радиопьесы мира

Модель

Сборник
зарубежных
радиопьес

Москва
«Искусство»
1978

НЕВИДИМЫЙ ТЕАТР

Советские читатели уже имели однажды случай познакомиться с немецкими радиопьесами. В 1972 году издательство «Искусство» выпустило сборник, включавший переводы девяти радиопьес авторов из ГДР, ФРГ, Австрии и Швейцарии. Настоящее издание — своеобразное продолжение сборника «Концерт для четырех голосов». Напомним, что он сопровождался содержательной статьей Ю. Архипова. Сославшись на нее, мы можем не повторять многое из того, что в ней уже было сказано об истории жанра радиопьесы и его эстетическом своеобразии по отношению к театру и эпосу.

Это своеобразие прежде всего определяется тем, что радиопьеса располагает только одним способом художественной самореализации — акустикой. Эстетический эффект достигается лишь различными комбинациями воспринимаемых на слух человеческих голосов, музыки, звуков, шумов и тишины. В известном смысле художественная палитра радиопьес у́же, чем изобразительные возможности театра, кино

или телевидения. Все, что воспринимается оптически — цветовая гамма жизни, формы и очертания предметно-телесного мира, движение одушевленной и неодушевленной материи в пространстве, жесты и мимика и, следовательно, такие элементы сценического искусства, как физические действия, мизансцены, танец, декорации, костюм, реквизит, освещение, — все это для радиопьесы недоступно. Но зато она сильна присущим ей, если можно так выразиться, «эффектом компенсации» (в чем-то сходным с той повышенной чуткостью и восприимчивостью, которой обладают люди, лишенные зрения).

Радиопьеса, в отличие от театра, не дает реципиенту готового зримого материала для пассивного, «ленивого» восприятия. Напротив, она требует большей духовной активности, большего творческого соучастия от слушателя и по самой своей жанровой природе создает условия для такой активности и такого соучастия. Она ничем не отделена от слушателя (ни рампой, ни экраном), включает его в свое акустическое пространство, и слушатель как бы находится «внутри нее». Радиопьеса обращена непосредственно к индивидуальному сознанию отдельного (вне окружения ему подобных, как в театре или кино-

зале) слушателя и потому обладает способностью особенно сильного, интенсивного воздействия на это сознание, прямого исповедального разговора «на ты».

В этом смысле показательны, например, пьесы Герберта Эйзенрейха («Чем мы живем и от чего умираем») и Дитера Веллерсхофа («Минотавр», 1960). В них поставлены отнюдь не какие-то эзотерические или интимные проблемы, а, напротив, проблемы, имеющие острое социальное и общественно-нравственное значение. Но они сосредоточены на узком пространстве, в страстном столкновении двух (всего лишь двух!) голосов. У Эйзенрейха — это муж и жена в час решительного объяснения, обнаруживающего неисцелимый кризис их брака и социальные предпосылки этого кризиса. У Веллерехофа — это мужчина и женщина: он — изощренный софист и себялюбец, чудовище, пожирающее живую плоть, Минотавр; она — любящая, но постепенно приходящая к постижению истинной сущности своего партнера. В первой радиопьесе преобладает прямой диалог, во второй — два параллельных «внутренних монолога» (временами даже два «потока сознания»), которые скрещиваются лишь в финальной сцене. Но так или иначе — лишь

два голоса. И между ними незримо и неслышимо присутствует некто третий. Слушатель. Как лицо, вовлеченное в их спор и их судьбу, как сопереживающий и как судья.

Отрешенность радиопьесы от зримого материально-телесного мира порождает характерную для этого жанра тенденцию. В радиодраматургии, как правило, акцент переносится с внешнего действия, связанного с физическим движением, с бытом, на внутреннее действие, на духовные и психологические процессы, на активность интеллекта и эмоций, выражающих себя в звучащем слове. На основе этой тенденции сформировалось два типа радиопьес (если и не исчерпывающих все многообразие этого жанра, то, во всяком случае, определяющих два его основных направления): философская парабола (притча) и поэтическая пьеса.

По ее иносказательной природе притче (параболе) всегда присуща некая двуплановость — двуплановость непосредственного изображения и обобщенного значения. В некоторых пьесах этот второй план реально присутствует в форме «снов», акустически воплощенных рассказов персонажей и прочих способов создания параллельного действия. В других случаях второй план

лишь подразумевается и слушатель его угадывает по намекам и по внутренней соотнесенности действия с актуальными фактами и явлениями современной общественной действительности. Этой же цели часто служат использование и «перекодировка» известных сюжетов, почерпнутых из мифологии, истории или классической литературы прошлого. Традиционные сюжеты образуют в параболе подразумеваемый второй план, хотя эта двуплановость и не выражена в композиции пьесы реально, а заключена лишь в сознании и восприятии слушателя. Именно игра этих двух планов и выявляет истинный смысл притчи, не сводимый полностью ни к одному из них.

Пьеса Петера Хакса «Притча о старом вдовце, жившем в 1637 году» (1956) — классический образец параболы. Ее философская тема — соотношение нравственной природы человека с обстоятельствами и условиями его социального бытия. Она подкупает своей рациональной (хотя при этом и несколько схематичной), стройной и ясной композицией. Мучительный путь старого вдовца, стремящегося похоронить свою жену по доброму христианскому обычаю, в деревянном гробу и с надгробной панихидой, распадается на три последовательных эпизода: со Столяром,

с Пастором и с Мошенником Концем. Каждый из этих эпизодов иносказателен, имеет свой «второй смысл», который раскрывается лишь в соотношении с венчающим притчу заключением старого вдовца:

> «Из того, что человек зол в несчастье, я делаю вывод: в счастье он добр. Он станет великодушным, когда наступит изобилие. Человек не будет зависеть от обстоятельств».

Примечательна литературная генеалогия Хакса. Он вышел из школы великого мастера социалистического реализма Бертольта Брехта, и «Притча о старом вдовце» многократно об этом свидетельствует. В идейно-тематическом отношении (человеческая мораль и социальные обстоятельства) она несомненно является ответвлением одной из магистральных проблем творчества Брехта. Можно было бы без труда проследить, как в теме притчи, в ее историческом и локальном колорите, в ее стиле, речевых особенностях и афористике вполне конкретно сказалось влияние Брехта и прежде всего его пьес «Мамаша Кураж и ее дети» и «Святая Иоанна скотобоен». И вместе с тем в параболе Хакса отчетливо слышны

отзвуки другого влияния — Вольфганга Борхерта, автора знаменитой радиопьесы «На улице перед дверью». И три печальные встречи на крестном пути героя (там, у Борхерта, — полковник, директор кабаре и фрау Хлам) и Смерть в облике «бледного господина с приятным голосом» — все это навеяно впечатлением от пьесы безвременно погибшего юноши из Гамбурга.

Другим примером параболы может служить «Жертвоприношение Елены» (1955) Вольфганга Хильдесхаймера. Эта дерзкая, остроумная, исполненная изящной иронии пьеса находится в русле уже давней художественной традиции XX века, отмеченной именами Гофмансталя и Газенклевера, Гауптмана и Брехта, Жироду и Ануйя, О'Нила и Кокто… Эти (и многие другие) драматурги обращались к сюжетам из античных мифов, переделывая и переосмысляя при этом традиционные классические версии, вкладывая в своих Антигон и Электр, Эдипов и Амфитрионов совсем иное, актуальное содержание.

Так и Хильдесхаймер переиначивает историю возникновения Троянской войны и в совершенно неожиданном, новом свете представляет слушателям еще со школьных лет им известных Елену, Менелая, Гермиону и Париса. Он не оставляет

камня на камне от поэтичного, веками передававшегося из поколения в поколение предания о пламенной любви Прекрасной Елены и красавца Париса, любви, из-за которой вспыхнула кровопролитная десятилетняя война, погибли тысячи воинов и был уничтожен славный город Троя. Оказывается, не было никакой любви, а были лишь коварные, преступно-жестокие провокации поджигателей войны, в жертву которым были принесены чувства Елены, а затем множество жизней греческих и троянских юношей.

Интерес излагающего такую версию автора явно направлен не на легендарные события XII века до нашей эры, а на присутствующий в пьесе в качестве подразумеваемого второго плана XX век — после недавней опустошительной второй мировой войны, в обстановке новой международной напряженности и угрожающего противостояния военных блоков. Слушатели без труда узнают в Менелае и Парисе современных площадных демагогов, циничных реакционных политиков, а в Гермионе — столь же современную ханжу и моралистку, благонравную дочь мещанско-фарисейской среды. Сугубо актуален и конфликт, лежащий в основе радиопьесы Хильдесхаймера. Конечно, анализ тех опасностей,

которые ныне угрожают миру со стороны агрессивных сил, в этой пьесе не бог весть как глубок. Этого от нее, пожалуй, и не стоило ожидать, учитывая личность радиоповествователя: ведь нить рассказа ведет и происходящее комментирует Елена — в присущей ей манере изящного, но несколько поверхностного салопного разговора. И все же за ее, казалось бы, легкомысленным острословием, за ее сентенциями, не лишенными женского кокетства, стоит гуманистическая идея: решительное неприятие войны, милитаризма, тоталитарной государственности и утверждение жизни во имя радости и человеческого счастья.

Иной, не столь рационалистический, а скорое, эмоционально-лирический характер носят поэтические радиопьесы. Их авторы — чаще всего известные в немецкоязычных странах поэты. Они вносят в радиодраматургию черты, присущие их лирическому творчеству. В их пьесах как бы сдвинут фокус и мир выступает в размытых визионерских очертаниях; факт утрачивает свою надежность и определенность, на его месте возникает метафора; действие часто движется согласно субъективной логике поэтических ассоциаций; многие монологи и реплики подобны стихотворению в прозе. В той или иной степени

это относится к пьесам Марии Луизы Кашниц «Свадебный гость», Ингеборг Бахман «Добрый бог Манхэттена», Гюнтера Айха «Прибой в Сетубале» (1957).

Пьеса Айха удивительно поэтична и вместе с тем не лишена и глубокого философского смысла. Лишь постепенно, вслушиваясь в нее, начинаешь — поначалу смутно, а затем все более уверенно — замечать ее подспудную связь с темой Дон Кихота и Санчо Пансы (по-видимому, далеко не случайной в истории культуры Иберийского полуострова). Здесь эта тема представлена другими своими гранями, а кроме того — в своеобразном женском варианте. Горестная и в то же время мудрая, поучительная история утонченной аристократки, в прошлом возлюбленной великого поэта Португалии Камоэнса, Катарины де Атаиде и ее верной камеристки Розиты развивается на двух уровнях — духовном и социальном. Конфронтация воображения и реальности, поэзии и природы, «безумия» и трезвого здравого смысла воплощена в отношениях госпожи и служанки, то есть аристократии и плебейства, интеллигенции и народа. В этом последнем аспекте проблемы — особо актуальное для Айха значение отдаленного исторического сюжета.

Отношения Катарины и Розиты — во всяком случае, до поездки в Лиссабон — отнюдь не гармоничны. Но жестокая реальность заставляет их учиться друг у друга. Общение их взаимно обогащает, и несомненно, что Розита научится «понимать чувства, которые зарифмованы», подобно тому как ее госпожа преодолела свою страсть бежать от действительности в мир утешительной фантазии и приняла девиз своей служанки: «Я не боюсь чумы, с тех пор как знаю, что она есть».

Панорама радиодраматургии стран немецкого языка высоко поучительна тем, что позволяет наглядно увидеть различие общественных и нравственных проблем, волнующих авторов социалистического и капиталистического мира. В пьесах немецких писателей социалистического реализма Петера Хакса, Гюнтера Рюкера, Хайнера Мюллера и других — происходит ли действие этих пьес в ГДР или в рамках параболически «очужденного» условно исторического или мифологического сюжета — обычно ставятся вопросы позитивного развития личности в ее отношении к социальным, моральным, культурным задачам и заботам социалистического общества. Тревожное внимание драматургов ФРГ, Австрии,

Швейцарии преимущественно приковано к грозным явлениям кризиса, духовной и нравственной исчерпанности капиталистического мира, к антигуманным тенденциям в жизни современного буржуазного общества, часто именуемого «обществом потребления».

Включимся в трансляцию радиопьесы Марии Луизы Кашниц «Свадебный гость» (1955). Первое, что дойдет до нашего слуха и сознания, это усталый, как бы издалека доносящийся голос старого человека, с тоской и удивлением наблюдающего резкое расхождение современных нравов и обычаев, современного стиля жизни и форм человеческих отношений с теми традиционными понятиями и нравственными ценностями, в мире которых рос он сам. Чем это объяснить? Рознью поколений? Возрастными несовпадениями? Но этой поверхностной констатацией смысл пьесы отнюдь не исчерпывается.

Что образует ту незримую стену, которая отделяет старого учителя, видящего жизнь человеческую сквозь призму древнегреческих мифов, от его нетерпеливой юной собеседницы, не ведающей, кто такой Аид и что такое огненная почта Агамемнона? Почему словно на разных языках говорят маг, умеющий творить чудеса и

повелевать таинственной душой вещей, и бесцеремонная, развязная Пуки, для которой этот маг — лишь нелепый старик, «приглашенный для оживляжа»? И почему вызывает чувство страха и неприязни невидимый жених, которого мы, в сущности, не знаем и о котором нам лишь известно, что «у него нет лица и никто не может запомнить, как его зовут»?

Здесь мы вступаем в область метафорических значений, из которых соткана идейно-художественная ткань пьесы. Мы вправе, конечно, усомниться в полной справедливости того противопоставления времен и поколений, которое является для М.-Л. Кашниц некой нравственно-философской аксиомой. Вряд ли мир Свадебного гостя, родителей и учителя Бьянки, старого слуги Вебера и других был миром ничем не омраченного добра, поэзии и патриархальных добродетелей. А если этот мир исторически конкретизировать и приурочить его, как подсказывала бы хронология, к определенным десятилетиям европейской истории и сопровождавшим их социально-политическим событиям (что решительно не входит в эстетические расчеты автора, который всячески окутывает этот мир дымкой вневременности), то его пороки и противоречия оказались бы ужа-

сающе очевидными. Таким образом, Свадебный гость и его ровесники пришли на современную свадьбу не из исторически реального вчерашнего дня, а из некой лишь в намеке очерченной магической утопии. Но если за спиной у них неясное, расплывчатое марево, то зато перед ними отчетливое в своих исторических приметах и решительно отвергаемое ими современное, деловое «общество потребления».

Правда, это общество, которое (смотри сцену с Матушкой Землей и духами воды и воздуха) отвернулось от идущих из глубины веков призывов к любви, к сохранению рода и сохранению жизни, изображено в неких условно-метафорических формах. Черты современного технизированного быта, дьявольские мелодии и ритмы поп-музыки соединяются со зловещими знаками старческой дряхлости, обветшалости, распада, с апокалипсическими видениями «атомного века». Своеобразный радиорепортаж Свадебного гостя воссоздает картину странной свадьбы, лишенной традиционной прелести и обрядовости, полной тревожных предвестий. Да и свадьба ли это или, скорее, поминки? Свадебное путешествие Бьянки через горы в какой-то чужой, неведомый мир — не есть ли это символ смерти? И не случайно

в сознании старого учителя свадебная поездка ассоциируется с древнегреческим мифом о похищении прекрасной Персефоны, дочери богини плодородия Деметры, мрачным Аидом, повелителем подземного царства и душ умерших.

Если в радиопьесе Марии Луизы Кашниц современное западное общество рассматривается сквозь размывающую его конкретные социальные очертания завесу метафорических иносказаний, поэтических снов и видений, то в ряде других радиопьес дегуманизирующие аспекты «общества потребления» изображаются с прямотой и беспощадностью, присущей традициям критического реализма. Таков, например, радиодиалог Герберта Эйзенрейха «Чем мы живем и от чего умираем» (1955). В нем нет панорамной широты и многоголосия «Свадебного гостя» лишь два голоса, муж и жена, но в судьбе мельчайшей социальной ячейки, семьи, отражены наболевшие проблемы всего общества в целом.

Пьеса Эйзенрейха заставляет слушателя задуматься о той цене, которой он оплачивает свой суррогат счастья в мире, где живет. Счастье «потребления», счастье «благосостояния», алчной, иссушающей душу погони за которым отдаются все силы, оказывается ложной целью.

Феликс Гильдебранд, специалист по рекламе, то есть один из тех, кто создает и внушает людям потребности — в том числе потребности фиктивные, дутые, ненужные, — сам в конечном счете жертва «погони, в которой догонявший стал преследуемым». Он проповедовал культ потребления, жил, поклоняясь потреблению, и теперь жизнь предъявляет ему пассивный баланс приобретений и потерь. Служение официальным идолам «общества благосостояния» приводит к необратимой деформации личности. Человек становится «функцией бизнеса», «придатком своей машины», рабом вещей и сомнительных материальных ценностей. Если даже общество дает ему средства для жизни, то оно же стремится лишить его цели жизни. Процесс дегуманизации человеческих отношений разрушает основы исторически изжившего себя общества.

И. Фрадкин

Петер Хакс
ПРИТЧА О СТАРОМ ВДОВЦЕ, ЖИВШЕМ В 1637 ГОДУ

Действующие лица и голоса

Диктор
Рассказчик
Вдовец
Столяр
Пастор
Мошенник Конц
Смерть

Д и к т о р. Притча о старом вдовце, жившем в 1637 году.

Р а с с к а з ч и к. Война длилась уже девятнадцать лет, для войны это очень хороший возраст. Годы войны — не обычные годы. У них свой счет. Например, год лошади — как три года для человека, а год собаки — как пять. Но жизнь во время войны — собачья жизнь, и один год войны приносит не меньше побоев и нищеты, чем пять человеческих лет. Итак, войне было девяносто пять — совсем старушка. *(Музыка.)* Чего толь-

ко не пришлось пережить за эти девятнадцать лет, пока война состарилась. Сначала пришла инфляция. Потом пришли шведы и забрали все, что осталось после инфляции. Потом пришла чума и забрала все, что осталось после шведов. Чума оставила после себя семь или девять домов, церковь, а еще несколько акров земли, которую никто уже не возделывал, рощу, в которой никто уже не рубил дров, и крутую, каменистую, узкую дорогу. По дороге шел старый человек, толкая перед собой тачку. Старый человек был вдовец. Его жена умерла от чумы. Она-то и лежала в тачке.

Стук колес тачки.

Дорога была ухабистая, в чем следует винить не войну, а век. И тачку трясло на этой дороге, а жена Вдовца, теперь уже мертвая, перевалилась и перекатывалась в тачке.

В д о в е ц. Она была мне женой столько лет, сколько я ее помню. Она помогала мне, чтобы я не остался один, как пруд или камень. И поэтому я не окаменел, как другие, оказавшиеся одинокими в такое время. Она была частью моей жизни и остается ею. Все, что я делаю, я делал бы иначе, не живи она никогда на свете. И, что бы я ни делал, я думаю о ней. Я хотел бы думать о ней с чистой

совестью, не испытывая стыда. Самое малое, что я могу для нее сделать, — это похоронить ее как положено, по-христиански. Еще до войны я закопал под деревом один имперский талер. Я истрачу его на панихиду и похороны. И попрошу Столяра сделать гроб, ведь он кум моей покойной жены.

Стук тачки удаляется.

Р а с с к а з ч и к. Дом Столяра был один из самых приметных. У него сохранились крыша и стекла во многих окнах. Добравшись до этого дома, старый Вдовец остановил тачку и прислушался.

Д и к т о р. Как старый Вдовец торговался со Столяром.

С т о л я р. Гроб, говоришь?

В д о в е ц. Гроб, кум.

С т о л я р. Понимаю, гроб.

В д о в е ц. Христа ради.

С т о л я р. Христа ради? Христос с тобой, кум, ты честный человек, сам не знаешь, о чем просишь. Гроб ему подавай.

В д о в е ц. Моя жена померла. Кума твоя.

С т о л я р. Лучше б она не помирала. Я распилил на гробы все люльки. Я распилил на гроб свою собственную кровать. Ты пойми, нет досок, ни

единой. Никто не дает. А тем более Христа ради.

В д о в е ц. Значит, нет?

С т о л я р. Нет.

В д о в е ц. Один имперский талер у меня найдется.

С т о л я р. Настоящий? Не фальшивый?

В д о в е ц. Но я собирался отдать его господину Пастору за панихиду и похороны, как положено.

С т о л я р. Дай-ка его сюда. Я его возьму, так и быть, мы же кумовья. Вот тебе корыто, положи ее в корыто, оно твое.

В д о в е ц. Не нужно мне корыто. Оно для овса, а для мертвой женщины нужен гроб.

С т о л я р. Не будь неблагодарным, кум. Если уж ты так любишь роскошь и желаешь хоронить жену непременно в чем-то, то почему ты не берешь это корыто? Ты сам рассуди, оно не тяжелое.

В д о в е ц. Не возьму я, тяжело мне его брать. Я привык, что, коли человек жил честно, его надо в гробу хоронить. У старой развалины вроде меня сил не много, их едва на похороны хватит. Может, надо бы подумать, да только устал я думать. Кто устал, тот за привычное держится. Мне нужен гроб, мне с ним легче.

С т о л я р. Это похвальные чувства, кум. Я, как столяр, очень тебя понимаю. Но речь не о чув-

ствах, а о досках. Гроб стоит два талера.

В д о в е ц. Два талера. На них можно целый двор купить и землю в придачу. Нет у меня второго.

С т о л я р. Потому-то я и не стал говорить тебе об этом.

В д о в е ц. Кабы знать, откуда мне взять второй?

С т о л я р. Продай что-нибудь.

В д о в е ц. После шведов ничего у меня не осталось. Даже дома. Может, господин Пастор подарит мне талер?

С т о л я р. Гроб имеет свою цену, кум. Цена гроба зависит от цены на дерево и, конечно, от спроса. Я тут совсем ни при чем.

Р а с с к а з ч и к. Старый Вдовец поднял свою тачку и побрел к развалившейся школе, где работал Пастор.

Стук колес тачки.

Крестильные книги, служебные бумаги и законодательные декреты Пастор свалил в угол. А на их место поставил толстый деревянный чурбан. Пастор колотил по этому чурбану, словно по нераскаявшейся душе.

Д и к т о р. Как старый Вдовец торговался с

Пастором.

Стук колес тачки затихает.

П а с т о р *(молодой голос)*. Пошли прочь. Ах, извини, сын мой. Я думал, что это кто-нибудь из моих детей. Садись. Или лучше не садись. Сначала расскажи, что привело тебя ко мне. Надеюсь, дело твое не духовного свойства. *(Продолжает колотить по чурбану.)*

В д о в е ц. Я пришел насчет панихиды. И насчет талера.

П а с т о р *(продолжает стучать)*. Имперский талер?

В д о в е ц. Да, не фальшивый.

П а с т о р. Талер за панихиду. Вот слово, вот деяние. Вот проявление душевного чувства — заказывать панихиду при нынешнем одичании. Мало кто заказывает теперь панихиду, а ведь она необходима. Они думают, что без нее можно обойтись. Кто праведно жил, и так попадет в рай — это заблуждение. Не подмажешь — не поедешь. Покажи мне этот талер.

В д о в е ц. Прошу прощения, господин Пастор, у меня нет талера. А то бы я принес. Отслужите Христа ради, взаймы конечно.

П а с т о р. Принес бы! Принес бы талер в дом

Пастора. О вавилонское столпотворение! Я так беден, сын мой, что посылаю детей просить милостыню, иначе мне не прокормиться. Я изменил своему призванию, растратил впустую свой талант. Привожу пример: я написал оду в честь Мошенника Конца, восемь листов рифмованными стихами. Я посылаю к нему своих детей — и что они приносят? Жалованье? Признательность? Заказ нарубить поленницу дров. Кому? Мне, слуге божьему. Нет у меня талера. Ни гроша у меня нет, нечем заплатить за суп из воды. А ты знаешь, сколько стоит суп из воды?

Д и к т о р. Сколько стоит суп из воды.

П а с т о р. Вот говорят: суп из воды, словно он ничего не стоит. Но даже для самого плохого супа из воды нужно двадцать шесть вещей. Во-первых, кремень. Во-вторых, огниво. В-третьих, трут. В-четвертых, сера. В-пятых, солома, чтобы разжечь огонь. В-шестых, дрова. В-седьмых, посуда, чтобы принести воды. В-восьмых, горшок, чтобы сцедить воду. В-девятых, очаг, чтобы вскипятить воду. В-десятых, хлеб. В-одиннадцатых, нож, чтобы резать хлеб. В-двенадцатых, миска. В-тринадцатых, соль. В-четырнадцатых, бочонок для соли. В-пятнадцатых, сало. В-шестнадцатых, банка, чтобы держать в ней сало. В-семнадцатых,

шкаф или бидон, чтобы хранить упомянутое сало. В-восемнадцатых, сковородка. В-девятнадцатых, ложка. В-двадцатых, стол, чтобы есть за ним. В-двадцать-первых, скатерть. В-двадцать-вторых, солонка. В-двадцать-третьих, стул, чтобы сидеть на нем. В-двадцать-четвертых, лохань, чтобы мыть посуду. В-двадцать-пятых, кухонная тряпка и, черт, чуть не забыл, еще веник, чтобы выметать золу из очага. Таковы, сын мой, так называемые concreta, или видимые потребности, однако за ними следуют abstracta, или невидимые потребности, как-то: время, чтобы состряпать этот суп, далее — терпение со всем этим возиться, наконец, спокойная уверенность, что, когда суп будет готов, никто не придет и не выхлебает его, — а каких денег он стоит, этого вообще нельзя сосчитать.

Д и к т о р. Продолжение разговора с Пастором.

П а с т о р. Но если у тебя нет талера, как же ты заплатишь за панихиду?

В д о в е ц. Я подумал, нельзя ли сделать это бесплатно?

П а с т о р. Ты хочешь купить божье слово и спрашиваешь, нельзя ли сделать это бесплатно? Приглашаешь на погребение бога, а поминок не устраиваешь? Бесплатно это сделать нельзя. Ты

что, хочешь замарать репутацию господа?

В д о в е ц. Я не хотел бы марать репутацию господа. Я бога уважаю.

П а с т о р. Скажи, а зачем тебе, собственно, нужна панихида? Ведь проповедь — одна болтовня, я ее просто списываю из сборника. Мой тебе совет — отслужи панихиду сам. Это не положено, но ты по крайней мере знал покойницу.

В д о в е ц. Но я хотел, чтобы как положено.

П а с т о р. Теперь не предъявляют таких претензий. Я думал, что достоинство духовного пастыря не выдержит, когда мою жену насиловали семеро на мусорной куче или когда несколько моих детей удрали с протестантами, став денщиками у рейтар и обозными шлюхами. Да что говорить. Я бы отслужил панихиду из христианской любви к ближнему, но христианская любовь к себе приказывает мне колоть дрова, я обещал выполнить работу в срок. *(Продолжает колоть дрова.)* А талер тебе никто не одолжит, разве что Мошенник Конц.

В д о в е ц. Может, пойти к нему.

П а с т о р. У меня нет ничего. Ничего. Дать тебе кого-нибудь из моих детей, чтобы помогли толкать тачку?

Р а с с к а з ч и к. Дорогу к Мошеннику Концу

люди не любили — еще и потому, что она была длинной. Мошенник Конц жил в городе. Его дом был построен всего десять лет назад, и он был великолепным. Графский герб, высеченный в белом мраморе над порталом, казался еще новее. Мошенник стоял у окна и для собственного удовольствия пел арию на стихи Горация, а прекрасная дама аккомпанировала ему на лютне.

Д и к т о р. Ария Мошенника Конца на стихи Горация, спетая для собственного удовольствия.

М о ш е н н и к.

На небесах и на земле
Богатству подвластны вещи все.
Того, кто с деньгой, все уважают,
Хвалят, и любят, и привечают,
Все, что он хочет, сейчас исполняют.

Д и к т о р. Как старый Вдовец торговался с Мошенником Концем.

М о ш е н н и к. Что у вас там на тачке, говорите быстрей.

В д о в е ц. Труп, с вашего позволения.

М о ш е н н и к. Чумной труп?

В д о в е ц. Да.

М о ш е н н и к. Вот это ловко, чумной труп. Вот это деловая хватка. А еще что там?

В д о в е ц. Ничего, с вашего позволения.

М о ш е н н и к. Может, медная стружка, может, серебряная проволока — ну, что? Может, даже золотые опилки, скажите мне, я все равно узнаю.

В д о в е ц. С вашего позволения, господин фон Конц, это только моя старая жена.

М о ш е н н и к. Да? А зачем же вы таскаете ее с собой?

В д о в е ц. Дело в том, что надо ее похоронить.

М о ш е н н и к. Ну и?..

В д о в е ц. Мне не хватает одного имперского талера. И я позволю себе просить вас, не будете ли вы столь добры предоставить его мне?

М о ш е н н и к. Один талер, любезный? Ага! Охотно. Я люблю их отдавать, мои талеры.

В д о в е ц. Премного благодарен. Спасибо.

М о ш е н н и к. А у вас найдется залог?

В д о в е ц. Ах вот оно что.

М о ш е н н и к. Хе?

В д о в е ц. Я вам обещаю, сударь…

М о ш е н н и к. Что? Ничего нет?

В д о в е ц. Только дом.

М о ш е н н и к. Дом, дом… Кто нынче берет в залог дома. Нет ли у вас старой дарохранительницы или чаши для святой воды, пусть погнутой, я их беру не ради идеалов. Ну да ладно, сойдет и дом.

Я его беру за то, что вы натолкнули меня на идею с трупом. Подпишите вот здесь, что обязуетесь вернуть два талера.

В д о в е ц. Но мне нужен только один.

М о ш е н н и к. Вы и получите один. Вы получите ваш талер, значит, по справедливости я получу свой.

В д о в е ц. Но я бедный человек.

М о ш е н н и к. Если вы бедны, за что же вас награждать? Ступайте прочь, и пусть городская стража вас оштрафует.

В д о в е ц. Бедность не порок.

М о ш е н н и к. Порок. Вы знаете, с чего я начинал? С одного талера, но он, слава богу, был фальшивый. Чистая медь, едва прикрытая серебром. Я хотел истратить его, потому что в те времена у меня был такой же порочный взгляд на вещи, как у вас. Я вертел его в пальцах и раздумывал, что бы такое на него купить. Проходит мимо глупый мужик и говорит: «Ах, господин, какой у вас красивый, блестящий, новый талер». Я ему отвечаю: «Дай мне твой старый и получишь этот». И он дает мне иоахимсталер чистого серебра. Какова тут мораль? Мораль такова: за деньги надо покупать только деньги. Некоторое время я жил разменом и наскреб талеров пятьдесят. Но

крестьяне стали слишком разборчивы, научились отличать фальшивые монеты. Подумал я, подумал и решил: давать в рост — тоже значит разменивать. В городе возбуждали против меня процесс: нельзя, мол, платить плохими талерами за хорошие. Тут я узнаю, что герцог одолжил тысячу хороших талеров. В одну ночь я одалживаю две тысячи, и на следующий день мы выигрываем процесс. Ну как, подписываете?

В д о в е ц. Подписываю.

М о ш е н н и к. Два талера или дом, срок уплаты — через двенадцать месяцев. И нечего толковать мне о несправедливости. Вы один из тех, кто съел яйцо.

В д о в е ц. Какое яйцо? Я вас не понимаю.

Д и к т о р. Притча о яйце.

М о ш е н н и к. Жила-была бедная женщина, вышла она из дома на голодный желудок и нашла на пороге яйцо. Но она не набросилась на него с жадностью и не проглотила его, а бережно подняла и отнесла к соседке, чтобы та подложила его под свою курицу. Из яйца вылупился цыпленок, цыпленок вырос в превосходную несушку. Женщина прилежно собирала яйца и продавала, а что оставалось, опять подкладывала под курицу. Накопила она денег, начала торговать молодыми

курами, талер к талеру — глядишь, купила она телушку, вырастила ее, та принесла приплод. А выручку от яиц положила женщина в копилку, и вот у нее уже и корова, и теленок, и наседка, и копилка, полная денег, и стала она всеми уважаемой женщиной. А что она для этого сделала? Да ничего такого, чего не может каждый, если он порядочный, дельный человек и хочет значить больше, чем другие. *(Обычным тоном.)* Поймите: сожрать яйцо — это сожрать целую ост-индскую компанию. Моим яйцом был тот первый талер.

Д и к т о р. Как старый Вдовец торговался с Мошенником. Продолжение.

М о ш е н н и к. Позвольте спросить, ваш дом находится в хорошем состоянии?

В д о в е ц. В хорошем… как это?

М о ш е н н и к. Я имею в виду его сохранность. В договоре речь идет о хорошо сохранившемся доме. Если, к примеру, ваш дом покосился или осел, его следует снести, его нельзя тогда считать хорошо сохранившимся в юридическом смысле. На этот случай я хотел бы дать вам совет: займитесь этим и отстройте его заново. Возможно, через год ваш новый дом будет готов. Я говорю только в ваших интересах, друг мой, в самом деле, не очень приятно давать графу Концу со-

мнительный залог. Так-то. Вот вам ваш талер.

Звон брошенного талера.

Д и к т о р. Продолжение арии Мошенника Конца на слова Горация.

М о ш е н н и к.

На небесах и на земле
Все вещи подвластны нищете.
Пусть ты хорош собой и умен,
Семью добродетелями наделен, —
Но, раз ты беден, всего ты лишен

Р а с с к а з ч и к. Старый Вдовец завязал талер, который он одолжил, вместе с тем талером, который он спас, спрятав под деревом, в свой шейный платок. Он повернул свою тачку и отправился в путь. Дорогу от Мошенника люди не любили — еще и потому, что она была долгой. Старый Вдовец не радовался второму талеру, хотя и мог купить на него гроб. Он просто решил довести дело до конца. Когда он подошел к дому Столяра, наступил вечер.

Д и к т о р. О том, как старый Вдовец торговался со Столяром во второй раз.

В д о в е ц. Вот, кум, я его достал.

С т о л я р. Кого?

В д о в е ц. Талер.

С т о л я р. От твоего талера никакого проку, кум.

В д о в е ц. Я говорю про второй.

С т о л я р. У тебя есть второй? Тогда и от первого будет прок. Давай-ка их сюда, посмотрим. В самом деле, настоящие. Оба настоящие. И один и второй.

В д о в е ц. Один мне дал Мошенник.

С т о л я р. Да, у него теперь серебряный рудник.

В д о в е ц. Ну, кум, по рукам? Я спешу, мне надо получить его поскорей.

С т о л я р. Я уж чуть не передумал давать тебе его, честно говоря. Но раз уж ты принес два талера… Вон, возьми его, стоит в сенях. За дверью. Только бери скорей, а то как бы я не раздумал. Такого корыта теперь ни за какие деньги не достанешь.

В д о в е ц. Спасибо, кум. Но ты говорил о гробе. О гробе говорил.

С т о л я р. Я говорил о корыте. Его я тебе и даю. Мне, правда, предлагали за него три талера, но раз я тебе обещал, я и даю его тебе.

В д о в е ц. Но в полдень ты обещал мне гроб.

С т о л я р. Да, в полдень. А ты знаешь, какой

нынче спрос на гробы. Каждому мертвому подавай гроб. А у некоторых разные фантазии. Одна жена учителя, она померла только вчера, желает иметь гроб, обитый голубой тафтой. Как ты думаешь, что я ей сказал?

В д о в е ц. Кума твоя померла.

С т о л я р. Ей же хуже. Сейчас спрос на гробы, а на мертвых спроса нет. Мертвых нынче сколько хочешь. Потому они теперь ничего и не стоят.

В д о в е ц. Но... *(Плачет.)*

С т о л я р. Не реви, знаю я вас. Если не хочешь, не бери. Берешь? Нет? Вот и я говорю: грузи. Ну? Дай-ка подсоблю тебе. Твоя тачка тоже ведь не катафалк.

Р а с с к а з ч и к. Старый Вдовец положил свою жену, которая померла от чумы, в корыто, а Столяр ему помог. Они поставили корыто на тачку. Старый Вдовец поблагодарил Столяра. И отправился к дому могильщика, чтобы тот открыл ему кладбищенские ворота и выкопал могилу.

Стук колес тачки.

Он отказался от панихиды. Он отказался от гроба. Все, чего он хотел, — это закопать жену в землю.

В д о в е ц. Хоронят раз в жизни, здесь-то я уж

на своем настою. Кладбище — это божья земля, пусть ее туда впустят.

Р а с с к а з ч и к. Подойдя к дому могильщика, он увидел, что все окна — темные. А ворота были заперты, и кругом не было видно ни души.

В д о в е ц. Значит, придется мне самому копать могилу…

Р а с с к а з ч и к. …сказал старый Вдовец. Он потащил свою тачку к дому дьячка, у которого хотел попросить ключ от кладбища. Но никто не пошевелился, ни одна щель не приоткрылась. Ни одна рука не протянулась, чтобы дать ему ключ, а ведь ключ был ему нужен.

Д и к т о р. Жалоба старого Вдовца на свое время.

В д о в е ц. Ворота сделаны для того, чтобы их отпирать.

Но время нынче не такое.

На воротах звонки сделаны для того, чтобы звать гостеприимных хозяев.

Но время нынче не такое.

В такое время все ворота на запоре.

А звонки обернуты пенькой.

Ибо человек создан для того, чтобы быть счастливым, со всеми желаниями, требующими исполнения.

Но время нынче не такое.

Время бесчеловечное.

Р а с с к а з ч и к. Поскольку могильщик и дьячок сделали вид, что их нет дома, старый Вдовец подошел к маленькой железной двери в кладбищенской стене и взломал ее. На это ему потребовалось четыре часа, пока не взошла луна.

Музыка.

Потом старый Вдовец некоторое время рылся в инструментах могильщика, пока не нашел для себя не слишком тяжелую лопату. Он выбрал уютное место недалеко от стены под старой сосной и начал копать могилу.

Стук лопаты.

Поскольку прошло уже много времени, он решил прочесть панихиду по жене, не прерывая рытья могилы.

В д о в е ц. Ты всегда была справедливой и никому не делала зла, а хлеба в доме никогда не было вдосталь. Теперь ты померла. Тебе бы радоваться, что ты ушла из этого мира. Но ты не радуешься. Ты не могла радоваться, когда другой человек страдает. И весь мир страдает, говорю тебе, страдает так, что жалость берет. Мир кор-

чится и трясется от муки, и его лик становится жутко уродливым от чрезмерного страдания. Я хотел бы, чтоб ты радовалась, и потому я хотел, чтобы несчастья мира наконец кончились.

Звучит орган.

Стук лопаты прекращается.

Орган замолкает.

Р а с с к а з ч и к. В это мгновение дверь церкви отворилась, и бледный господин в черном, причудливо завитом парике вышел из церкви и произнес приятным голосом:

С м е р т ь. Оставь все как есть.

Р а с с к а з ч и к. И прибавил:

С м е р т ь. Ты же только мучаешь себя.

Р а с с к а з ч и к. И, положив ногу на ногу, он уселся на какой-то могильный камень и дружески взглянул на старого Вдовца.

Звучание органа.

Д и к т о р. Как старый Вдовец беседовал со Смертью.

С м е р т ь. Хочешь вырыть большую могилу или маленькую?

В д о в е ц. Маленькую, ваша милость. Нужна

маленькая.

С м е р т ь. Хм. Не хочешь делать лишней работы ради жены. Не очень-то ты силен, я знаю стариков. Полагаю, что это корыто займет слишком много места. Значит, придется тебе ее вынуть и похоронить без ящика. Тем не менее ты не должен, конечно, сильно прижимать ее. Она должна поместиться в яму. Я прикидываю так: сто сорок на тридцать. Но никак не меньше.

В д о в е ц. Да, и я так думал.

С м е р т ь. Сто сорок на тридцать. И, допустим, один метр глубины. Это составит четыреста двадцать тысяч — примерно пол кубического метра. Одна лопата — это, по моему расчету, шестьсот кубических сантиметров. Сколько ты уже сделал? Пятьдесят? О корнях я вообще не упоминаю. Там, глубже, пойдут корни той сосны, что стоит за тобой.

В д о в е ц. Мне, ваша милость, ничуть не легче от ваших слов.

С м е р т ь. Терпение, старик. Я собираюсь тебе помочь. Вот почему я хочу отговорить тебя от этого рытья. Ты должен понять, в чем твоя забота Как же иначе ты найдешь решение? А я тебе предлагаю решение ничуть не хуже. Итак: ложись, старик. Положи голову на эту небольшую кучу

земли, которую ты вырыл здесь около могилы, для подушки ее вполне хватит. И спи. *(Звучание органа.)* Спи. *(Звучание органа.)* Спи. *(Орган.)*

В д о в е ц. Вы хотите сказать, что я должен выспаться?

Звуки органа резко обрываются.

С м е р т ь. Нет, я не это хочу сказать. Выспаться — пошлое слово. Это слово вызывает раздражение, оно оскорбляет сон. Спать, чтобы проснуться, не так ли? Говорить о сне, который должен кончиться. Фи. Сон — вот суть, его нельзя прерывать. Старик, усталость, которая живет в тебе, нельзя избыть сном. *(Звучание органа.)* Ты устал не только телом, но душой. *(Звучание органа.)* Ты устал от людей, ведь они так злы.

Звучание органа.

В д о в е ц. Злы, ваша милость? Нет, нет, они не злы.

Звучание органа резко обрывается.

С м е р т ь. Все это фразы, любезный, отговорки. Ты утверждаешь, что они когда-либо творили что-то кроме зла?

В д о в е ц. Они делают это не со зла, вот что

я утверждаю. У них есть для этого причины. У всех у них есть свои причины. Причины их развратили.

С м е р т ь. А Пастор, а? Разве он не злой?

В д о в е ц. О нет, он просто беден.

С м е р т ь. А Мошенник? Он не беден.

В д о в е ц. А Мошенник имеет слишком много — вот в чем дело.

С м е р т ь. Видишь, теперь ты противоречишь себе.

В д о в е ц. Нет, ваша милость. Я же вижу, что дело в этом.

С м е р т ь. А Столяр? Он не богат, не беден. Интересно, что ты о нем думаешь?

В д о в е ц. Не хочу хвалить его, ваша милость. Но и Столяр не злой. Он не сказал, что ему нет никакого дела до моей мертвой жены. Он сказал, гроб стоит столько-то. А потом сказал: теперь он стоит столько-то, цена за это время поднялась. А что Столяр может поделать с ценой? Я уверен, он подарил бы мне гроб, если бы не цена.

С м е р т ь. Но то, что человек так зависит от цены, должно же приводить тебя в ужас.

В д о в е ц. Нет. Это утешает меня.

С м е р т ь. О! Ты меня не понял. Ведь это позор, что люди поступают так, чуть придет нужда. Во

что же верить?

В д о в е ц. В то, что не будет нужды. Человек плохо переносит такие испытания, и, значит, ему нет от них пользы. Из того, что человек зол в несчастье, я делаю вывод: в счастье он добр. Он станет великодушным, когда поступит изобилие. Человек не будет зависеть от обстоятельств.

С м е р т ь. Чепуха. Человек — не поджигатель, он только устраивает пожар, так? Человек — не убийца, пока не убьет? Человек — не волк, просто у него запеклась кровь на губах? Ты не веришь тому, что видишь, ты философствуешь.

В д о в е ц. Ужасна чума
И опустошения, принесенные войной.
Ужасна бедность,
Но самое ужасное — это потеря надежды,
если ты заболел чумой,
Это отчаяние обреченного на пытку,
Это слепота бедняка, не видящего выхода.
Легко питать надежды весной,
Когда благоухание цветов
Обещает полные корзины.
Но осенью, в пору бессилья человека,
Тяжело обрести надежду.

Видите, там, на стене, сидят вороны? Ворон — злая птица, нехорошая, но взгляните только, как

они относятся друг к другу. Как они нежны и терпеливы. Это оттого, что сейчас они сыты. Это время для воронов.

С м е р т ь. Ты думаешь, для тебя настанет другое?

В д о в е ц. Не для меня, сударь.

С м е р т ь. Сейчас ты нищий. Что ты сделаешь, если выживешь?

В д о в е ц. Построю новый дом.

С м е р т ь. Ты построишь дом — для кого? Для Мошенника. Ведь тебе будет еще хуже. И ты хочешь дожить до этого времени? Ты — неразумное дитя, которое бежит в лес, а лес ведь не так мрачен. Твои люди — разве они тебе помогут?

В д о в е ц. Может быть. Или я им.

С м е р т ь. Ха.

В д о в е ц. Вы хотите, чтобы я отрекся от них. Я вас слышу. Но я не могу. Представьте себе стул, который не верит в стулья. Мерзость.

С м е р т ь. Довольно, довольно. Не упрямься. Позволь кое-что посоветовать тебе, старое ты дитя. Построй себе склеп. Тебе ведь ничего иного не остается. *(Звучание органа.)* Я не говорю, что тебе будет хорошо. Но все, что приносит плоды, прекратится. Все, что приносит плоды. *(Звучание органа.)* Все прекратится. Все прекратится.

Звучание органа.

В д о в е ц *(тихо)*. Но оно же не прекратится.

Музыка резко обрывается.

Стук лопаты.

Р а с с к а з ч и к. Таким образом, спор старого Вдовца со Смертью не закончился. Это хорошо. Ради такого конца стоило слушать начало. Ибо самый плохой исход — это сделка со смертью.

В д о в е ц. Например…

Р а с с к а з ч и к. …сказал старый Вдовец.

Стук лопаты прекращается.

В д о в е ц. Например, послушайся я вашего совета, лежал бы я сейчас, как говорится, мертвый. И тогда кому-нибудь пришлось бы хоронить меня, как мне нынче ночью — мою жену. А такой напасти, с разрешения вашей милости, я не пожелаю ни одному человеку на свете.

Перевела Э. Венгерова.

Гюнтер Рюкер
МОДЕЛЬ
Четыре эскиза одного дня

Действующие лица и голоса

Пилот
«Альфа» (голос пульта управления)
Женщина
Мужчина-фотограф
Девушка
Юноша
Пегги
Мать
Дочь
Шофер
Маргит
Люси
Кассирша
Продавщица
Метрдотель
Таксист

Разговор по рации. Говорят П и л о т и «А л ь ф а», их голоса по-разному искажены. Не-

большие посторонние шумы.

«А л ь ф а». «Альфа» вызывает номер 4031. Прием.

П и л о т. Я — 4031. «Альфа»! Как слышите? Я вас слышу хорошо.

«А л ь ф а». К старту готовы?

П и л о т. К старту готов.

«А л ь ф а». 4031, стартуйте.

П и л о т. Стартую.

Ракетный истребитель стартует. Во время дальнейшего диалога слышны шумы полета.

П и л о т *(сейчас звук голоса слышен без искажений).* Выруливаю. Подъем. Включаю мотор.

«А л ь ф а». 4031! Ваш курс двести шестьдесят, высота сто тридцать.

П и л о т. Есть курс двести шестьдесят, высота сто тридцать. *(Снова неискаженный звук голоса.)* Сейчас я лечу над нашим городом.

«А л ь ф а». Высота сто шестьдесят.

П и л о т. Есть высота сто шестьдесят. *(Неискаженный звук.)* Доброе утро, мама. Сто пятьдесят, сто пятьдесят пять. Сейчас будет солнце. *(Искажение звука.)* Высота сто шестьдесят.

«А л ь ф а». Берите направление на радиомаяк четыре.

П и л о т *(неискаженный звук)*. С днем рождения, мама. Сегодня увольнения нет. Вот. Вот оно, солнце. Сегодня солнце желтое.

«А л ь ф а». 4031! Спуститесь на десять метров.

П и л о т. Есть спуститься на десять метров.

«А л ь ф а». Правая петля на триста сорок.

П и л о т. Есть правая петля на триста сорок.

Шум самолета переходит в музыку. Звучит фортепьяно.

Комната.

Ж е н щ и н а. Ты слышишь? Проснись!

М у ж ч и н а. Уже?

Ж е н щ и н а. Мой сын может приехать.

М у ж ч и н а. В это время?

Ж е н щ и н а. Сегодня вечером ты опять поздно?

М у ж ч и н а. Нет. Сегодня у меня только мода для осеннего номера, две страницы, ночные рубашки и пижамы — в цвете. Почему твой сын приезжает так рано?

Ж е н щ и н а. Это зависит от его службы. В мой день рождения он всегда, всегда приезжает рано.

М у ж ч и н а. У тебя день рождения?

Ж е н щ и н а. Я каждый год забываю. А сегодня под утро вдруг вспомнила.

М у ж ч и н а. Ты не спала?

Ж е н щ и н а. Спала немного.

М у ж ч и н а. Почему ты меня не разбудила?

Ж е н щ и н а. Я хочу попросить тебя об одной вещи — чтобы ты превратил правую стену в большую картину.

М у ж ч и н а. Я фотограф, а не художник.

Ж е н щ и н а. Эти картины уже написаны. Несколько веков назад. Я разыскала их в музее. Я принесу тебе книги. Сотню книг. Самое большее — две сотни. Ты ведь видел изображения звездного неба. Я хочу такую стену. Каждая картина не больше твоей ладони. Это только такая игра. Фигуры, придуманные человечеством. Уже много лет я мечтаю о такой стене. Но мне всегда казалось это несколько экстравагантным. Теперь я достаточно стара, чтобы позволить себе некоторую экстравагантность.

М у ж ч и н а. Вся стена в фигурах?

Ж е н щ и н а. Да. Полубоги и боги, авантюристы, изобретатели, Синдбад-мореход и Гаргантюа, слепые, шуты, мыслители, мечтатели, безумцы, братоубийцы, бродяги, Каин и Авель, основатели городов, обжоры, летчики — выдуманные и жившие на свете, но жившие так, словно их выдумали. И выдуманные так, словно они жили на

самом деле. Разве Каин и Авель жили? Конечно, нет. Откуда же мы знаем о них? Ты никогда не задумываешься об этом? Что будут рассказывать о нашем времени через тысячу лет?

М у ж ч и н а. Сказать тебе честно — редко. С другой стороны, я для того и фотографирую, чтобы они узнали о нас.

Ж е н щ и н а. Как ты думаешь, какие истории они будут рассказывать о нас? Разве достаточно нескольких эпизодов, чтобы знать все о целой эпохе? Чернокожий человек призывал своих братьев добиваться прав, не применяя насилия. Его голос разносился повсюду, все его слышали. Человек с белой кожей выстрелил ему в горло, чтобы он замолчал и истек кровью.

М у ж ч и н а. Ты об этом думала ночью?

Ж е н щ и н а. Ты видел луну? О чем она тебе напоминает?

М у ж ч и н а. Я не знаю. О чем?

Ж е н щ и н а. Она напоминает о часе перед воздушным налетом.

М у ж ч и н а. Я жил с матерью в деревне. Я был еще ребенком.

Ж е н щ и н а. Господи, ты же был еще ребенком. Как я могла забыть!

М у ж ч и н а. Сегодня вечером я погляжу на

луну.

Ж е н щ и н а. Позвони, прежде чем придешь. Пожалуйста.

М у ж ч и н а. Неужели это так плохо, если твой сын увидит, что ты иногда бываешь не одинока.

Ж е н щ и н а. Речь идет не обо мне. Его жизнь должна быть свободной от беспорядка.

М у ж ч и н а. Такой он строгий молодой человек?

Ж е н щ и н а. Может, от этого зависит его жизнь. Значит, позвони, прежде чем придешь.

Музыка.

Телефонная будка.

Д е в у ш к а. Алло. Ты меня слышишь? Я звоню из автомата. Ты завтракаешь? Да. Вчера было прелестно. Не надо об этом. А я не хочу слушать. Но она его не любит. Что? Вот как? Нет, любит или не любит — это самое важное, ты только подожди немного. Скажи, когда мы увидимся? Я шатаюсь по городу, я же тебе сказала. Хорошо, в четыре. У типографии. Ровно в четыре. А потом пойдем немного потанцуем. В молодежный клуб. Только ты переоденься. Слушай, я себе кое-что покупаю. Вот получу премию и приду покупать. Какую премию? Пасхальную. Работа в две смены.

Ночные рубашки и пижамы из нового волокна. Очень милые есть вещички. Нет, я не сплю в ночной рубашке. Что покупаю? Не скажу. Нет, правда, не скажу. Ладно, если угадаешь — значит, я тебе проспорила одно желание. Да, можно видеть. Нет, не скажу. До четырех.

Итальянская музыка.

У кассы.

К а с с и р ш а. Пять, десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять, триста, двадцать, двадцать шесть. Триста двадцать шесть марок и пятьдесят четыре пфеннига.

Д е в у ш к а. А премия?

К а с с и р ш а. И зачем тебе столько денег?

Д е в у ш к а. Я тебе скажу, только ты никому не говори.

К а с с и р ш а. Десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят. Ну, и зачем?

Д е в у ш к а. Я иду покупать туфли. Пегги отложила мне пару. Она теперь работает в магазине «Эксквизит».

К а с с и р ш а. Завтра их наденешь? Дашь взглянуть?

Д е в у ш к а. Но ты никому ни слова.

К а с с и р ш а. На толстом каблуке?

Д е в у ш к а. Нет. На таком высоком — с ума сойти.

К а с с и р ш а. Наверно, страшно дорогие?

Д е в у ш к а. Зато итальянские.

Итальянская музыка.

Сейчас пойду и куплю их. Но сначала пройдусь по улицам. Буду наслаждаться жизнью. Гулять. Тратить деньги.

Музыка обрывается.

Магазин грампластинок.

Д е в у ш к а. Я хотела бы купить пластинку. Что-нибудь итальянское, если можно.

П р о д а в щ и ц а. Могу предложить Вивальди или Палестрину, хоры a cappella.

Д е в у ш к а. Я не очень разбираюсь. Это похоже на рождество.

П р о д а в щ и ц а. Может быть, возьмете «Травиату» с Марией Каллас? Настоящая итальянская запись. Пожалуйста, вот наушники и конверт: содержание оперы по-немецки и по-французски.

Д е в у ш к а. Большое спасибо.

Музыка из «Травиаты».

(Деловито читает текст на фоне музыки.)

«Трагическое состоит не в том, что она умирает от чахотки. Когда на ее теме страстного самоотвержения во имя любви опускается занавес, мы понимаем то, что уже Дюма-сын высказал в своем романе как его квинтэссенцию: любовь делает человека лучше, откуда бы она ни пришла».

Музыка обрывается.

Но все-таки я скорее имела в виду народные итальянские песни.

П р о д а в щ и ц а. Нет же никакого сравнения.

Д е в у ш к а. Нет, мне хотелось, чтобы звучали мандолины и бубны. Но я еще подумаю. Чао.

Итальянская музыка.

Любовь делает человека лучше, откуда бы она ни пришла. Любовь делает человека лучше… Дюма-сын прав. Это квинтэссенция. Любовь делает человека лучше. А теперь начнем кутить?

Музыка затихает.

В автомобиле.

Ш о ф е р. Мы едем полтора часа. На Михаэльштрассе восемьдесят два я вас высажу. Через два часа я вернусь за вами, мы захватим директора и поедем домой.

М а т ь. Хорошо. Тогда я успею к началу смены.

Ш о ф е р. Я слышал, вы едете к дочери? Короткий визит.

М а т ь. Мне надо с ней поговорить. Писать долго, а побыть подольше нет времени.

Ш о ф е р. Какие-нибудь неприятности?

М а т ь. Нет, нет…

Ш о ф е р. Я так и думал. Такой дочкой каждая мать гордилась бы. Мне кажется, я ее знаю, по школе. Она училась в старой школе, где потом нашли неразорвавшийся снаряд. Далеко пошла девочка. Я всегда думал, она учится в институте. Удивительное дело.

М а т ь. Что?

Ш о ф е р. Вот живет девушка, как все другие, а в один прекрасный день о ней узнают все. Ее фотографии можно видеть почти в каждом журнале мод. И такая красотка так долго скрывалась! Больше всего она мне понравилась в ночной рубашке и в пижаме.

М а т ь. Ах так.

Ш о ф е р. Моя жена тоже говорит, что девушка не робкого десятка. Она себе купила такую рубашку. А вы работаете на экспериментальной фабрике? Это ваша фотография висит на Веркштрассе? Новатор, лучшая работница, верно? Вот

видите? Если б я знал заранее, я бы захватил с собой фото вашей дочки. Может, она написала бы мне что-нибудь на обратной стороне. Пару слов или просто подпись. Она, наверное, меня уж не помнит.

М а т ь. Значит, вы считаете правильным, что женщина позволяет снимать себя в ночной рубашке?

Ш о ф е р. Правильным? Я считаю, это красиво. Просто красиво. А вы — нет?

М а т ь. Когда мы приедем?

Ш о ф е р. Как сказал: через час.

Музыка.

Комната.

М а р г и т. Сейчас еще рановато, Люси, я знаю, но я подумала, зачем так долго спать после второй смены, дети в школе, пойди погуляй.

Л ю с и. А ты гуляла?

М а р г и т. Да. На улицах полно народу, солнце светит, столько было дождей, что мы отвыкли от солнца. Я проходила мимо универмага. Знаешь, что я видела? Пижамы и ночные рубашки из нового волокна, с которым экспериментирует вторая лаборатория. Выглядят очень мило.

Л ю с и. Поставить в воду твои цветы?

М а р г и т. Они твои, Люси! Тебе они нравятся? В прошлом году ты всегда их покупала.

Л ю с и. А ты это заметила. Надо же!

М а р г и т. Я подумала, что они тебя обрадуют. Я тебе не мешаю?

Л ю с и. Нет, нет.

М а р г и т. Просто у меня такое настроение. Столько людей, столько солнца, улицы, город, все… Люси! Я тебе здорово мешаю?

Л ю с и. Что ты.

Короткая пауза.

М а р г и т. Люси, я не знаю, что будет дальше.

Л ю с и. С вами обоими? Он все еще не знает, что на свете есть ты?

М а р г и т. Нет, он знает. Всякий раз, когда мы видимся, мы глядим друг на друга.

Л ю с и. Черт, надо же!

М а р г и т. Господи, если я захочу, он, конечно, заговорит со мной. Если я захочу, чтобы он посмотрел на меня, он, конечно, посмотрит. Если я захочу, он захочет. Не в этом дело.

Л ю с и. А в чем?

М а р г и т. Поговорим о чем-нибудь другом.

Л ю с и. Хорошо. А о чем? Ты довольна постановлением приемной комиссии?

М а р г и т. Очень.

Л ю с и. Ты думаешь, мы правильно уловили направление?

М а р г и т. Безусловно.

Л ю с и. А сейчас о чем ты думаешь?

М а р г и т. Я видела его мать.

Л ю с и. Как — видела?

М а р г и т. Я к ней поехала.

Л ю с и. Просто взяла и поехала?

М а р г и т. Да. Сыновья похожи на матерей. Надо видеть матерей.

Л ю с и. А что ты ей сказала, почему ты приехала?

М а р г и т. Я спросила, сдается ли комната.

Л ю с и. Какая комната?

М а р г и т. Комната на лето.

Л ю с и. А она сдает?

М а р г и т. Нет.

Л ю с и. И что она сказала?

М а р г и т. Она сказала, что не сдает.

Л ю с и. А как ты узнала, где она живет?

М а р г и т. А для чего существуют секретарши?

Л ю с и. И где же она живет?

М а р г и т. В маленьком городке. Два часа на поезде в южном направлении.

Л ю с и. Ну и как ты выкрутилась?

М а р г и т. Жаль, говорю, мне здесь так нравится, такая местность красивая, свежий воздух, надоела, говорю, химия.

Л ю с и. А она?

М а р г и т. Сын, говорит, у меня тоже на химическом заводе работает. Потом мы о тмине поговорили.

Л ю с и. О ком?

М а р г и т. О тмине. И почему у нас не растет чеснок. Мы через забор разговаривали. У нее маленький огород, она сажает травы. А я в этом деле разбираюсь. Говорит, сын приезжает, живет в свободной комнате. А я говорю, ему, дескать, хорошо, может приезжать сюда каждую субботу.

Л ю с и. Наверно, она догадалась!

М а р г и т. Откуда? Я ей сказала, что слышала в автобусе, будто она сдает комнату.

Люси хихикает.

Он должен понять меня, понять мою жизнь, Люси.

Л ю с и. Пускай я примитивная, но ты должна с ним поговорить. Он должен знать, что ты есть на свете, и ты должна знать, как он относится к женщинам.

М а р г и т. Он к женщинам относится незави-

симо. Ты это знаешь не хуже меня.

Л ю с и. Я вообще ничего не знаю.

М а р г и т. Но, Люси! Помнишь тот жаркий день, когда ты была в твоем коротком платье?

Л ю с и. Нет.

М а р г и т. Помнишь, мы ходили в лабораторию, в четвертый бокс?

Л ю с и. Мы? В лабораторию?

М а р г и т. И все на тебя оглядывались.

Л ю с и. Надеюсь.

М а р г и т. А он шел нам навстречу. Я тебе тогда сказала, чтобы ты не горбилась.

Л ю с и. Я горбилась?

М а р г и т. Ты так свела лопатки, что платье чуть не лопнуло. Спереди.

Л ю с и. И что?

М а р г и т. Он прошел мимо.

Л ю с и. Прошел мимо?

М а р г и т. Прошел мимо, не оглянувшись.

Л ю с и. Разве это делает ему честь?

М а р г и т. Он из тех мужчин, которые никогда не оглядываются на женщин. Он настоящий мужчина. Вот именно. Ты мне нравишься. Но я не знаю, понравится ли тебе, если я это покажу.

Л ю с и. Может, он застеснялся, потому что со мной была ты. Или хотел произвести на тебя

впечатление. Да, наверно, так и есть, он хотел произвести впечатление. Он старый холостяк и не уверен в себе.

М а р г и т. Он не старый холостяк. Он разведенный.

Л ю с и. Откуда ты знаешь?

М а р г и т. Я же сказала, надо спрашивать матерей.

Л ю с и. Вы говорили о его разводе?

М а р г и т. Нет. Я только сказала: вашему сыну, дескать, хорошо, он может приезжать сюда каждую субботу. А она мне на это и говорит, что у ее сына в выходные дни есть другие занятия.

Л ю с и. А именно?

М а р г и т. Он ходит.

Л ю с и. Что?

М а р г и т. Он ходит. Пешком. Занимается туризмом. Каждое воскресенье ездит на поезде в горы и ходит. Ходит целый день, пока не устанет. Он говорит, что раз в неделю должен устать по-настоящему. А потом возвращается обратно.

Л ю с и. А при чем здесь развод?

М а р г и т. Я его матери говорю: «Это он вам так рассказывает, на самом деле у него где-нибудь есть тайная подруга. Он знает, что матери этого не любят, вот и говорит про туризм». А она

говорит, что знает его и что у него подруги нет. После развода, говорит, он живет один. Она ему, дескать, советует взять новую, но он не желает и говорить на эту тему. Если его какая-нибудь девушка не подцепит, сам он и пальцем не пошевелит, чтобы жениться.

Л ю с и. Мало ли чего мать наскажет.

М а р г и т. Насчет поезда — это правда. Он ездит в горы, а вечером возвращается.

Л ю с и. Каждое воскресенье?

М а р г и т. Я проверяла.

Л ю с и. Ездила за ним?

М а р г и т. Избави бог! Только проехалась в том же поезде. Он сошел на второй станции.

Л ю с и. А потом?

М а р г и т. Пошел пешком. По направлению к горам.

Л ю с и. А ты?

М а р г и т. Я осмотрела руины какого-то замка, потом вернулась короткой дорогой, и вечером мы уехали одним и тем же поездом.

Л ю с и. Велика важность!

М а р г и т. Что?

Л ю с и. Да то, как ты выведываешь всю его подноготную.

М а р г и т. Так надо. Когда я увидела его первый

раз, я поняла: это он. Я растерялась. Я же себя знаю. В груди колотье, внутри все сжимается, а потом живешь как в тумане. Так у меня каждый раз. И каждый раз я думала: это он. Я не имею права ошибиться в нем. Я больше не смогла бы расстаться с мужчиной. Не смогла бы уйти. Не хочу больше уходить и оставаться одна. Я дважды это делала. Третьего я должна удержать. Я с него глаз не спускаю, насмотрелась на него — на целую жизнь. Но при этом что-то случилось.

Л ю с и. Что случилось?

М а р г и т. Поговорим о чем-нибудь другом.

Л ю с и. Как хочешь. *(Пауза.)* А о чем?

М а р г и т. Что?

Л ю с и. О чем говорить?

М а р г и т. Не знаю. А о чем мы говорили?

Л ю с и. Что ты не имеешь права в нем ошибиться.

М а р г и т. Ах да. Мне же уже за тридцать. У меня двое детей от разных отцов. Отец старшего был нервным. Я была одна. Война кончилась, и он был для меня единственным человеком на свете. Мне было семнадцать. Я как увидела его — поняла: этот. Он меня любил. Мы долго вместе жили. Но даже если б он не так сильно любил меня — все равно. Я хотела любить. И любила. Он был такой

красивый. Потом мать посылала мне деньги на ребенка. Он женился на самой красивой девушке в городе. Я подумала, что надо быть скромнее и взять себе такого, который не очень хорош собой, тогда я его удержу. Он будет рад, что взял меня, ведь я была миленькая, даже очень. Второй мой, как я теперь вижу, правда был собой нехорош. Я тогда думала, что ему будет нужна вся моя любовь, ему всегда буду нужна я. А ему были нужны совсем другие вещи. Забудем о нем. Следующие были совсем не то. Много лет — не то. Потом я училась. И почти всех их позабыла. А теперь вот этот. Мне не за тридцать, мне уже сорок лет. Я теперь все о нем знаю. Как он относится к деньгам, над чем смеется, кто ему нравится, а кто — нет, что он читает, как ест, как у него подстрижены ногти и почему он развелся.

Л ю с и. Почему?

М а р г и т. Почему, почему. Он ее разлюбил, и она его разлюбила.

Л ю с и. Что это на него нашло?

М а р г и т. Так уж бывает.

Л ю с и. Я тебя перебила.

М а р г и т. Да. Я думала, теперь я его только немного помурыжу, как положено. «Добрый день!» — «Добрый день!», ездим в одном автобу-

се, через пару дней он позвонит, через неделю зайдет, я открою дверь: «Ах, это вы? Вот неожиданность!», потом зачастит, через несколько недель дети к нему привыкнут, через несколько месяцев он — к детям, о главном говорить не будем, а потом в один прекрасный день все же заговорим, отпущу веревочку подлиннее, покороче, и через год он скажет «да». Нужно только быть достаточно твердой и достаточно мягкой.

Л ю с и. Вот именно!

М а р г и т. И я так думала.

Л ю с и. И что?

М а р г и т. Я так больше не могу. Такие игры были хороши для наших бабушек. День-деньской в отделе, у меня же под началом отдел, а по вечерам дрожать, заметил или не заметил. Не могу я больше играть в эти игрушки.

Л ю с и. Но мы же всегда так делали, Маргит, и всегда достигали цели.

М а р г и т. Это недостойно, Люси, недостойно нас.

Л ю с и. Но так уж заведено. Как же может быть иначе? Конкретно — как?

М а р г и т. Вон его дом, богатый, бело-голубой. Он живет на восьмом этаже. Интересно, какие окна его квартиры?

Л ю с и. Пятое окно слева, открытое. Он, кажется, дома.

М а р г и т. Он взял отпуск, заканчивает курсовую.

Л ю с и. Теперь я тебя понимаю. Поэтому ты и пришла?

М а р г и т. У нас все права. Но чтобы пойти к нему и сказать: «Ты нужен мне, и я хочу быть с тобой», этого главного права мы еще себе не взяли. Кто же нам его даст, если мы не потребуем?

Л ю с и. Ты шла к нему, а потом струсила!

М а р г и т. Отсюда можно пройти в боковой корпус?

Л ю с и. Дойдешь до лифта, поднимешься на девятый, оттуда спустишься на восьмой, а потом… нет, я тебя провожу. Идем!

Ресторан, итальянская музыка из автомата.

Д е в у ш к а. Прошу вас, легкий завтрак.

М е т р д о т е л ь. Одна марка девятнадцать пфеннигов.

Д е в у ш к а. И салями.

М е т р д о т е л ь. Три семьдесят.

Д е в у ш к а. И вермут с лимоном.

М е т р д о т е л ь. Четыре тридцать.

Музыка кончается.

Д е в у ш к а. Сдача вам, если бросите в автомат полмарки. Номер сорок четыре.

М е т р д о т е л ь. Три раза одно и то же?

Д е в у ш к а. Но если мне нравится!

М е т р д о т е л ь. Пожалуйста, прошу.

Д е в у ш к а. Спасибо. Который час?

М е т р д о т е л ь. Без пяти двенадцать.

Д е в у ш к а. Мне пора. Туфли зовут. Ариведерчи, синьор.

М е т р д о т е л ь. Всего доброго, барышня.

Д е в у ш к а. Всего доброго.

Итальянская музыка.

Еще пятьдесят метров. И ринусь за туфлями. Нет. Сяду на скамейку. Пусть солнце на меня посветит. Прощайте, мои старые шлепанцы, достаточно вы пожили на свете. Адье. Адье, мои дорогие. Туфли ждут.

Музыка кончается.

Обувной магазин «Эксквизит».

Д е в у ш к а. Пегги, вот и я.

П е г г и. Ты хотела быть здесь в десять.

Д е в у ш к а. Мне надо было получить деньги и позавтракать, нельзя покупать туфли на пустой желудок. Пегги, где они?

П е г г и. Мне пришлось их припрятать. Держи. Такой прекрасной пары у нас не было много лет. Понюхай.

Д е в у ш к а. А какой цвет, боже, какой цвет!

П е г г и. А какая выделка. Пощупай.

Д е в у ш к а. Смотри-ка, замша. Как бархат.

П е г г и. Говорю тебе, лучше не бывает, только дороже. Пощупай, какая подошва.

Д е в у ш к а. А этот каблук! Новый фасон каблуков — ужасен, ты не находишь?

П е г г и. Он не продержится и сезона. Ни за что.

Д е в у ш к а. А такой каблук всегда красив.

П е г г и. Да, такой всегда будет в моде. Взгляни, какая линия. Все прочее дешевка. Надень. Вот рожок. Сейчас я выпишу тебе чек.

Д е в у ш к а. Выписывай, Пегги.

Музыка.

Мои туфли. Мои прекрасные, легкие итальянские туфли.

Музыка обрывается.

Пегги!

П е г г и. В чем дело?

Д е в у ш к а. Пегги, посмотри!

П е г г и. Что случилось?

Д е в у ш к а. Да посмотри же. Этого не может быть.

П е г г и. Я ничего не вижу.

Д е в у ш к а. Они велики! Велики на полномера!

П е г г и. Ты же сказала, что нужен свободный тридцать седьмой.

Д е в у ш к а. А это тесный тридцать восьмой.

П е г г и. Но ты же их мерила! Как это могло произойти? Я же нарисовала крест на внутренней стороне коробки.

Д е в у ш к а. Нет здесь креста. Где ты видишь крест? Не вижу я никакого креста. Ох, Пегги!

П е г г и. Пойду поищу на складе. А ты пока присмотри себе другие. Тут полно шикарных. Есть и пошикарней, чем эти. Я сейчас.

Д е в у ш к а. Пегги!

П е г г и. Не реви, пожалуйста!

Музыка.

Д е в у ш к а. Мои туфли, мои прекрасные туфли.

П е г г и. Вот она, коробка с крестом. Видишь, другие прячут еще лучше, чем я. Надень.

Д е в у ш к а. Пегги! В самый раз.

П е г г и. Покажи-ка. В самый раз.

Д е в у ш к а. В самый раз. Облегают, как перчатка. Я чуть не умерла, Пегги. Пройдусь-ка я несколько шагов. Мечта, Пегги. Мечта!

П е г г и. Как я испугалась. Сейчас я тебе их заверну.

Д е в у ш к а. Нет, заверни лучше эти старые шлепанцы! О господи, вот это туфли. Пегги, я никогда этого не забуду. Спасибо.

П е г г и. Не за что, носи на здоровье. Как я испугалась. Вот чек.

Касса.

Д е в у ш к а. Пятьдесят, сто, сто десять, сто двадцать, сто тридцать, сто тридцать пять! И не говори никому, какие они дорогие.

П е г г и. Я не скажу, туфли сами скажут! Вот коробка со старыми. Желаю удачи!

Д е в у ш к а. Спасибо, Пегги!

Итальянская музыка.

Это не туфли, а мечта! Это… это… не знаю что. Праздник!

Музыка.

Д е в у ш к а. Черепаховый суп, рыба в тесте,

печеные абрикосы, ананасы!

Та же музыка.

Фиалки, незабудки, пожалуйста!

Та же музыка.

«Травиата» с Каллас и хоры.
Любовь делает человека лучше.

Та же музыка.

Пожалуйста, одно мороженое. С кремом. И фрукты. И вафли. И газированную воду. Большую порцию мороженого, пожалуйста!

Та же музыка.

(В телефон.) Такси к кафе. Немедленно. Спасибо.

Та же музыка.

В такси.

Д е в у ш к а. К типографии на Георгсхайн.
Т а к с и с т. К типографии на Георгсхайн.
Д е в у ш к а. Ровно к четырем. Успеем?
Т а к с и с т. К четырем. Еще и позавтракаем.

Музыка.

Георгсхайн, три двадцать. Без пяти четыре.

Д е в у ш к а. Спасибо. Сдачи не надо. Это вам… на завтрак.

Т а к с и с т. Спасибо. До свиданья.

Д е в у ш к а. Спасибо. Счастливого пути.

Т а к с и с т. Эй, барышня! Коробку забыли.

Улица.

Д е в у ш к а. Господи! Большое спасибо.

Музыка. Четыре звонких, четыре глухих удара башенных часов.

(Считает удары.) Раз, два, три, четыре. Любовь делает человека лучше, откуда бы она ни пришла. Привет!

Ю н о ш а. Привет. *(Звук ближе.)* Я угадал! Новые туфли.

Комната.

Ю н о ш а. И Пегги отложила их для тебя?

Д е в у ш к а. Да. Мило с ее стороны, правда?

Ю н о ш а. Ты проспорила мне одно желание.

Д е в у ш к а. Я зашла к тебе, потому что ты хотел быстро переодеть куртку.

Ю н о ш а. Я сразу угадал. Это были новые туфли.

Д е в у ш к а. Бери свою куртку. И не смотри все время на мои ноги.

Ю н о ш а. Они теперь еще стройнее.

Д е в у ш к а. Перестань.

Ю н о ш а. Это, правда, очень мило со стороны Пегги. Прекрасные туфли! Покажи.

Д е в у ш к а. Отойди на шаг. Теперь подойди. Видишь, замша, как бархат.

Ю н о ш а. Как пахнет!

Д е в у ш к а. Ты тоже любишь запах кожи?

Ю н о ш а. Да.

Д е в у ш к а. А как облегают ногу.

Ю н о ш а. Да, в самом деле хорошо облегают.

Д е в у ш к а. Ну, бери же куртку!

Ю н о ш а. Эта туфля мягкая, как твоя ладонь.

Д е в у ш к а. Где твоя куртка? Пожалуйста.

Ю н о ш а. Нет, твоя ладонь мягче.

Д е в у ш к а. Ты хотел взять куртку. Пусти мою руку. Пожалуйста.

Ю н о ш а. Сейчас.

Д е в у ш к а. Пусти руку.

Ю н о ш а. Сейчас.

Д е в у ш к а. Пусти.

Ю н о ш а. Сейчас.

Д е в у ш к а. Пусти, пожалуйста. Пожалуйста.

Музыка.

Подъезд нового дома.

Шаги.

Л ю с и. К лифту сюда, Маргит. Доедешь до девятого этажа и потом вернешься на восьмой. А где у тебя, собственно, с ним началось?

М а р г и т. В конфликтной комиссии.

Л ю с и. Но он же не участвует в конфликтной комиссии.

М а р г и т. Нет, но он был, когда обсуждали сотрудника, который всегда засыпает.

Л ю с и. Ему, верно, нужен был психиатр. Теперь вверх по лестнице.

М а р г и т. Он был совершенно нормальный.

Л ю с и. А твой что сказал?

М а р г и т. Он рассказал анекдот про маленького толстяка с сигарой. Знаешь? В один прекрасный день, когда часы на башне пробили десять, дверь в табачную лавку открылась и пошел маленький толстяк с сигарой в руке, он откусил кончик, подошел к маленькому огоньку, какие всегда горят в табачных лавках, зажег сигару, приподнял шляпу и вышел. Ну, знаешь?

Л ю с и. Этот лифт занят. Нет, не знаю.

М а р г и т. Забавно, думает продавец, и на следующий день часы на башне бьют десять,

маленький толстяк входит с сигарой, откусывает, закуривает, приподнимает шляпу, выходит, продавец удивляется, и на следующий день — ну что рассказывать. Этот лифт свободен.

Л ю с и. Нет, это другой.

М а р г и т. Как долго. И на следующий день, ну что рассказывать, часы бьют десять, входит маленький толстяк с сигарой, закуривает, приподнимает шляпу, хочет уйти, а продавец ему: «Минуточку! Кто вы, собственно, такой?» «Как, вы меня не знаете? — говорит толстяк. — Странно. Я же тот маленький толстяк, который каждый день приходит в десять и закуривает сигару». Я была единственным человеком, который смеялся. Так мы увиделись в первый раз. Смеяться над одним и тем же — ведь это важно, как ты считаешь?

Л ю с и. Очень важно. В брачных фирмах это учитывают. Твой лифт!

Шум лифта.

И что постановила конфликтная комиссия насчет этого сони?

М а р г и т. Председатель призвал всех быть серьезными, но его не уволили. Ведь это именно тот человек, который всегда засыпает.

Лифт останавливается, дверь открывается.

Л ю с и. Запомнила — до девятого, потом на восьмой, потом налево до средней лестницы, а потом смотри на дверные таблички. У него ведь эта ужасная фамилия.

М а р г и т. Хрдличка.

Л ю с и. Жуть.

М а р г и т. Почему? Я буду фрау Хрдличка.

Л ю с и. Увидимся на работе. Пока.

М а р г и т. Спасибо, Люси.

Дверь закрывается, лифт уходит.

Л ю с и. Хрдличка. Господи, вот это любовь.

Музыка.

Просторное помещение.

М а т ь. Ты моя дочь, мне нужно поговорить с тобой.

Д о ч ь. Почему ты не написала, что приедешь?

М а т ь. Все очень быстро вышло.

Д о ч ь. Я кончу съемки, и мы спокойно побеседуем.

М а т ь. Значит, у тебя нет для матери времени?

Д о ч ь. Он должен воспользоваться светом. В полдень здесь уже нет солнца.

М а т ь. Мне нужно ехать обратно, к тебе на

квартиру. Водитель не знает, где я. Твоя хозяйка сказала, что за тобой заехал фотограф, тогда я поехала в редакцию, там мне дали этот адрес. У меня мало времени.

Д о ч ь. Я знаю, что ты теперь скажешь.

М а т ь. Я тоже знаю, что скажешь ты: фигуру, внешность и способности ты унаследовала от меня и не виновата, что получила хорошее наследство; если в тебе есть что-то, чему люди радуются, пусть они радуются; учишься ты хорошо, работа тебе обеспечена, тебе нравится раскрашивать вещи; ткани, которые ты позволяешь фотографировать на себе, должны быть проданы, тебе приятно первой примерять их и доставлять удовольствие тем, кто будет их носить; миру нужно немного красоты, я должна радоваться, что ты вносишь в мир немного этой красоты, иначе зачем же мы производим эти вещи, ломаем голову, как сделать их больше, быстрее, дешевле; потому что весь мир этого хочет; почему этого хочет весь мир; потому что приятно их взять в руки.

Вот как все просто. Это и вправду так просто. У меня теперь есть телевизор.

Д о ч ь. Это прекрасно.

М а т ь. Думала, для развлечения?

Д о ч ь. Можно заглянуть в мир. Тебе нравится?

М а т ь. Я часто теперь думаю о тебе.

Д о ч ь. Почему?

М а т ь. Я вижу мир, в котором много нищеты и горя. И нищета растет. В мире все больше бедных. Все больше умирает детей, все больше на свете голодных…

Д о ч ь. А почему ты при этом думаешь обо мне?

М а т ь. Этот человек, который тебя снимает, он нас не слышит?

Д о ч ь. А ему нельзя нас слышать?

М а т ь. Я вижу этих людей в нужде — и вижу твои фотографии, и я чувствую, что эти люди мне ближе, чем ты на своих фотографиях.

Д о ч ь. Мама!

М а т ь. Они мне чужие, а ты — мое дитя. И я чувствую, что эти люди ближе мне, чем ты на этих фотографиях.

Д о ч ь. Это правда?

М у ж ч и н а *(издалека)*. Милые дамы, свет кончается.

Д о ч ь. Ты можешь не мешать?

М у ж ч и н а. Прости, я не знал.

Д о ч ь. Ты мешаешь! Разве ты не видишь?

М у ж ч и н а. Это мне нравится. Сначала мы теряем свет, а потом размазываем грим.

М а т ь. Я пойду.

Д о ч ь. Ты не можешь так уйти.

М а т ь. Я приехала только для того, чтобы тебе это сказать. Не говорить же мне об этом с чужими?

Музыка.

Комната.

Л ю с и. А ты действительно нажала на звонок?

М а р г и т. Да.

Л ю с и. И что?

М а р г и т. Его не было дома. Вышла уборщица.

Л ю с и. А ты что сказала?

М а р г и т. Что-то сказала.

Л ю с и. Ты ужасно смелая.

М а р г и т. Это не смелость, Люси. Я от страха позвонила. Я стояла перед дверью и уже хотела уходить и вдруг подумала, а что если он переедет. Он один, все напоминает ему о жене. Почему бы не переехать? Тогда все пропало, думаю, и нажала на кнопку. Если б он открыл, я бы, наверное, спросила, правда ли, что он съезжает с квартиры, или что-нибудь в этом роде. А если бы он сказал, что квартира не освобождается, я бы на него посмотрела. Только посмотрела бы — понимаешь? И если он такой, как я представляю, — а он

такой, — он сразу бы понял, в чем дело. И тогда, может быть, во мне нашлось бы смелости сказать ему, что я та, которая хочет взять его себе. И тогда — мы бы еще посмотрели.

Л ю с и. А если бы он тебя не понял или ответил какую-нибудь глупость?

М а р г и т. Он понял бы. Понял. Он такой, каким я его представляю.

Л ю с и. Если ты так уверена, почему же ты боишься?

М а р г и т. Верно, Люси, почему же я тогда боюсь?

Л ю с и. Могу сказать.

М а р г и т. Ах!

Л ю с и. Ты боишься, что мы такие же, какие были. Но ведь мы такие по природе.

М а р г и т. Как будто этого нельзя изменить!

Л ю с и. Так уж мы устроены. Мы ждем, а если парень ничего не замечает, нам приходится довольствоваться другими. От мужчин требуется мужество, а от нас — старые игры.

М а р г и т. Но я так не могу, Люси! Я больше так никогда не смогу! Как долго еще это будет продолжаться!

Л ю с и. Боюсь, это затянется.

М а р г и т. Люси, что мне делать?

Л ю с и. Надежность прежде всего. Поймай его с помощью проверенных рецептов.

М а р г и т. Нет.

Л ю с и. Представь, что ты проиграешь только потому, что хочешь выиграть новым способом. В воскресенье ты опять поедешь в горы.

М а р г и т. Ни за что.

Л ю с и. Поедем вместе.

М а р г и т. Нет.

Л ю с и. Мы посетим развалины крепости, а вечером вернемся тем же поездом.

М а р г и т. Нет.

Л ю с и. Я зайду за тобой в воскресенье утром.

М а р г и т. Нет.

Л ю с и. Когда отходит поезд?

М а р г и т. В восемь сорок.

Л ю с и. В восемь двадцать я буду у тебя.

М а р г и т. Почему нам все еще так трудно?

Л ю с и. Полдевятого на вокзале.

М а р г и т. Нет, Люси.

Л ю с и. Ну и жди, пока его возьмет другая.

М а р г и т. Со вчерашнего дня действует летнее расписание. Поезд уходит в четверть девятого.

Л ю с и. Наконец-то! Я рада за тебя, Маргит.

М а р г и т. Нет, Люси, это ужасно. Неужели мы, бабы, должны ждать чуда или надеяться, что

наступит матриархат? Живем-то не вечно. У нас не так много времени!

Л ю с и. Ты безусловно права. Кстати, где ты видела пижамы и ночные рубашки из нового волокна?

Комната. Хор Палестрины.

Ю н о ш а. Правда, похоже на рождество, но мне нравится.

Д е в у ш к а. Палестрина. Я купила эту пластинку, потому что была счастлива.

Ю н о ш а. Отчего?

Д е в у ш к а. Оттого, что у меня туфли.

Ю н о ш а. А теперь?

Д е в у ш к а. Тоже. А ты?

Ю н о ш а. Тоже.

Д е в у ш к а. Любовь делает человека лучше, откуда бы она ни пришла. А теперь мне надо домой.

Ю н о ш а. Домой?

Д е в у ш к а. Мне в утреннюю смену, ехать поездом пять двадцать пять.

Ю н о ш а. Отсюда много ближе.

Д е в у ш к а. На работу надо приходить из дому.

Музыка кончается.

Ю н о ш а. Хорошо, давай оденемся. Потом встанем на улице и будем ловить такси. Потом я отвезу тебя домой, ты откроешь дверь парадного, поднимешься на четвертый этаж, потом разденешься, почистишь зубы, постелешь постель, потом ты не заснешь, потом все-таки заснешь, потом зазвонит будильник, и ты снова оденешься. Я буду все время думать о тебе, не смогу заснуть, потом все-таки засну, опоздаю, разозлюсь, ты будешь виновата, я устрою тебе скандал, мы поссоримся, ты меня покинешь, я выброшусь в окно. И все отчего? Оттого, что ты хочешь быть дома в полночь.

Д е в у ш к а. Я еще никогда не ночевала у мужчины.

Ю н о ш а. Передай мне этот бокал. Чокнемся. За твой первый раз!

Д е в у ш к а. Осторожно! Ты закапал вином туфли!

Ю н о ш а. Только подкладку.

Д е в у ш к а. Но ведь могло попасть и на кожу.

Ю н о ш а. Ну и что?

Д е в у ш к а. Как ты можешь говорить «ну и что».

Ю н о ш а. Купим новые.

Д е в у ш к а. Ха-ха!

Ю н о ш а. Вон лежат мои брюки. Выверни карман. Посмотри, сколько они стоят.

Д е в у ш к а. На это? На это не купишь даже подошвы и каблуков.

Ю н о ш а. Ну-ну!

Д е в у ш к а. Вот тебе и «ну-ну»!

Ю н о ш а. Сколько же стоят прелестные туфельки?

Д е в у ш к а. В три раза дороже.

Ю н о ш а. Ха-ха!

Д е в у ш к а. Вот тебе и «ха-ха»!

Ю н о ш а. Столько денег!

Д е в у ш к а. Красота дорого стоит.

Ю н о ш а. Плевал я на нее, если она столько стоит.

Д е в у ш к а. Но ты же сам говорил, какая хорошая кожа, и выделка, и цвет.

Ю н о ш а. Кто-нибудь наступит тебе на ногу, и прощай вся эта роскошь.

Д е в у ш к а. Никто не наступит.

Ю н о ш а. Или капнет.

Д е в у ш к а. Никто не капнет.

Ю н о ш а. На эти деньги можно было купить четыре пары.

Д е в у ш к а. Но я хочу эти.

Ю н о ш а. В жизни не слыхал такой глупости.

Д е в у ш к а. Значит, моя радость, по-твоему, глупая?

Ю н о ш а. Да не радость.

Д е в у ш к а. А то, что я вместо четырех пар — вроде твоих — покупаю только одну?

Ю н о ш а. Тише. Хозяйка.

Д е в у ш к а. Даже если я так долго этому радуюсь?

Ю н о ш а. К чему эти дурацкие вопросы?

Д е в у ш к а. Значит, это глупо, нелепо — покупать вместо четырех пар обычных одну такую?

Ю н о ш а. Да, черт возьми, да, да!

Д е в у ш к а. Мне нужно домой.

Ю н о ш а. Зачем?

Д е в у ш к а. Потому что противно.

Итальянская музыка, звук шагов.

Такси! Эй! Такси!

Музыка умолкает.

Т а к с и с т. Вот тебе на! Опять на Георгсхайн, ровно к четырем?

Девушка всхлипывает.

И все с той же большой коробкой?

Д е в у ш к а *(сквозь слезы)*. Вкусный был зав-

трак?

Т а к с и с т. Что случилось? Обидел кто-нибудь?

Д е в у ш к а. Зажгите-ка на минутку свет. Сейчас я покажу вам туфли. Ну как?

Т а к с и с т. Красивые. Очень красивые туфли.

Д е в у ш к а. Разве истратить уйму денег на такие туфли — глупо?

Т а к с и с т. Можно выключить свет?

Д е в у ш к а. Разве это нелепо?

Т а к с и с т. Почему вы об этом спрашиваете?

Д е в у ш к а. Я хочу знать. Может, я и в самом деле дура, только до сих пор мне никто этого не говорил. Согласна, они стоили кучу денег, но имею же я право купить себе туфли, раз мне они нравятся.

Т а к с и с т. У всякого свой вкус.

Д е в у ш к а. Могли бы вы быть с человеком, который не радуется тому же, что и вы? Я не могу.

Т а к с и с т. Оно, конечно, так.

Д е в у ш к а. Зачем мне четыре других, если я хочу эти.

Т а к с и с т. Тоже верно.

Д е в у ш к а. Может, он мне тоже стоил четырех других. Но я думала, что мы друг для друга экстракласс. Он знал, как долго я мечтала об этих

туфлях — и не могла себе их позволить. Он же знал!

Т а к с и с т. Всякое в жизни бывает.

Д е в у ш к а. Нет, нет, нет, нет. Если он не понимает, что такое экстракласс в туфлях, где ему понять, что такое экстракласс в людях! Может, он считает, что четыре других лучше, чем однаединственная. Сегодня он, может, так не думает, а завтра подумает. А для меня тогда будет слишком поздно.

Т а к с и с т. Приехали. Четыре тридцать.

Д е в у ш к а. Ну, взяла бы я четыре других, а потом увидела бы эти и они бы мне так же понравились. Я бы все время думала: «В этих ты была бы счастливее». У меня пропала бы вся радость, а без радости человек не может жить. В этом же все дело.

Т а к с и с т. Есть у вас мелочь — полтора пфеннига?

Д е в у ш к а. Я рада, что вы со мной согласны. Сдачи не надо, спасибо. Так приятно знать, что имеешь на это право. Чувствуешь себя совсем по-другому. Вы понимаете?

Т а к с и с т. Да, да. Выход с другой стороны. Ваша коробка!

Д е в у ш к а. Спасибо, спокойной ночи.

Автомобиль отъезжает.

Итальянская музыка.

Трагично не то, что Травиата умирает от чахотки, трагично то… ах, да что вы все в этом понимаете.

Музыка умолкает.

В автомобиле.

Ш о ф е р. Вы сидите и не говорите ни слова. Вы хотя бы встретились с дочерью?

М а т ь. Когда вы видите эти фото моей дочери в пижамах и ночных рубашках, о чем вы думаете?

Ш о ф е р. Да я уже говорил. Думаю: «Красиво». И больше ничего.

М а т ь. Вам никогда не приходило в голову, что в то же самое время каждый второй человек умирает с голоду? И у него нет ничего, кроме рубашки и штанов?

Ш о ф е р. Наоборот. Когда я вижу фотографии детей, которых убивают или допрашивают на глазах у матерей, я, если хотите, думаю о снимках вашей дочери. Ведь завтра она могла бы оказаться на таком фото. В чем можно быть уверенным, пока на свете все так ненадежно? А если посмотреть с другой стороны, вам не кажется, что эти

женщины на фотографиях такие же, как ваша дочь? Вы присмотритесь! Какие прекрасные лица. А почему же еще люди хотят изменить мир? Вы думаете, когда я вижу прекрасный пейзаж, я забываю, что где-то сбрасывают напалм? А ради чего, по-вашему, я два года отслужил в армии танкистом? Это все одно к одному.

М а т ь. Вы так просто смотрите на вещи?

Ш о ф е р. Просто. Вы считаете, это — просто? Это все очень сложно. Или я опять не прав?

М а т ь. Не знаю. Может быть, вы даже и правы.

Музыка.

В другом автомобиле.

Д о ч ь. Мне очень жаль, что сегодня не вышло. Извини.

М у ж ч и н а. Когда я увидел, что приехала твоя мать, я так сразу и подумал. Когда мы наверстаем? Завтра?

Д о ч ь. Я думаю, что мне надо съездить к ней.

М у ж ч и н а. Если от этого зависит твое спокойствие, поезжай. Просвети ее. На предмет политэкономии и красоты. Она поймет, я уверен.

Д о ч ь. Меня не это беспокоит. Меня беспокоит

то, что она не так уж не права. Она ведь не так уж не права, как ты считаешь?

Музыка.

Комната.

М у ж ч и н а. Целый день — коту под хвост. Одиннадцатый снимок. Взгляни. Вот она — до приезда матери. А вот — после.

Ж е н щ и н а. Хорошее лицо у этой девушки. Ты с ней еще здорово намучаешься.

М у ж ч и н а. А искать другую да ждать, пока она поймет, в чем соль, это еще труднее. Вот это и есть те книги с иллюстрациями? Здесь работы на неделю.

Ж е н щ и н а. Больше, дорогой. Ты начнешь читать книги.

М у ж ч и н а. А цветы?

Ж е н щ и н а. От сына.

М у ж ч и н а. Он был здесь?

Ж е н щ и н а. Он звонил. У него дежурство. Я рассказала ему про стену. Ему понравилось.

М у ж ч и н а. Не двигайся. Я сейчас тебя сфотографирую. Так, как ты сидишь. А ты расскажешь мне о твоем сыне.

Ж е н щ и н а. Зачем мне моя фотография? Если уж на то пошло, снимем лучше вот это. Для

стены.

М у ж ч и н а. Этот лист? И края обгорели…

Ж е н щ и н а. Да.

М у ж ч и н а. А что за линии?

Ж е н щ и н а. Плечо. И часть руки.

М у ж ч и н а. Это рисунок. Углем.

Ж е н щ и н а. Набросок. Моя рука и мое плечо.

М у ж ч и н а. Кто это рисовал?

Ж е н щ и н а. Он умер.

М у ж ч и н а. А почему — для стены?

Ж е н щ и н а. Не знаю, как это рассказать. Он был из настоящих, из таких, о которых легко подумать, что они выдуманные. Он был молод, о нем говорили, что он одна из надежд Европы. Он учился резьбе по камню и стал скульптором. Были люди, которые считали его гением. У меня была маленькая комнатка в его доме, я стряпала и убирала мастерскую. Я убежала из дому, но это сюда не относится. Я работала за еду и жилье. Однажды он сказал: из вас вышла бы хорошая модель. Для меня в то время это было почти грехом. Но когда я была одна, я училась позировать перед зеркалом. Заказов было много, но он брал только некоторые. Я этого не понимала. Однажды он рисовал меня. Можно испугаться собственной фотографии. Но собственного портрета пуга-

ешься еще больше. От портрета нельзя убежать. Сначала я боялась себя, потом восхищалась им, а потом поняла, что люблю его. Я стряпала и убирала мастерскую и — любила его. Это была моя жизнь. Мы любили друг друга одну зиму, одну весну, одно лето и осень и еще одну зиму. Для нас смотреть друг на друга было как есть и пить. Иногда он уезжал на несколько дней или на неделю: Я не спрашивала, я ни о чем не знала, я ждала, и он всегда возвращался. Я заботилась о том, чтобы холсты на глине были всегда влажными и чтобы он находил все на прежних местах. Однажды он задержался. Это было незадолго до войны. Я ждала, но он не приезжал. Потом пришли два человека и опечатали все двери. Мою каморку они мне оставили. Я ничего не слыхала о нем, и они мне ничего не сказали. Через полгода они пришли снова. Они принесли из сарая большой молоток и разбили все, что стояло в мастерской. Большие скульптуры и маленькие этюды. Глина раскрошилась, гипсовые модели они просто бросили на пол. Позже я узнала, что они забрали все его скульптуры с выставки и тоже разбили. Рисунки и картины они сложили на дворе в кучу и подожгли. От его жизни ничего не осталось. Ни письма, ни могилы, камни увезла мусорная ма-

шина. Как будто он никогда не жил. Только этот лист с тремя линиями. Я решила тогда, что буду делать то, что похоже на его работу. Я научилась обращаться с мелкой пластикой и скульптурой, научилась рисовать и заботиться о картинах и деревянной резьбе. Позже я изучала все это. И я воспитала сына. Таким, как он.

М у ж ч и н а. Разве это не его сын?

Ж е н щ и н а. Нет. Тогда была война. Война уже кончалась. Я ехала из Берлина, когда началась бомбежка. Мы слышали самолеты. Все бросились бежать с поезда. Разрывы раздавались недалеко от нас, но страшен был свист. Бомбы свистят, когда падают. Такой полусвист-полушорох. От страха теряешь сознание. Я вцепилась в одного молодого солдата, а он цеплялся за меня. Мы заползли в небольшую рощу. И тут они куда-то попали, и стало светло. Он бросился на меня, а я вся сжалась под его телом. Мы обнимали друг друга. И он вдруг поцеловал меня. И я его поцеловала. Мы больше не отпускали друг друга, а потом я его потеряла. Я бы его не узнала. И он меня тоже. Боюсь, что сегодня утром я наговорила тебе много ненужного. Я очень устала, но не могла заснуть.

М у ж ч и н а. Почему ты сказала, что его жизнь должна быть свободна от беспорядка, что его

жизнь может зависеть от этого?

Ж е н щ и н а. Он летает на нашей самой быстрой машине.

М у ж ч и н а. Он решил стать летчиком?

Ж е н щ и н а. Я это решила.

М у ж ч и н а. Ты?

Ж е н щ и н а. Вещи так беззащитны! Все так открыто. Люди. Все на поверхности, все держится на тонкой нити. И совсем тонкие стены. Немного дерева и совсем немного краски. А что же иное представляют собой все картины мира? Если мы не будем очень бдительными, от человека в один прекрасный день не останется ничего, кроме наброска вроде этого — кусок плеча и руки. И от человечности не останется ничего, кроме эскиза человека. Мы должны быть дьявольски бдительными.

М у ж ч и н а. По крайней мере не пропал вечер.

Ж е н щ и н а. Не пропала ни одна минута дня. Эта девушка-манекенщица начнет задумываться о серьезных вещах, ее мать — над смыслом прекрасного, ты даже сделал один снимок — разве это значит: пропал день? А что же такое — изменять мир, дорогой мой?

Музыка.

Разговор по рации — голоса Пилота и «Альфы» звучат с разным искажением.

«А л ь ф а». «Альфа» вызывает на связь 4031. Прием.

П и л о т. Слышу вас. Слышимость хорошая.

«А л ь ф а». К старту готовы?

П и л о т. К старту готов.

«А л ь ф а». 4031! Старт!

П и л о т. Есть старт!

Ракетный истребитель стартует.

На фоне самолетного шума.

П и л о т *(звук не искажен).* Выруливаю. Подъем. Включаю мотор.

«А л ь ф а». Курс двести семьдесят, высота сто двадцать.

П и л о т. Есть курс двести семьдесят, высота сто двадцать. *(Звук не искажен.)* Беру девяносто, сто, сто десять, облака уже светятся. Высота сто двадцать.

«А л ь ф а». Направление на радиомаяк!

П и л о т. Есть направление на радиомаяк! *(Звук не искажен.)* Солнце. Подо мной город. Он стал старше на один день. Не забудь Икара, мама, повесь рисунок на стену.

«А л ь ф а». Петля до трехсот шестидесяти.

П и л о т. Есть петля до трехсот шестидесяти. *(Неискаженный звук.)* Не забудь Икара, мама. *(Искаженный звук.)* Курс триста шестьдесят.

«А л ь ф а». Прием. Спуск на десять метров…

На фоне музыки шум самолета.

Перевела Э. Венгерова.

Фридрих Дюрренматт
АВАРИЯ

Действующие лица

Альфредо Трапс
Механик гаража
Хозяин трактира
Судья
Прокурор
Адвокат
Пиле
Симона
Тобиас

Легкая музыка. Модный мотив. Шум подъезжающего автомобиля.

Т р а п с. Вот проходимец! Ну я ему покажу! Узнаешь меня, дружище! Буду действовать напролом! Сверну ему шею. Не успеет опомниться. Никакого не будет ему прощения! Нет, милости ему не видать. Дудки! Воображает, наверное, что я из Армии спасения. Думает выжать из меня пять процентов. Пять процентов! Я сразу смек-

нул, чем это пахнет. К счастью, со Штюрлером все идет как по маслу. Выгодное дельце, этого я здорово обштопал. Так, теперь что-то случилось с машиной.

Шум машины.

Все! Готова. Ничего не поделаешь. Хорошо, хоть гараж рядом! Эй, вы там!

М е х а н и к. Что случилось с вашим «Студебеккером»?

Т р а п с. А черт его знает. Только собрался взять этот небольшой подъем, как вдруг она стала и ни с места.

М е х а н и к. Сейчас поглядим.

Звон инструментов.

Ага, нашел, видите?

Т р а п с. Действительно… Кажется, нужен серьезный ремонт.

М е х а н и к. Я тоже так считаю.

Т р а п с. Когда вы сможете принести машину в порядок?

М е х а н и к. Утром, часов в семь, можете ее забрать.

Т р а п с. Только завтра?

М е х а н и к. Да ведь сейчас уже шесть часов

вечера.

Т р а п с. Отсюда далеко до вокзала?

М е х а н и к. Полчаса ходьбы.

Т р а п с. А в деревне можно переночевать?

М е х а н и к. Спросите в трактире «Медведь».

Т р а п с. Ладно. Не могу понять, что случилось с мотором. Но я ничего в этом деле не смыслю. Мы все во власти механиков, этих нынешних разбойников с большой дороги. Ага, вот и «Медведь». Этот толстяк, наверное, хозяин?

Звуки гармоники. Шум праздника.

Есть свободные комнаты?

Х о з я и н. К сожалению, все заняты союзом животноводов.

Т р а п с. А в деревне есть еще гостиницы?

Х о з я и н. Все заняты животноводами. Но вы сходите к господину Верге в белую виллу, прямо по главной улице, а потом налево, он берет постояльцев.

Звуки гармоники медленно затихают.

Т р а п с. Надо было все же уехать поездом. Но он уходит только через час, да еще два раза пришлось бы пересаживаться. Обленился я. Да и завтра все равно пришлось бы приехать за

машиной. А поселок на вид приятный. Церковь, пруд, домики на одну семью, — наверное, здесь живут мелкие рантье и чиновники на пенсии из города. А вот и крестьянские дома — ого, до чего крепкие! А чистота какая, вон даже навозные кучки разровняли. Подумать только, на что люди тратят силы.

Мычание коров, позвякивание колокольчиков.

Коровы. Этого еще не хватало. Но в деревне, видно, без этого нельзя. Прекрасный летний вечер, солнце еще высоко в небе, завтра самый длинный день в году. Может, подвернется что-нибудь интересное. В таком сельском гнездышке можно встретить премилую девушку, какую-нибудь Луизу или Катарину. А вот и вилла, окруженная ельником и буками, а сад-то какой большой, вот прелесть, вдоль улицы фруктовые деревья стоят, а вон там огород, и повсюду цветы. Чудно, право, что в таком доме сдают комнаты, очевидно, это какой-нибудь пансион. Наверное, хозяевам сильно нужна монета.

Скрип отворяемой калитки.

Ни души. На дорожках гравий. Хэлло!
С у д ь я. Что вы желаете?

Т р а п с. Господин Верге?

С у д ь я. Да, это я.

Т р а п с. Меня зовут Трапс, Альфредо Трапс!

С у д ь я. Очень приятно.

Т р а п с. Мне сказали, что у вас можно переночевать. У меня сломалась машина. Авария.

С у д ь я. Да, можно.

Т р а п с. Сколько вы за это возьмете?

С у д ь я. Ничего.

Т р а п с. Ничего? Ну знаете, вы прямо Дед Мороз собственной персоной?

С у д ь я. Подойдите поближе. Проходите на веранду.

Голоса.

П р о к у р о р. Ну, наконец-то появился! Самое время.

А д в о к а т. Вот везение! Похож на фабриканта.

П р о к у р о р. Ерунда, просто коммивояжер.

П и л е. Чудесно!

Т р а п с. Простите, я, кажется, помешал?

С у д ь я. Нет, вы никому не помешали. Я живу один, мой сын в Соединенных Штатах, и я всегда рад, когда могу кого-нибудь приютить.

Т р а п с. Но у вас уже сидят гости.

С у д ь я. Мои старые друзья. Такие же пенсионеры, как и я. Поселились в этой деревушке из-за мягкого климата. Сегодня у нас небольшой холостяцкий ужин. Составьте нам компанию.

Т р а п с. Составить вам компанию? Такого гостеприимства не бывает. Прямо как в сказке.

С у д ь я. Разрешите представить моих гостей. Прокурор в отставке…

П р о к у р о р. Моя фамилия Цорн…

Т р а п с. Весьма польщен.

С у д ь я. Адвокат в отставке…

А д в о к а т. Позвольте представиться — Куммер.

Т р а п с. Очень приятно.

С у д ь я. Господин Пиле.

Т р а п с. Рад познакомиться.

П и л е. Чудесно!

С у д ь я. Симона! Это господин Трапс. Он сегодня у нас ночует.

С и м о н а. В какой комнате, господин Верге?

С у д ь я. Ну, Симона, это мы должны сначала выяснить.

С и м о н а. Понятно.

С у д ь я. Наши гости, господин Трапс, занимают ту или иную комнату в зависимости от своего характера.

Т р а п с. Оригинальная идея.

С у д ь я. Хотите вермута?

Т р а п с. С удовольствием.

С у д ь я. И капельку джина?

Т р а п с. Не знаю, право, чем я все это заслужил.

С у д ь я. Своим приходом вы оказали нам большую услугу.

Т р а п с. Услугу?

С у д ь я. Вы сможете принять участие в нашей игре?

Т р а п с. С удовольствием. А что это за игра?

Смущенный смех.

А д в о к а т. Немножко странная игра.

Т р а п с. Понятно, господа играют на деньги — с удовольствием приму участие.

П р о к у р о р. Нет, в такие игры мы не играем…

Т р а п с. Нет?

Смущенный смех.

С у д ь я. Наша игра заключается в том, что по вечерам мы играем в свои бывшие профессии.

Т р а п с. В старые профессии?

П р о к у р о р. Мы играем в суд.

Т р а п с *(смеясь)*. Прямо жуть берет…

П р о к у р о р. Обычно мы повторяем знаменитые исторические процессы. Суд над Сократом, над Иисусом Христом, процесс Жанны д'Арк, дело Дрейфуса, недавно занимались поджогом рейхстага, а иногда судим знаменитых исторических лиц.

А д в о к а т. Так, например, вчера мы признали Фридриха Великого невменяемым и подвергли его изоляции.

Т р а п с. Действительно, своеобразная игра.

П и л е. Чудесно, правда?

П р о к у р о р. Но лучше всего получается, когда мы играем с живым объектом.

Т р а п с. Могу себе представить.

С у д ь я. Поэтому наши гости время от времени оказывают нам любезность, предоставляя себя в наше распоряжение.

Т р а п с. Ну, естественно.

С у д ь я. Только не думайте, что вы обязаны принимать участие в игре, дорогой господин Трапс.

Т р а п с. Да, конечно, я буду с вами играть.

С у д ь я. Виски или водки?

Т р а п с. Виски.

А д в о к а т. Сигарету?

Т р а п с. Большое спасибо.

А д в о к а т. Огня?

Т р а п с. Благодарю, у меня есть.

П р о к у р о р. Что касается вашей роли, уважаемый господин Трапс, она совсем не трудная. Ее может сыграть любой дилетант.

Т р а п с. Право же, мне очень любопытно.

С у д ь я. У нас уже имеются судья, прокурор и адвокат Это роли, для которых необходимо знание материала и условий игры. Свободна только роль обвиняемого. Но я хочу еще раз подчеркнуть: вы вовсе не обязаны принимать участие в нашей игре.

Т р а п с. А какое преступление я совершил?

П р о к у р о р. Это не существенно, дорогой друг. Преступление всегда найдется.

Легкий смешок.

Т р а п с. Очень интересно!

А д в о к а т. Господин Трапс, поскольку вы решили принять участие в игре, я должен предварительно сказать вам несколько слов.

Т р а п с. Мне?

А д в о к а т. Я же буду вашим защитником.

Т р а п с. Очень любезно с вашей стороны.

А д в о к а т. Пойдемте в столовую, выпьем

здешнего портвейна. Он очень старый, вам необходимо его попробовать.

Шаги.

Правда, красивая столовая? Круглый парадно накрытый стол, а как торжественно выглядят эти стулья с высокими спинками, потемневшие картины на стенах, подлинная старина, — ничего общего с этими сумасшедшими штуками, которые сегодня в моде. С веранды доносится плавная беседа гостей, в открытое окно падают лучи заходящего солнца, врывается щебетание птиц; а вот на этом столике стоят бутылки с вином, там, на камине, в корзиночке, — бордо. Проходите, проходите, пожалуйста, атмосфера пока еще такая приятная, полна поэзии домашнего очага. Вот теперь мы наполним два этих бокальчика портвейном и чокнемся за все это.

Чокаются.

Т р а п с. Превосходный портвейн.

А д в о к а т. Не правда ли? Лучше всего, если вы сразу доверитесь мне и подробно расскажете о своем преступлении, тогда я могу гарантировать вам, что мы счастливо отделаемся на суде. Этому длинному сухопарому прокурору с моноклем

уже почти девяносто лет, но он в здравом уме и твердой памяти, а в свое время был мировой знаменитостью. Наш хозяин считался весьма строгим и даже педантичным судьей. Видите, положение у нас нелегкое. И, несмотря на это, мне обычно удавалось выигрывать дело; только однажды, когда слушалось дело об ограблении с убийством, я не мог спасти обвиняемого. Но, насколько я понимаю, вы не совершали грабежа с убийством, а может быть…

Т р а п с *(смеясь)*. К сожалению, я не совершил никакого преступления, дорогой доктор Куммер. Смешно, что прокурор носит монокль. Такие штуки давно вышли из моды. Ваше здоровье.

А д в о к а т. Ваше здоровье. Значит, я могу похвастаться тем, что ношу пенсне. Итак, вы считаете себя невиновным, господин Трапс.

Т р а п с. Бросьте! Разве я похож на преступника?

А д в о к а т. Гм. Хорошо. Прежде всего постарайтесь взвешивать каждое слово — не болтайте лишнего, иначе, увидите, вас приговорят к длительному заключению и я не смогу вам помочь.

Т р а п с *(смеется)*. Постараюсь, постараюсь. Занятная светская игра, должен признаться.

А д в о к а т. Вот идут остальные. Сядем за стол.

Симона сейчас подаст.

П р о к у р о р. Что у нас сегодня на ужин?

С и м о н а. Черепаховый суп.

П и л е. Чудесно!

В с е. Приятного аппетита!

Все едят суп.

П р о к у р о р. Итак? Обвиняемый, что вы можете нам сообщить? Надеюсь услышать об интересном, солидном убийстве.

А д в о к а т. Я протестую, дорогой господин прокурор. Мой клиент является обвиняемым, не совершившим преступления, — большая редкость в судопроизводстве. Он невиновен, абсолютно невиновен.

С у д ь я. Неужели?

П р о к у р о р. Невиновен?

П и л е *(глухо)*. Хе?

С у д ь я. Такого еще не бывало.

П р о к у р о р. Необходимо провести следствие. Чего не может быть, того не бывает.

Т р а п с *(смеется)*. Приступайте, господин прокурор!

С и м о н а. Форель, господа, а к ней легкое шипучее «нефшатель».

А д в о к а т. Моя любимая закуска!

П и л е. Чудесно!

П р о к у р о р. Сколько вам лет, господин Трапс?

Т р а п с. Сорок пять.

П р о к у р о р. Профессия?

Т р а п с. Генеральный представитель фирмы.

П р о к у р о р. Прекрасно. У вас произошла авария?

Т р а п с. Случайно, первый раз за весь год.

П р о к у р о р. Так, а в прошлом году?

Т р а п с. Тогда у меня была еще старая машина, «Ситроен», выпуска 1939 года, а теперь «Студебеккер», красный лак, модель экстра.

П р о к у р о р. «Студебеккер»? Очень интересно! И вы приобрели ее совсем недавно? Значит, раньше вы не были генеральным представителем?

Т р а п с. Я был обыкновенным коммивояжером по текстилю.

П р о к у р о р. Значит, счастливое стечение обстоятельств.

С и м о н а. Господин Трапс желает к форели растопленное масло или майонез?

Т р а п с. Майонез.

А д в о к а т *(тихо)*. Еще раз напоминают вам, господин Трапс, будьте внимательней! Каждый вопрос прокурора имеет свой тайный смысл.

Т р а п с. Уважаемые господа, должен признаться, что до сих пор самыми веселыми на свете я считал наши вечера в Шларафии, но этот холостяцкий ужин гораздо потешней!

П р о к у р о р. Ах, значит, вы состоите в Шларафии? Весьма примечательно. Какое же там у вас прозвище?

Т р а п с *(с гордостью)*. Маркиз де Казанова.

П и л е. Чудесно!

П р о к у р о р. Можно ли по этому прозвищу судить о вашей личной жизни?

А д в о к а т *(тихо)*. Осторожней! *(Громко.)* Попробуйте брюссельский салат!

Т р а п с. Дорогой господин прокурор, можно, но весьма относительно. Я самым законным образом женат, отец четырех детей, и если у меня и бывают встречи с женщинами, то только случайно и без всяких серьезных намерений с моей стороны.

С и м о н а. Еще стаканчик «нефшателя»?

Т р а п с. Необычайно вкусно!

С у д ь я. Дорогой господин Трапс, может, вы окажете нам любезность и познакомите собравшихся с вашей биографией? В кратких чертах, конечно. Поскольку мы решили провести судебное разбирательство, объектом которого

является вы, наш дорогой гость и грешник, и, если представится возможность, на долгие годы засадить вас под замок, нам надлежит узнать вас поближе с личной стороны. Интересно, например, узнать о ваших интимных отношениях с женщинами. Можете не жалеть никаких подробностей. Все. Расскажите! Расскажите!

П и л е *(глухо)*. Однажды с нами ужинал один сутенер, господин Трапс, он рассказывал нам потрясающие истории из своей практики и при этом отделался только четырьмя годами каторжной тюрьмы. Это было чудесно!

Т р а п с. А что я могу о себе рассказать? Я отнюдь не сутенер. Веду самую будничную жизнь, господа, серенькую жизнь, должен признаться… Ваше здоровье! Все. Ваше здоровье!

Звон бокалов.

С и м о н а. Шампиньоны в сметане, господа, к ним «шатонеф дю пап».

П и л е. Чудесно!

С у д ь я. Итак, господин Трапс, подходящая атмосфера для вашего рассказа создана.

Т р а п с. Юность моя была суровой. Мой отец был фабричным рабочим, пролетарием, подпавшим под влияние ложного учения Маркса

и Энгельса, озлобленным человеком, который мной совсем не занимался. Мать была прачкой. Она рано постарела. Я смог кончить только начальную школу, только начальную школу.

П р о к у р о р. Интересно. Только начальную школу? Да, уважаемый, вам нелегко было выбраться в люди.

Т р а п с. Вот именно. Еще десять лет назад торговал вразнос и шатался из дома в дом с чемоданчиком в руках. Адова работа: вечно бродишь с места на место, ночуешь на сеновале, на сомнительных постоялых дворах. С низов начинал, с самых низов. А теперь, уважаемые господа, взгляните на мой текущий счет в банке, — не хочу хвастать, но кто из вас имеет «Студебеккер»?

А д в о к а т *(тихо)*. Будьте осторожней!

П р о к у р о р. Как же это произошло?

А д в о к а т *(тихо)*. Будьте внимательней и не говорите так много.

Т р а п с. Я единственный представитель фирмы «Гефестон» на всю Европу.

С у д ь я. «Гефестон»? А что это значит? Туманно.

Т р а п с. И все же вы почти расшифровали это слово, дорогой хозяин дома и судья. Вы сами произнесли слово «туманно». В наши дни суще-

ствуют нейлон, перлон, мирлон, искусственные ткани, о которых суд, несомненно, слышал. Но есть и гефестон, королева всех искусственных тканей, — прочная, прозрачная и при этом облегчающая страдания ревматиков. Ее применяют в промышленности, в ателье мод, в дни войны и в дни мира, — это безупречная ткань для парашютов и одновременно для пикантных ночных рубашек прелестных дам, как я это знаю по собственному опыту…

В с е. Ого!

С у д ь я. По собственному опыту?

П и л е. Чудесно!

С и м о н а. Жареные телячьи почки, артишоки и подогретый «сент-жюльен-медок» 1927 года.

Т р а п с. Пиршество богов!

П р о к у р о р. Совершенно согласен. Наш гостеприимный хозяин, этот старый гурман, закупает продукты сам. Ну, а что же с вами произошло дальше? Расследуем, проанализируем этот случай до конца. Каким образом вам удалось занять такое подходящее место?

А д в о к а т *(тихо)*. Внимание. Опасность приближается.

Т р а п с. Это мне нелегко далось. Сначала пришлось свалить старого Гигакса, трудное это было

дело.

П р о к у р о р. Ах так! Кто же такой этот господин Гигакс?

Т р а п с. Мой бывший начальник. Черт побери, бордо великолепно, если судить по букету.

П р о к у р о р. Итак, уважаемый, надеюсь, господин Гигакс находится в полном здравии?

Т р а п с. Он умер в прошлом году.

А д в о к а т *(тихо)*. Вы что, с ума сошли?

П р о к у р о р. Умер? Наконец-то мы раскопали покойника, а это, и конце концов, главное. Уважаемые коллеги, в связи с этим открытием предлагаю отведать «сент-жюльен-медок».

Звон бокалов.

Итак, займемся покойником, следы которого наконец-то обнаружены. А вдруг мы так же обнаружим убийство, которое наш дорогой Трапс совершил к своему и нашему удовольствию.

Т р а п с *(смеясь)*. К сожалению, господа, убийства я не совершал, увы!

Общий смех.

П р о к у р о р. Не будем отчаиваться. Восстановим ход событий с самого начала. Господин Гигакс умер год назад?

Т р а п с. Восемь месяцев назад.

П р о к у р о р. После того как вы заняли его место?

Т р а п с. Незадолго до этого.

П р о к у р о р. Ну? Так отчего же он умер?

Т р а п с. Болезнь сердца.

П р о к у р о р. Прекрасно, в настоящий момент это все, что меня интересует.

А д в о к а т *(тихо)*. Неосторожно, Трапс, неосторожно. Поверьте мне, у меня есть опыт: именно из болезни сердца прокурор часто вьет веревку для подсудимого.

П р о к у р о р. Сколько лет было покойному, милейший господин Трапс?

Т р а п с. Пятьдесят два. Могу я попросить еще немного соуса?

П р о к у р о р. Цветущий возраст.

А д в о к а т *(тихо)*. И все это вы так спокойно признаете?

Т р а п с *(смеясь)*. Не беспокойтесь, дорогой господин защитник, как только начнется допрос, я буду начеку.

Тишина.

А д в о к а т. Что вы имеете в виду, несчастный вы человек, когда же, по-вашему, начнется до-

прос?

Т р а п с. Как? Разве он уже начался?

Смех.

С у д ь я. Он даже не заметил, он даже не заметил!

П и л е. Чудесно.

Т р а п с *(запинаясь)*. Господа, прошу прощения, но я представлял себе эту игру более торжественной и серьезной. Как в зале суда.

С у д ь я. Дорогой господин Трапс, у вас такой растерянный вид — просто прелесть! Наша манера вести судопроизводство, по-видимому, кажется вам странной, слишком жизнерадостной. Поймите, дражайший, мы, четверо сидящих за этим столом, — пенсионеры, мы теперь свободны от вороха ненужных формулировок, протоколов, законов, от всей писанины и прочей ерунды, в которой тонет наше правосудие. Мы судим без оглядки на ветхие своды законов и параграфы.

Т р а п с. Долой параграфы! Великолепная идея!

А д в о к а т. Господа, я пойду подышать свежим воздухом, пока еще не подали цыплят и все, что к ним полагается. Небольшая прогулка и сигарета полезны для моего здоровья. Не хочет ли госпо-

дин Трапс меня сопровождать?

Т р а п с. С большим удовольствием, господин адвокат.

А д в о к а т. Пройдемте через веранду и погрузимся в теплую и величественную ночную тьму, окутавшую землю. У меня поэтическая душа, друг мой. Разрешите, я возьму вас под руку.

Т р а п с. Прошу вас.

А д в о к а т. Хотите сигарету?

Т р а п с. Боже мой, что за глупый розыгрыш?

А д в о к а т. Дорогой друг, прежде чем мы вернемся назад и займемся цыпленком, разрешите мне сказать вам несколько слов, которые вам надлежит запомнить. Вы мне очень симпатичны, молодой человек, я отношусь к вам по-отечески и буду говорить с вами, как с родным сыном: мы делаем все, чтобы проиграть процесс.

Т р а п с. Вот беда! Осторожней, не споткнитесь. Я чувствую близость пруда, а вот и каменная скамья, давайте присядем.

А д в о к а т. Звезды отражаются в воде, от нее исходит прохлада, как она нужна в такую летнюю ночь. Из деревни доносятся звуки гармоники и пение, а вот зазвучал и альпийский рожок.

Т р а п с. Праздник союза животноводов. Вот потеха! Забавная салонная игра. Я предложу

сыграть в нее своим коллегам на ближайшем заседании Шларафии.

А д в о к а т. Не правда ли, она бодрит? Я немного растерялся, когда, выйдя в отставку, очутился здесь, в этой деревушке, без всяких занятий, кроме обычных старческих радостей. Чем здесь можно развлечься? Ничем, только дышать этим теплым, сухим воздухом, вот и все. Климат здоровый. Как жить без всяких духовных интересов? Вот вам результат — прокурор лежал на смертном одре, а у нашего радушного хозяина судьи предполагали рак желудка! И тогда нам в голову пришла счастливая мысль затеять эту игру. Мы сразу все воспрянули: деятельно заработали гормоны, скука прошла, энергия, молодость, аппетит восстановились. Мы играем в эту игру каждую неделю с гостями судьи, которые исполняют роль подсудимых; это иногда уличные торговцы, иногда отдыхающие, а вот позавчера мы были вынуждены приговорить одного члена парламента к двадцати годам каторжной тюрьмы. И только благодаря моему искусству его не отправили на виселицу.

Т р а п с *(смеясь)*. На виселицу! Ну, это ж чепуха!

А д в о к а т. Почему?

Т р а п с. Смертная казнь ведь отменена!

А д в о к а т. Да, государственное правосудие ее отменило, но у нас тут частное правосудие, и мы снова ее ввели, именно возможность смертной казни делает нашу игру такой увлекательной.

Т р а п с. Но тогда вы должны были завести палача.

А д в о к а т. А у нас он есть — господин Пиле.

Т р а п с *(испуганно)*. Пиле? Который все время восклицает «чудесно»?

А д в о к а т. Он был одним из самых талантливых мастеров этого дела в одной из соседних стран, сейчас он тоже на пенсии, но все еще владеет своим искусством. Так сказать, в курсе всех новшеств. Что с вами?

Т р а п с *(с трудом)*. Сам не знаю. *(Внезапно разражается смехом.)* Я вдруг страшно испугался. Какая ерунда. Ужин без палача был бы гораздо менее веселым и увлекательным. Я заранее радуюсь, представляя, как буду все это рассказывать у себя в Шларафии. Придется туда тоже как-нибудь пригласить палача, заплатить ему, конечно, небольшой гонорар… Что это? Вы слышите?

А д в о к а т. Что такое?

Т р а п с *(боязливо)*. Кто-то крикнул.

А д в о к а т. Крикнул?

Т р а п с. В доме.

А д в о к а т. Ах, это Тобиас.

Т р а п с. Кто такой Тобиас?

А д в о к а т. Он отравил жену.

Т р а п с. Жену?

А д в о к а т. Да, поэтому пять лет назад мы приговорили его к пожизненному тюремному заключению. Собственно говоря, он заслуживал смертной казни, но он совершенно невменяем.

Т р а п с. Пять лет назад? И он все еще здесь?

А д в о к а т. Да, в качестве гостя. Когда у нас нет других гостей, он играет роли исторических личностей. Вчера, например, он был Фридрихом Великим. Сегодня, поскольку вы приехали, у него выходной день. Он спит в комнате для пожизненно заключенных. Тобиас несколько беспокоен по ночам, но в остальном это милейший человек.

Т р а п с. В комнате дли пожизненно заключенных?

А д в о к а т. Да, так мы называем комнату для гостей, которых мы приговариваем к пожизненному заключению. Для каждого вида наказания у нас своя комната.

Т р а п с *(смеется)*. Опять я попался. Ну и напугался же я. Действительно, забавный у вас тут дом.

А д в о к а т. Доверие за доверие. Вы убили Гигакса, да?

Т р а п с. Я?

А д в о к а т. Ну конечно. Ведь он же умер.

Т р а п с. Я тут ни при чем.

А д в о к а т. Мой юный друг, я прекрасно понимаю ваши опасения. Из всех преступлений труднее всего сознаться в убийстве. Но мне вы можете спокойно довериться. Я знаю жизнь и, конечно, вас пойму!

Т р а п с. Но мне абсолютно не в чем сознаваться.

А д в о к а т. Ай-ай-ай! Снова упрямитесь. Сознаваться приходится всегда, хочешь ты этого или не хочешь, и всегда найдется в чем сознаться. Итак, смелей, мой друг, без всяких церемоний, говорите напрямик, как вы убили Гигакса?

Т р а п с. Дорогой мой защитник, прелесть этой игры, если мне, новичку, позволительно выразить свое мнение, в том, что человеку становится жутко. Игра начинает казаться реальностью. И ты уже себя сам спрашиваешь, преступник ты или нет, убил ты старика Гигакса или нет, у тебя путается в голове. Как в кино. Это и есть самое интересное в игре, поэтому доверие за доверие: я действительно невиновен в смерти старого

жулика.

А д в о к а т. Ну, хорошо. Невиновны. Будем на это надеяться. Ладно, пойдем в дом, в столовую, там уже подали цыплят и «шато пави» 1921 года искрится в бокалах.

Шум голосов. Смех.

П р о к у р о р. Вот и они.

С у д ь я. Наконец-то!

П и л е. Чудесно!

П р о к у р о р. Цыплята великолепны!

С у д ь я. Приготовлены по особому рецепту Симоны. Она его держит в секрете.

П р о к у р о р. Так и хрустят.

С у д ь я. Садитесь, господа, мы уже едим.

П р о к у р о р. Разрешите задать вопрос, дорогой и многоуважаемый подсудимый, только один вопрос: вы рассказывали нам, что господин Гигакс умер от сердечного приступа. Правда ли это?

Т р а п с *(развеселившись)*. Правда, господин прокурор.

П р о к у р о р. А положа руку на сердце?

Т р а п с. Ну конечно же.

П р о к у р о р. А не отравили ли вы сами Гигакса?

Т р а п с *(смеясь)*. Да ничего подобного!

П р о к у р о р. Или, скажем, застрелили?

Т р а п с. Тоже нет.

П р о к у р о р. Устроили автомобильную катастрофу?

Общий смех.

А д в о к а т *(тихо)*. Осторожней! Это ловушка!

Т р а п с. Не везет вам, господин прокурор, ну просто не везет! Гигакс умер от инфаркта, и это даже был не первый инфаркт. Я знаю, что за много лет до этого старого прохвоста хватило в первый раз, я точно это знаю.

П р о к у р о р. Так. А от кого же это вам стало известно?

Т р а п с. От его жены, господин прокурор.

П р о к у р о р. От его жены?

А д в о к а т. Осторожней! Ради всего святого…

Т р а п с. Милостивые государи, это «шато пави» 1921 года превзошло все мои ожидания. Я пью уже четвертый бокал. Но для того, чтобы высокий суд не думал, что я хочу что-нибудь утаить, я расскажу всю правду и буду настаивать, что это правда, хотя защитник и шипит на меня каждую минуту, чтобы я был осторожней! В такой дружеской и приятной компании не стоит стесняться.

Не сомневаюсь, что вы поймете все как надо. С госпожой Гигакс у меня кое-что было. Да, уж так получилось. Старый жулик часто бывал в разъездах и явно пренебрегал своей недурно сложенной и весьма соблазнительной супругой. Поэтому мне время от времени приходилось изображать утешителя на диване в гостиной у Гигакса, а потом даже и в их супружеской постели, как это бывает.

Взрыв хохота.

С у д ь я. Сознался, сознался!

П и л е. Чудесно!

А д в о к а т. Какое безрассудство!

Т р а п с. Над чем вы смеетесь, господа?

С у д ь я. Он не догадывается, не догадывается!

П р о к у р о р. Господин Трапс, вы до сих пор находитесь в близких отношениях с госпожой Гигакс?

А д в о к а т. Осторожней! Это главный вопрос.

Т р а п с. После смерти Гигакса я больше не посещал эту дамочку. Не хотел компрометировать почтенную вдову.

Взрыв хохота.

А д в о к а т *(в бешенстве)*. Влипли! И еще как!

П и л е. Будет смертный приговор, будет смертный приговор!

С и м о н а. Сыр.

Т р а п с. Влип? Почему, милостивые государи? В деловых отношениях царит жестокий закон: «Око за око, зуб за зуб», а если кто-нибудь из нас захочет разыгрывать джентльмена, — ему крышка. А у меня все-таки семья. Денег куры не клюют, а все равно вкалываю как каторжный, как десять волов. Накручиваю на спидометре моего «Студебеккера» по шестьсот километров в день. Что вы хотите, коммерция в наше время — это кулачный бой, а личная жизнь — просто карусель. Бывает, поддашься соблазну, а бывает, и нет. Иногда изменяешь супруге, как повезет. Никто не может меня ни в чем упрекнуть.

П р о к у р о р. Поживем — увидим.

С у д ь я. Господа, ради сегодняшнего праздника откупорим бутылку «шато марго» 1914 года. Пробка осталась цела. Вдохнем ее аромат и торжественно подарим господину Трапсу в память о чудесных часах, проведенных в его обществе. Давайте выпьем.

Т р а п с. Блеск!

П и л е. Чудесно!

С у д ь я. Господа, допрос нашего дорогого об-

виняемого закончен. Я предоставляю слово господину прокурору.

А д в о к а т. Ну что ж, господин Трапс, выслушаем речь обвинителя. Думаю, что вы будете поражены, узнав, чего вы добились вашими необдуманными ответами. Только, пожалуйста, не теряйте голову, я уж как-нибудь помогу вам выпутаться. Не вешайте нос! Уныние вам не поможет, соберитесь с духом. Слышите, какая вокруг стоит тишина. Только доносятся звуки шарманки и мужские голоса, поющие «У колодца, за воротами». Я Думаю, это нам не помешает.

Издалека доносится пение мужского хора.

П р о к у р о р. Самое лучшее, что произошло на нашем холостяцком вечере, дорогие друзья, самое приятное — это то, что мы напали на след убийства, так тонко задуманного и умело выполненного, что наше государственное правосудие не могло его не прозевать.

Т р а п с. Убийство? Но — помилуйте! *(Разражается хохотом.)* Вот так штука! Теперь я понял вашу игру! Меня хотят убедить, что я совершил убийство! Ну уж нет, уважаемые, это у вас не выйдет.

П р о к у р о р. Преступление еще надо доказать,

тем более что обвиняемый до сих пор считает себя невиновным. Хочу отметить, что раскрытие убийства — счастливое событие, которое заставляет радостно биться наши сердца и ставит перед нами новые задачи, требует новых решений, новых усилий. Я хочу прежде всего поздравить дорогого виновника этого торжества, ибо без убийцы не бывает убийства, а следовательно, и торжества правосудия. Я поднимаю бокал за здоровье нашего скромного гостя Альфредо Трапса, которого судьба привела в этот дом.

Восторг, шум, звон бокалов.

В с е. Да здравствует Альфредо Трапс!

Т р а п с. Уважаемые господа, сердечность, с которой вы меня чествуете, трогает меня до слез. Я не стыжусь этих слез, сегодня прекраснейший вечер в моей жизни.

П р о к у р о р. У меня тоже слезы на глазах.

Т р а п с. Прокурор, мой дорогой, дорогой друг!

П р о к у р о р. Подсудимый, мой дорогой, дорогой Трапс.

Т р а п с. Выпьем брудершафт!

П р о к у р о р. Меня зовут Курт. За твое здоровье, Альфредо!

Т р а п с. За твое, Курт!

П р о к у р о р. Я с ужасом вспоминаю те времена, когда мы, состоя на государственной службе, вынуждены были заниматься унылым, однообразным ремеслом. Как все изменилось! Раньше мы как угорелые бросались от дела к делу, а ныне спокойно, весело и уютно судим преступника, проникаемся любовью к нему и радуемся тому, как растет его любовь к нам. Возникает атмосфера подлинного братства. И это замечательно, ибо правосудие, дорогие друзья, — это нечто веселое, радостное, ничуть не похожее на то внушающее ужас пугало, каким стало государственное право.

Т р а п с. Да здравствует правосудие!

В с е. Да здравствует правосудие!

П р о к у р о р. Разрешите же мне после этого тоста по достоинству оценить подвиг нашего друга. Мне кажется, что я нашел удачное выражение, — ведь моя обвинительная речь никоим образом не должна наводить ужас, напротив, эта высокая оценка поможет ему в полной мере осознать масштабы содеянного; лишь на цоколе чистого познания можно воздвигнуть величественный монумент Правосудия!

Т р а п с. Сказка, просто сказка!

П р о к у р о р. Что же произошло? Каким об-

разом я обнаружил, что нашему дорогому другу принадлежит честь совершить убийство, и не какое-нибудь банальное убийство, нет, — убийство виртуозное, без пролития крови и таких вульгарных средств, как яд, пистолет и тому подобное?

Т р а п с. Вы меня просто поражаете.

П р о к у р о р. Как профессионал, я должен исходить из той предпосылки, что преступление может таиться в каждом углу и его может совершить любой человек.

Т р а п с. Ого!

П р о к у р о р. Первое подозрение возникло у меня, когда я узнал, что наш генеральный представитель Трапс еще год назад колесил на ветхом «Ситроене», а теперь носится на «Студебеккере».

Т р а п с. Ну вот еще! Тогда вся страна должна кишеть убийцами!

П р о к у р о р. Но так как мне известно, что мы живем в эпоху процветания, мое подозрение было еще зыбким, скорее, похожим на предчувствие, которое охватывает нас, когда мы стоим перед таким радостным событием, как раскрытие убийства. То, что наш дорогой друг занял место своего бывшего шефа, то, что ему пришлось вытеснить своего шефа и что этот шеф скончался, — факты, которые еще не являются

доказательством его вины, а лишь укрепляют наше предчувствие. Подозрение же возникло, когда выяснилось, что этот легендарный шеф скончался от инфаркта. Здесь нам следовало проявить принципиальность, чутье, умение сводить воедино мельчайшие факты и обстоятельства, осторожно продвигаться вперед, подкрадываясь к истине, признать обычное — необычным, увидеть в неопределенном — определенное, различить очертания в тумане, поверить в убийство именно потому, что было бы абсурдным предполагать здесь убийство.

Т р а п с. Но это и есть абсурд!

П р о к у р о р. Обозрим еще раз имеющиеся у нас доказательства. Набросаем портрет покойного. Мы мало о нем знаем, все, чем мы располагаем, сообщил нам наш милый гость. Господин Гигакс был генеральным представителем фирмы искусственных тканей «Гефестон». Мы вполне доверяем высокой оценке этой ткани, которую нам дал дорогой Альфредо. Итак, продолжаем: покойный был человеком, идущим напролом, эксплуатировавшим своих подчиненных. Он умел делать дела, хотя те средства, которыми он пользовался, частенько бывали не слишком чистоплотными.

Т р а п с. Вот это верно, мошенник — как живой!

П р о к у р о р. Далее, мы должны заключить, что господин Гигакс на людях охотно играл роль здоровяка и силача, преуспевающего дельца, прошедшего огонь и воду и выходящего победителем из любых испытаний. Поэтому он тщательно скрывал свое тяжелое сердечное заболевание и, по словам Альфредо, относился к своей болезни с упрямой злобой, считая ее, очевидно, личным оскорблением, унижающим его мужское достоинство.

Т р а п с. Невероятно! Вы просто волшебник!

А д в о к а т *(тихо)*. Да замолчите же наконец!

П р о к у р о р. К тому же покойный стал пренебрегать своей женой, этой соблазнительной, недурно сложенной женщиной, — так по крайней мере наш друг ее обрисовал.

Т р а п с. Дивная бабенка!

П р о к у р о р. Гигакс заботился только о том, чтобы преуспеть в делах, и мы имеем основание предполагать, что он был убежден в верности своей жены. Считая себя выдающимся человеком и завидным мужчиной, он не мог и представить себе, что жена ему изменяет. Поэтому для него было бы жестоким ударом известие о ее связи с

нашим великолепным Казановой из Шларафии.

Т р а п с. Так оно и было!

П р о к у р о р *(пораженный)*. Так оно и было?

А д в о к а т *(тихо)*. Перестаньте лезть с вашими замечаниями. Вы только что поставили себя в очень опасное положение.

П р о к у р о р. А как же он об этом узнал, старый грешник? Неужели созналась его соблазнительная женушка?

Т р а п с. Нет, она слишком боялась старого жулика.

П р о к у р о р. Значит, Гигакс сам догадался?

Т р а п с. Нет, он был слишком высокого мнения о себе.

П р о к у р о р. Значит, ты сам открыл ему глаза, мой дорогой друг и Дон Жуан?

Т р а п с. На этот вопрос мне неловко отвечать, Курт.

А д в о к а т. Я хочу обратить внимание господина Трапса на то, что он может не отвечать на этот вопрос.

С у д ь я. Да, Трапс не обязан на него отвечать.

П р о к у р о р. Согласен.

Т р а п с. Господа судьи! Проницательность господина прокурора заслуживает восхищения. Хорошо играет тот, кто относится к игре всерьез,

и к нашей игре тоже. Я не боюсь правды. Я признаю, что один из моих друзей открыл глаза мужу и сделал это по моей просьбе. Я не любил и не люблю никакого секретничания. Ни сейчас, ни тогда, когда у меня была связь с Кэти.

Длительное молчание. Затем взрыв гомерического хохота.

П р о к у р о р. Признался, признался сам, великолепно!

П и л е. Чудесно!

А д в о к а т. Вот глупость, просто глупость!

Т р а п с. Но что с вами, господа? Вы пустились в пляс по комнате, как дикари?

П р о к у р о р. Господа, разрешите мне от полноты чувств влезть на стул и с высоты этой трибуны продолжить свою речь. Случай совершенно ясен. Последние доказательства у нас в руках. Поглядим на нашего уважаемого убийцу. Итак, наш Альфредо попал в лапы этого жулика, своего шефа. Еще недавно, во время войны. Трапс торговал вразнос и, может, даже хуже — был просто бродягой без патента, незаконно продающим текстильные товары. Представим себе мелкого торговца с черного рынка, который постепенно добивается успеха и входит в солидное дело. Но

кто же успокаивается, взобравшись на дерево, если над ним, выражаясь образно, видна другая верхушка, с более зрелыми плодами? И хотя он хорошо зарабатывал то в одной текстильной фирме, то в другой, ему этого было мало. «Ситроен» Трапса был совсем неплох, но наш дорогой Альфредо видел, как его обгоняют машины новых марок. Они, сверкая, уносились вдаль. Благосостояние страны росло, и кому же не хочется урвать свою долю?

Т р а п с. Точно так все было, точно так. Признаю.

П р о к у р о р. Но решать было легче, чем сделать. Шеф не давал ему хода, беспощадно его эксплуатировал, связывал его по рукам и ногам.

Т р а п с. Верно, вы и не представляете себе, господа, в какие тиски зажал меня старый жулик!

П р о к у р о р. Тогда ему пришлось пойти ва-банк!

Т р а п с. И еще как!

П р о к у р о р. Наш дорогой друг начал действовать по служебной линии. Мы можем восстановить почти всю картину: проанализируем природу этого человека, его характер. Он установил тайные связи с поставщиками шефа, пообещал им лучшие условия, договорился с

другими коммивояжерами, а потом с их конкурентами.

Т р а п с. Чего же вы хотите, господа, так у нас принято.

П р о к у р о р. Вот тогда ему пришла в голову мысль найти другой выход.

Т р а п с. Другой выход?

П р о к у р о р. Он вступил в любовную связь с этой соблазнительной дамочкой, госпожой Гигакс. Как он этого добился? Вероятно, это произошло поздно вечером, как я себе представляю.

Т р а п с. Правильно!

П р о к у р о р. Вероятно, это случилось зимой, часов в шесть, когда город уже погружался в темноту, такую уютную, чувственную, полную соблазнов, манящую золотыми уличными фонарями, ярко освещенными витринами, разноцветными неоновыми рекламами.

Т р а п с. Прямо в точку!

П р о к у р о р. Он ехал на своем «Ситроене» по скользким мостовым в район богатых особняков, где жил его шеф.

Т р а п с. Да, да, именно в этот район.

П р о к у р о р. Он вышел из машины с портфелем под мышкой, набитым договорами и образцами. Надо было решить срочные вопросы,

но «лимузина» Гигакса на обычном месте у края тротуара не оказалось. Несмотря на это, Трапс прошел к дому через темный парк и позвонил. Госпожа Гигакс сама открыла ему дверь: супруг сегодня домой не вернется, а горничная выходная. Но не выпьет ли господин Трапс рюмку коньяку? Госпожа Гигакс любезно предложила ему войти.

Т р а п с. Честное слово, это просто какое-то колдовство! Откуда тебе все это известно, Куртхен?

П р о к у р о р. Практика! Судьба всегда играет одними и теми же картами. Итак, они сидели вдвоем в гостиной. Он не соблазнял ее, она не соблазняла его — это было просто счастливое стечение обстоятельств, которым он воспользовался. Она была дома одна и скучала, рада была с кем-нибудь поболтать; в квартире было тепло и уютно. Она, мы предполагаем, была в вечернем платье или — что еще лучше — в пестром купальном халате. Итак, Трапс сидел с ней рядом и смотрел на ее белую шею и грудь, видневшуюся в вырезе. Она принялась рассказывать о себе, злясь на мужа, разочарованная в нем, что сразу почувствовал наш уважаемый друг. Он понял, что добьется успеха, когда его уже добился. Вскоре он узнал о Гигаксе все: как он серьезно болен,

как он убежден в верности жены, — от женщины, которая хочет отомстить мужу, можно узнать всю подноготную. Трапс и не думал прекращать эту любовную связь. Она была ему очень кстати. Он хотел погубить своего шефа, используя и этот путь.

Т р а п с. Таким способом?

П р о к у р о р. Вот так двигалось это черное дело, и наступил момент, когда у Трапса в руках оказались все козыри: деловые связи, поставщики и соблазнительная женщина. Тогда он затянул петлю и спровоцировал скандал.

Т р а п с *(медленно, пораженный)*. Затянул петлю?

П р о к у р о р. Над Гигаксом нависла беда, пришел час, когда он все узнал. У старого жулика, как я себе представляю, еще хватило сил добраться домой. Он был разъярен, уже в машине у него заболело сердце, выступил холодный пот, затряслись руки. Он путал дорожные знаки, раздраженные свистки полицейских неслись ему вдогонку, а затем мучительный путь от гаража до собственной двери, и, наконец, увидев вышедшую ему навстречу жену, он падает в передней.

Т р а п с *(тихо)*. Но я, право же, в этом не виноват!

П р о к у р о р. Все произошло очень быстро, доктор вспрыснул ему морфий, а затем наступил конец, только еще чуть заметный хрип, последний вздох. А в это время Трапс был у себя дома, в кругу семьи, с женой и четырьмя детьми. Телефон. Он берет трубку.

Т р а п с. Ужасно, но все было именно так.

П р о к у р о р. Трапс ошеломлен, но внутренне торжествует: «Я своего добился». Три недели спустя он стал владельцем «Студебеккера». Таков ход событий. Заканчивая свою речь, я требую строгого наказания виновника.

Т р а п с. Господи боже мой, что же я сделал?

П р о к у р о р. Убийство господина Гигакса были методически осуществлено.

Т р а п с. Методически?

П р о к у р о р. Наш друг Альфредо действовал с заранее обдуманным намерением. Он действовал совершенно сознательно, зная, что измена жены будет для Гигакса смертельным ударом.

Т р а п с. Этого я не знал.

Молчание.

П р о к у р о р. Да? Значит, вы не знали, что Гигакс болен, так опасно болен, что всякое потрясение может его убить?

Молчание.

Т р а п с. Этого я, не говорил.

П р о к у р о р. Чего вы не говорили?

Т р а п с. Я знал, что он был тяжело болен, этот старый жулик, но я не знал, что потрясение может его убить.

П р о к у р о р. Но вы же хотели сказать нам правду, вы хотели откровенно признаться во всем этой милой компании, дорогой друг Альфредо.

Молчание.

Т р а п с. Ну ладно. Конечно, волнение могло его убить. При таком здоровье было просто безумием заниматься делами. Но я, по-видимому, неточно выразился. Я хотел сказать, что моя связь с его женой не имела никакого отношения к его болезни.

П р о к у р о р. Никакого?

Т р а п с. Ей-богу же, никакого!

П р о к у р о р. Почему же вы тогда добивались, чтобы господину Гигаксу сообщили об измене его жены?

Т р а п с *(неуверенно)*. Я ведь сказал, что просто терпеть не могу секретничать.

П р о к у р о р. Это меня радует. Откровенность — вещь похвальная, дорогой друг Альфре-

до. А как отнеслась к этому госпожа Трапс?

Т р а п с. Моя жена?

П р о к у р о р. Вы и ей сообщили о своей измене, раз вы не любите секретничать?

Т р а п с. Но у меня… у меня ведь дети, господин прокурор, не могу же я разрушать семью, сами понимаете.

П р о к у р о р. Естественно, дорогой Трапс. Значит, у госпожи Гигакс нет детей?

Молчание.

П р о к у р о р. Итак?

Т р а п с *(тихо)*. Тоже есть.

П р о к у р о р. Значит, есть. Странно. Но ее брак вы готовы были разрушить?

Молчание.

Т р а п с *(решившись)*. Ладно. Если господину прокурору уж так необходимо это знать, признаюсь — да, я хотел разрушить ее семью.

П р о к у р о р. Та-ак.

Т р а п с. Страсть. Я любил госпожу Гигакс.

П р о к у р о р. Ясно, влюбленный Казанова. А почему вы больше не посещаете вашу возлюбленную?

Т р а п с *(в отчаянии)*. Господин адвокат!

П р о к у р о р. Он еще выступит, несколько позже. А пока что он нервно протирает пенсне. Ну-ка, отвечайте на мой вопрос.

Т р а п с. Я же должен был добиться успеха. Любой ценой. Но я не хотел убивать господина Гигакса, правда, не хотел. Мне это даже во сне не снилось.

П р о к у р о р. Значит, вы об этом никогда не думали? Вам это даже во сне не снилось?

Т р а п с. Я говорю чистую правду. Клянусь. Поверьте мне наконец!

П р о к у р о р. Я верю вам на слово, дорогой друг Альфредо. Я только хочу устранить некоторые противоречия, которые возникли в ходе разбирательства, ничего больше. Вы должны объяснить, какую цель вы преследовали, сообщая Гигаксу о измене его жены, и все будет в порядке. Вы это сделали не из любви к истине и не из любви к госпоже Гигакс. Так зачем же вы это сделали?

Т р а п с. Я это сделал… я хотел ему повредить.

П р о к у р о р. Вот это ответ. Наконец-то мы продвинулись вперед. В каком смысле повредить?

Т р а п с *(с трудом)*. Просто… повредить…

П р о к у р о р. По служебной линии?

Т р а п с. Да, хотя и не совсем, ведь к службе это отношения не имело.

П р о к у р о р. Значит, вы хотели подорвать его здоровье?

Т р а п с. Скорее всего, так.

П р о к у р о р. Нанести удар тяжело больному человеку, разрушить его здоровье — значит его убить, не правда ли?

Т р а п с. Но, господин прокурор, это же немыслимо, вы не можете думать, что я на это способен!

П р о к у р о р. Но это оказалось мыслимым.

Т р а п с. Я ничего плохого не думал.

П р о к у р о р. Значит, вы действовали без заранее обдуманного намерения?

Т р а п с. Нет, этого я тоже не могу утверждать.

П р о к у р о р. Следовательно, вы действовали обдуманно?

Т р а п с. Боже мой, за что вы меня мучаете?

П р о к у р о р. Я вас вовсе не мучаю. Вы сами себя мучаете. Я хочу лишь помочь вам постигнуть истину. Вам самому важно знать, убийца вы или нет. В жизни часто убивают, не отдавая себе в этом отчета. И я это обязан выяснить, или, может, вы боитесь правды?

Т р а п с. Нет. Я уже сказал, что я ее не боюсь.

П р о к у р о р. Итак? Где же правда?

Молчание.

Т р а п с *(медленно)*. Мне часто хотелось свернуть шею Гигаксу, убить его, но ведь это случается с каждым, любому такие мысли лезут в голову.

П р о к у р о р. Но вы не только думали об этом, обвиняемый, — вы действовали.

Т р а п с. Да, конечно, но он ведь умер от инфаркта, а что с ним это случится, никто не знал.

П р о к у р о р. Но вы же знали, что такая возможность вполне реальна и с ним может случиться приступ, когда он узнает об измене жены.

Т р а п с. Конечно, такая возможность была.

П р о к у р о р. И все же это вас не остановило?

Т р а п с *(в отчаянии)*. Но дело есть дело!

П р о к у р о р. А убийство есть убийство. Вы пошли в атаку на Гигакса, хотя и знали, что можете его убить.

Т р а п с. Ну да…

П р о к у р о р. Гигакс умер. Значит, вы убили его.

Т р а п с. Ну да, но не в прямом смысле этого слова.

П р о к у р о р. Убийца вы или нет?

Т р а п с. Да, теперь я вижу: я убийца.

П р о к у р о р. Обвиняемый признался. Мы имеем дело с психологическим убийством, совершенным таким утонченным способом, что

по внешним признакам, кроме супружеской измены, налицо нет состава преступления. Но эти «внешние признаки» никого больше не могут ввести в заблуждение… Я как прокурор нашего частного суда имею честь — и на этом заканчиваю свою обвинительную речь — требовать смертного приговора Альфредо Трапсу.

Т р а п с *(как будто пробуждаясь)*. Я — убийца.

С и м о н а. Торт, господа, кофе-мокко, коньяк 1893 года!

П и л е. Чудесно!

А д в о к а т. Какое несчастье! Еще один обвиняемый не выдержал, еще один сознался. Попробуйте их защищать! Лучше насладимся красотой этого часа, величием природы. Ветви буков шелестят за окном. Два часа ночи, праздник в «Медведе» кончается, там поют прощальную песню, звуки которой доносит сюда ветерок, — слышите: «Наша жизнь стремительна, как дорога…»

Отдаленный хор мужских голосов.

С у д ь я. Слово имеет защитник.

А д в о к а т. Я с большим удовольствием выслушал, уважаемые господа, обвинительную речь нашего прокурора и должен отдать должное его

изобретательности. Смерть старого жулика Гигакса — несомненный факт. Мой клиент тяжело страдал от его деспотизма и постепенно испытывал к своему шефу все большую и большую антипатию. Конечно, он мечтал занять его место, никто этого не отрицает, но как можно столь необоснованно изображать смерть коммерсанта, страдавшего болезнью сердца, убийством?

Т р а п с. Но я же его убил!

А д в о к а т. Я не могу согласиться с обвиняемым, считаю его неспособным на такое преступление и не признаю его виновным.

Т р а п с. Но я же виновен!

А д в о к а т. То, что он сознается в убийстве, так тонко придуманном нашим прокурором, психологически вполне объяснимо.

Т р а п с. Единственное объяснение — это то, что я совершил преступление.

А д в о к а т. Достаточно взглянуть на обвиняемого, чтобы убедиться в его простодушии. Он наслаждается нашим обществом, тем, как его здесь уважают, любят и даже восхищаются его красным «Студебеккером». Поэтому и мысль о том, что он совершил образцовое, отнюдь не банальное преступление, начала ему нравиться, вошла в его сознание, отяжелевшее от «нефша-

теля», бургундского и замечательного коньяка 1893 года. Естественно, что он не желает, чтобы его преступление снова стало чем-то будничным, мещанским, обыденным, одним из тех мелких, событий, которыми так богата наша жизнь, ставшая хаосом, ибо закат цивилизации привел всех к потере веры, добра, религиозных устоев, к отчуждению людей. Смятение, одичание — вот результат этого процесса. Маленькому, одинокому человеку не светит больше путеводная звезда. Общее падение нравственности в эпоху, когда царит закон кулака и право сильного, — вот то, что заставляет рассматривать нашего добряка Трапса не как преступника, а как жертву своего времени.

Т р а п с. Но это не меняет того, что я убийца.

А д в о к а т. Трапс не исключение. Когда я говорю, что не считаю его способным убить, это не значит, что я хочу доказать его полную невиновность, — наоборот. Он много грешил и ошибался, нарушал супружескую верность, хитрил и мошенничал, пробивая себе дорогу. Нельзя, однако, считать, что вся его жизнь состояла из прелюбодеяний, обмана и мошенничества. Нет, у него есть свои хорошие стороны, свои добродетели. Он благородный человек и лишь

слегка подточен пороком. Именно поэтому он неспособен причинить большое зло, совершить заранее обдуманное преступление. Теперь, пытаясь преодолеть собственную слабость, Трапс хочет доказать, что он преступник.

Т р а п с. Вы ошибаетесь, господин адвокат, все наоборот. Прежде я воображал, что я невиновен, а теперь я прозрел и вижу, что я виновен.

А д в о к а т. Взглянем на дело Гигакса трезво, объективно, не увлекаясь мистификациями прокурора, и мы убедимся, что старый жулик был сам виноват в своей смерти. Нам всем хорошо известны причины болезней дельцов и воротил: вечное беспокойство, суета, разбитые семьи, расстроенные нервы. Это легко доказуемо. Я хочу задать моему клиенту только один вопрос. Обвиняемый, какова была погода в тот вечер, когда скончался Гигакс?

Т р а п с. Страшный ветер, господин защитник. Деревья вырывало с корнем.

А д в о к а т. Прекрасно. Вот вам и внешний толчок, который способствовал этой смерти; мы знаем по опыту, что при сильном ветре происходят массовые инфаркты, коллапсы, эмболии.

Т р а п с. Но дело же совсем не в этом!

А д в о к а т. Дело именно в этом, дорогой гос-

подин Трапс. Речь идет об обычном несчастном случае, из которого пытаются состряпать убийство и доказать, что не случай, а дьявольски хитрый расчет привел Гигакса к смерти. Понятное желание, но, увы, не имеющее под собой никакой реальной почвы. Конечно, мой клиент поступил жестоко, но он жил по законам делового мира. Я верю, ему часто хотелось убить своего шефа, но что только не лезет нам в голову, мало ли чего мы не совершаем в мыслях своих, но только в мыслях, замысел не был осуществлен и не может быть доказан. В конце концов, понятно, что обвиняемый хотел разозлить Гигакса этим досадным известием об измене его жены. Боже мой, но сам Гигакс был жестоким, безжалостным хозяином, бесстыдно эксплуатировавшим своих подчиненных. И зачем вменять в вину нашему другу Трапсу, что он больше не посещает вдову Гигакса? Ведь их отношения никогда не были настоящей любовью! Нет, господа, я считаю абсурдом обвинять моего клиента еще и в этом, но еще больший абсурд в том, что он сам вообразил себя убийцей. Я считаю, что кроме автомобильной аварии он пережил еще вторую, психологическую аварию. На основании всего вышесказанного я требую оправдания Альфредо

Трапса.

Т р а п с *(вне себя)*. Господа, я хочу сделать заявление!

С у д ь я. Слово имеет обвиняемый.

Т р а п с *(тихо)*. Я с величайшим негодованием выслушал речь моего защитника, выступление же прокурора потрясло меня до глубины души. У меня нет никакого желания высказываться по поводу той клеветы, которую возвел на меня адвокат, но в речь прокурора мне хочется внести несколько мелких уточнений, которые могут помочь торжеству правосудия. Так, госпожа Гигакс приняла меня в тот вечер не в купальном халате, а в темно-красном кимоно; инфаркт Гигакса случился не в передней, а в загородном доме, откуда его привезли в клинику и положили в кислородную палатку, где он и умер. Но все это, как я уже сказал, не имеет решающего значения. Главное, я — убийца. Переступая порог вашего дома, я еще не знал, что я убийца, и не хотел этого знать, а вот теперь знаю. Я не смел об этом, честно говоря, думать, я трусил, а теперь у меня хватает мужества признать свою вину. Я виновен. Это поражает меня самого. Моя вина открылась мне, и это сжигает мне душу. Больше мне нечего сказать. Прошу суд вынести мне приговор.

С у д ь я. Дорогой Альфредо Трапс, вы стоите перед лицом частного суда. В этот торжественный момент я считаю своим долгом обратиться к вам с вопросом: признаете ли вы законным наш приговор, вынесенный не государственным, а частным судом?

Т р а п с. Я признаю ваш приговор справедливым.

С у д ь я. Прекрасно. Я подымаю рюмку, наполненную золотистым коньяком 1893 года. Ты совершил убийство, Альфредо Трапс, хотя в твоих руках и не было оружия, но весь механизм мира, в котором ты живешь, способствовал этому преступлению. Я не считаю доказательным утверждение прокурора, что ты действовал преднамеренно. Ты убил только потому, что для тебя естественно поступать беспощадно, припирать врага к стенке, идти напролом, не думая о последствиях. В том мире, через который ты проносишься на своем красном «Студебеккере», это не имело никаких последствий. Но ты пришел к нам, в нашу тихую, маленькую, белую виллу, и мы, четверо старых людей, показали тебе твою жизнь, осветили ее ярким светом подлинного правосудия. Да, я знаю, хорошо знаю, что наше правосудие выглядит странно, оно сквозит в

улыбках на изборожденных морщинами лицах, отражается в монокле дряхлого прокурора, в пенсне поэтически настроенного адвоката, в усмешке беззубого рта пьяного судьи, сверкает на багровой лысине тучного отставного палача. Да, это странное, фантастическое, отставное правосудие, но и в таком виде оно — правосудие, во имя которого я приговариваю тебя к смерти, мой дорогой, бедный Альфредо Трапс!

Т р а п с *(тихо, растроганно)*. Спасибо. Благодарю вас от всей души.

С у д ь я. Палач, проводите осужденного в комнату для приговоренных к смертной казни.

П и л е. Чудесно.

П р о к у р о р. Превосходный вечер, веселый, божественный вечер.

С у д ь я. Хорошо сыграли.

А д в о к а т. Мне последнее время не везет.

П р о к у р о р. Наша работа кончена.

А д в о к а т. Ну что же, теперь настал черед нашего дорогого Пиле выполнить свой профессиональный долг. Кстати, сейчас самое время. Рассвет наступил, в окно проникает его свинцовый отблеск, и первые птички уже защебетали.

П и л е. Чудесно. Пойдемте, господин Трапс.

Т р а п с. Иду.

П и л е. Чудесно. Здесь ступеньки. Я вас поддержу.

Т р а п с. Благодарю.

П и л е. Чудесно.

Т р а п с. Вы, наверное, уже многих… Я хочу сказать, вы многих людей провожали на казнь?

П и л е. Ну, конечно, у меня такая практика…

Т р а п с. Понятно.

П и л е. Чудесно. Берегитесь. Вот вы и споткнулись. Я помогу вам подняться.

Т р а п с. Большое спасибо.

П и л е. Должен вам сказать, что люди иногда ужасно боялись… Прямо ногами не могли двигать.

Т р а п с. Я стараюсь сохранять мужество. А что это за странная штука висит на стене?

П и л е. Тиски для пальцев.

Т р а п с. Тиски для пальцев?

П и л е. Чудесно, не правда ли?

Т р а п с. Но ведь это, кажется, орудие пытки?

П и л е. Старинная вещица. Дом полон таких редкостей. Господин Верге их собирает.

Т р а п с. А… этот станок?

П и л е. Эпоха Ренессанса — ломали кости. Вот и ваша комната для смертников. А рядом — помещение для осужденных к пожизненному

заключению.

Т р а п с *(в страхе)*. Вы слышите?

П и л е. Тобиас. У него неспокойный сон.

Т р а п с. А теперь кто-то стонет.

П и л е. Член парламента, которого судили позавчера. Никак не проспится.

Т р а п с. Не надо лицемерить, господин Пиле, правда, не надо, я уже понял, что это за дом. *(Задыхается от страха.)*

П и л е. Спокойно, спокойно. Сейчас все пройдет. Входите.

Звук захлопывающейся двери.

Широкая кровать, теплая вода. Чудесно.

Т р а п с. Все это мне уже не нужно. Что это, похожее на мольберт?

П и л е. Мольберт? Да это же гильотина! Тоже из коллекции судьи.

Т р а п с. Ги… гильотина?

П и л е. Чудесно… Потрогайте. Чистый дуб. Вот, поднимаю нож. Смотрите, как наточен. Так, теперь все готово, правда, двигается с трудом.

Т р а п с. Го-готово?

П и л е. Чудесно. Снимите пиджак.

Т р а п с. Понимаю. Так нужно?

П и л е. Я вам помогу. А теперь расстегнем во-

ротник.

Т р а п с. Спасибо, я сам.

П и л е. Как вы дрожите.

Т р а п с. А что мне остается еще. В конце концов, это не слишком весело.

П и л е. Вы чересчур много выпили. Вот теперь воротник расстегнут.

Т р а п с. Мне больше нечего сказать. Я знаю, что я убийца. Кончайте.

П и л е. Прекрасно.

Т р а п с. Я готов.

П и л е. А ботинки?

Т р а п с. Ботинки?

П и л е. Вы не хотите снять ботинки?

Т р а п с. Это уже ни к чему!

П и л е. Послушайте! Вы же такой воспитанный человек. Неужели вы собираетесь лечь в постель не разуваясь?

Т р а п с. В постель?

П и л е. Разве вам не хочется спать?

Т р а п с. Спать?

П и л е. Чудесно. Ну ложитесь.

Т р а п с. Но...

П и л е. Вот, а теперь я вас укрою одеялом. Чудесно.

Т р а п с. Но я же убийца, господин Пиле, я же

должен быть казнен, господин Пиле, я же должен — ну вот теперь он ушел и погасил свет. Я же убийца — я же… я же… я же устал, в конце концов, все это только игра, только игра, только игра. *(Засыпает.)*

С и м о н а. Господин Трапс! Проснитесь. Механик из гаража привел вашу машину.

Т р а п с. Машину?

С и м о н а. Что с вами, господин Трапс? Уже девять часов.

Т р а п с. Девять часов? Боже мой, а у меня столько дел. Ну и набрался я сегодня ночью. Ботинки, куда девались мои ботинки? Так, воротник, а теперь пиджак… Висит на мольберте.

С и м о н а. Вот вы и одеты, господин Трапс. Господин Верге просит его извинить. Вы не хотите позавтракать? Член парламента уже в столовой.

Т р а п с. Некогда. Спешу… Пора ехать дальше. И так опаздываю. До свиданья. Большое спасибо за гостеприимство. Было очень интересно. А теперь быстро в сад. Вот она, эта дорожка, усыпанная гравием.

Т о б и а с. Разрешите отпереть вам садовую калитку?

Т р а п с. А вы кто такой?

Т о б и а с. Тобиас. Ухаживаю за садом господи-

на Верге. А на чай не дадите?

Т р а п с. Держите, вот марка.

Т о б и а с. Большое спасибо, большое спасибо.

Т р а п с. Машина в порядке?

М е х а н и к. Поломка сцепления. С вас двадцать марок пятьдесят пфеннигов.

Т р а п с. Нате. А теперь за руль!

Легкая музыка, модный мотив.

Кажется, сегодня ночью я болтал какую-то ерунду. Что там, собственно, происходило? Кажется, что-то вроде судебного разбирательства. И я возомнил себя убийцей. Вот чепуха! Я ведь и мухи не обижу. До чего могут дойти люди, когда они на пенсии! Ну ладно, что вспоминать. У меня полно своих забот, как и у всякого делового человека. Ну и проходимец этот Вильдхольц! Я сразу смекнул, что пахнет жареным. Хотел выжать из меня пять процентов. Пять процентов! Эх, дружище, ведь я сверну тебе шею, не успеешь и опомниться. Без всякого снисхождения!

Перевела Е. Якушкина.

Гюнтер Айх
ПРИБОЙ В СЕТУБАЛЕ

Обязаны верить.

Действующие лица

Педро, слуга Катарины
Фелипе, хозяин постоялого двора
Охао, слуга Камоэнса
Гофмаршал
Катарина де Атаиде
Розита, ее камеристка
Жена хозяина постоялого двора
Мать Камоэнса

Р о з и т а
входит в спальню д о н ы К а т а р и н ы.

Р о з и т а. Шоколад, дона Катарина.

К а т а р и н а. Шоколад. *(Потягивается и садится на кровати.)*

Р о з и т а. Поднос на одеяло, чтобы чуть касался пеньюара.

К а т а р и н а. Выполняй мои приказания, Розита, не повторяй их как попугай! Десять часов?

Р о з и т а. Точно.

К а т а р и н а. Точно не может быть.

Р о з и т а. Как раз било, когда я входила в дверь.

К а т а р и н а. Входила в дверь! Когда ты была снаружи или внутри? Первый удар или последний? Что за неряшливость в выражениях! Разве я не велела тебе будить меня так, чтобы я слышала последний удар? Я его не слышала.

Р о з и т а. Да ведь трудно это, дона Катарина. Первый год еще как-то выходило. Я ждала перед дверью до пятого удара и сразу нажимала на ручку. А потом не знаю, что сделалось: то ли часы разладились, то ли мои нервы. Перестало получаться — и все тут. Я уж пробовала с четвертым ударом дверь открывать — но тогда, пока донесешь, шоколад пленкой затягивается.

К а т а р и н а. Ужасно!

Р о з и т а. По правде говоря, с годами только хуже стало. Иной раз перед дверью прямо сердцебиение начинается.

К а т а р и н а. Это по другим причинам, Розита. Когда ты пришла ко мне, тебе было семнадцать, а служишь ты у меня уже пять лет. Самая пора для сердцебиений.

Р о з и т а. Да и не только сердцебиение. Вдруг

зубы начинают стучать, — того и гляди, поднос уронишь.

К а т а р и н а. Как ты мне надоела со своими расстройствами. Вот от твоей предшественницы — а она служила у меня двенадцать лет — я ничего подобного не слыхала.

Р о з и т а. Ясное дело, дона Катарина, — у ней и зубов-то уже не было.

К а т а р и н а. Ну, хватит болтать. Убери чашку! Погода?

Р о з и т а. Облачная.

К а т а р и н а. Прибой?

Р о з и т а. Как всегда.

К а т а р и н а. Тише! *(Пауза.)* Да. Это так успокаивает. Знаешь, что я чувствую, когда слышу этот рокот?

Р о з и т а. Вы уже говорили, дона Катарина: будто стали ближе к богу.

К а т а р и н а. Как невыразимо глупо это звучит, когда ты это говоришь!

Р о з и т а. Да так же глупо, как… *(В испуге замолкает.)*

К а т а р и н а. Что?

Р о з и т а. Нет, ничего.

К а т а р и н а. Ты иногда совсем распускаешься.

Р о з и т а *(простодушно)*. Ой, что вы, боже упаси!

К а т а р и н а. Почему пятна на одеяле? Кругом грязь, запустение. Ни за чем вы не смотрите.

Р о з и т а. Это красное вино, дона Катарина. Со вчерашнего дня.

К а т а р и н а *(упавшим голосом)*. Красное вино? Я сама?

Розита молчит.

И сколько же?

Р о з и т а. От двух литров осталось на донышке.

К а т а р и н а *(печально)*. Ну хоть на донышке. *(Пауза.)* Самое странное, что поначалу я просто не могла его слышать. Затыкала себе уши.

Р о з и т а. Прибой?

К а т а р и н а. В нем воплотилось для меня мое изгнание. Ах, у меня в ушах еще звучал радостный смех, раздающийся из королевского дворца, нежный шепот в аллеях парка, стихи…

Р о з и т а. Сегодня у нас стихотворение «На берегах Мондего поэт вспоминает свою Натерцию».

К а т а р и н а. Но двадцати семи лет достаточно, чтобы треск адского пламени превратить в

усыпительный лепет господнего всепрощения.

Р о з и т а *(неуверенно)*. Это из какого-нибудь сонета?

К а т а р и н а. Чтобы ненависть превратить в любовь.

Р о з и т а. А любовь, — если позволите спросить?

К а т а р и н а. Нет, не позволю. *(Плачет.)*

Р о з и т а *(растерянно)*. Дона Катарина!

К а т а р и н а *(спокойным голосом)*. Какое стихотворение?

Р о з и т а. Третье из второго тома.

К а т а р и н а. Не притворяйся, будто ты умеешь читать! Педро с тобой замучился.

Р о з и т а. Да и вы не меньше его, дона Катарина.

К а т а р и н а. Я понимаю, дитя мое, что читать наизусть стихи — не совсем обычное занятие для камеристки. Стань к шкафу.

Р о з и т а. И взгляд в окно на море.

К а т а р и н а. Да не говори ты этого, Розита, ты делай!

Р о з и т а.

«Семь струй в реке — семь дней с тобой в разлуке!

Средь волн, стремящих к морю свой напор,
Они — ничто, твержу себе в укор,
Спасаясь тщетно от душевной муки.

И вновь семь дней невыносимой скуки,
Их не согрел твой поцелуй иль взор —
И вот кляну судьбины приговор,
И горестны любовных жалоб звуки.

Натерция! Ты мерой стала мер,
И в этой мере все: и мирозданье,
И вздох, и взгляд, и радость, и страданье.

Что смена дней, движенье звезд и сфер!
Вне милых глаз я бытия не мыслю,
От милых губ я жизнь и вечность числю»[1].

К а т а р и н а. Вечность, да. Но двадцать семь лет!

Р о з и т а. Трудно говорить то, чего не понимаешь.

К а т а р и н а. Оттого что ты не понимаешь,

---

[1] Примечания: 1
Сонет Луиса Камоэнса в переводе В. Левика.

у тебя и получается. Ты читала великолепно, дитя мое.

Р о з и т а. Это только из-за шкафа, и еще что я косилась на море.

К а т а р и н а. Кстати, почему ты говоришь, что не понимаешь? Чего тут не понимать?

Р о з и т а. Я не понимаю чувств, которые зарифмованы.

К а т а р и н а *(озадаченно)*. Ах вот как. *(Пауза.)* Нет, ты положительно распускаешься. Слугам не пристало иметь такие мысли.

Р о з и т а. Прошу прощения, дона Катарина.

К а т а р и н а. Да чего уж там. Продолжим этот подрывной разговор. Стало быть, рифмы…

Р о з и т а. Да, и Натерция тоже. Почему он говорит «Натерция», когда вас зовут Катариной?

К а т а р и н а. С годами я сама начала сомневаться — не зовут ли меня и впрямь Натерцией?

Р о з и т а. А тогда?

К а т а р и н а. Да, конечно, тогда меня еще звали Катариной. Будем рассуждать по порядку, дитя мое. Рифмы и Натерция — это две совершенно разные проблемы. Нельзя их смешивать. Рифма — это преодоление природы.

Р о з и т а *(непонимающе)*. Ага.

К а т а р и н а. Дело в том, что человеческая

нравственность начинается там, где тварь господня возвышается над примитивной, грубой природой. Ну что такое чувства? Трется тело о тело — это и скотницы, и мельники могут. А вот когда чувства начинают рифмоваться, Розита, — это совсем другое дело.

Р о з и т а. Ага.

К а т а р и н а. Понятно тебе?

Розита молчит.

Я так и читаю вопросы в твоих дерзких глазах. Как бесстыдно смазливое лицо, когда оно смотрит на постаревшее, как оно грубо! Вообрази, что я зажимаю себе нос и подбираю платье, спускаясь по лестнице во двор, где чавкают свиньи у корыта и на землю шлепаются катыши мулов.

Р о з и т а. Конечно, у нас одна только природа и есть, дона Катарина.

К а т а р и н а. Да у меня тоже, Розита, у меня тоже. Не обижайся.

Р о з и т а. А что касается свиней — так их сами же держат в грязи, а потом ругают за вонь.

К а т а р и н а *(не слушая ее)*. Нет, рифмовать я не умею. Тоже не умею. Что я такое? Ничто, а если что-то и представляю собой, то лишь благодаря ему, из-за него, возле него… вдали от него.

Р о з и т а *(сочувственно)*. Бедная дона Катарина.

К а т а р и н а. Хорошо, хорошо. Это все оттого, что я позволила тебе рассуждать о рифмах. Я сама не подозревала, насколько опасна эта тема.

Р о з и т а. А Натерция?

К а т а р и н а. Боюсь, что и здесь… Но попробуем. Убери поднос и начинай меня причесывать! Что ты скажешь о моих волосах?

Р о з и т а. Они еще очень красивы.

К а т а р и н а *(недоверчиво)*. Да? А мне кажется, они выглядят так, будто в них уже завелась моль.

Р о з и т а. Все-таки кое-какой толк в прическах я знаю.

К а т а р и н а. Это твой способ рифмовать.

Р о з и т а *(с радостным смехом)*. Да, дона Катарина.

К а т а р и н а. Натерцией же он называл меня для того, чтобы никто не знал, что речь идет обо мне.

Р о з и т а. Ах, этого никто не знал?

К а т а р и н а. Сначала никто.

Р о з и т а. А если он так и не показал никому этих стихов?

К а т а р и н а. Розита! Разве бы он стал тогда

величайшим поэтом Португалии? Разве бы мы сидели здесь и рассуждали о нем?

Р о з и т а. Нет, но зато у вас, наверное, были бы дети и внуки. *(Поспешно, будто желая загладить сказанную фразу.)* Я могу себе это представить. Это как если бы курица яйцо снесла. Зачесать повыше?

Катарина испускает крик.

Я сделала вам больно, дона Катарина?

К а т а р и н а. Я увидела чашку в зеркале.

Р о з и т а *(поспешно)*. А что если вам попробовать переменить прическу?

К а т а р и н а. Это чашка с лилиями.

Р о з и т а. Если поднять волосы с боков…

К а т а р и н а *(резко)*. Я говорю о чашке.

Р о з и т а *(смущенно)*. Да, да, я слышу.

К а т а р и н а. Ну и что?

Р о з и т а. Да, это чашка с лилиями.

К а т а р и н а. А я велела — с розами. Разве Педро тебе не сказал?

Р о з и т а. Возможно, госпожа.

К а т а р и н а. Возможно?

Р о з и т а. По правде говоря, невозможно. Чашку с розами разбила моя предшественница.

К а т а р и н а. Твоя предшественница? Ты у

меня уже пять лет. Стало быть, я по меньшей мере пять лет живу в заблуждении, что пью свой утренний шоколад из чашки с розами.

Р о з и т а. Вас это расстроило?

К а т а р и н а. Не расстроило, но навело на размышления.

Р о з и т а. Если еще позволите спросить: он вас всегда называл Натерцией?

К а т а р и н а. Странно, не правда ли?

Р о з и т а. Кому другому такое в голову придет? Только поэту.

К а т а р и н а. Я говорю о чашке и о пяти годах. Да, мысль наша — как туман, но, когда он проходит, все становится яснее.

Р о з и т а. И всегда-всегда, он всегда называл вас Натерцией?

К а т а р и н а. В стихах — разумеется.

Р о з и т а. А иной раз и просто так?

К а т а р и н а. А иной раз и просто так.

Р о з и т а. Надо же — он называл вас Натерцией, когда бы были одни! Хотя ведь тогда-то скрывать было нечего и он тогда не рифмовал?

К а т а р и н а *(растерянно)*. В самом деле. Зачем он меня тогда так называл?

Р о з и т а. Наверное, опять — преодоление природы.

К а т а р и н а. Но узор на чашке, не тот узор, лилии вместо роз! Не тот узор, не то имя! Что еще? Сколько еще всего сокрыто?

Р о з и т а. А может, он это делал вообще без всякой причины.

К а т а р и н а. Что без причины?

Р о з и т а. Может быть, просто так — вроде игры.

К а т а р и н а *(растерянно)*. Вроде игры?

Р о з и т а. Прическа готова. Нравится вам?

К а т а р и н а. Позови Педро!

Р о з и т а *(открывает дверь и зовет)*. Педро!

К а т а р и н а. И за это время я ни разу не упомянула об узоре с розами?

Р о з и т а. Упоминали, дона Катарина, но, собственно говоря, прямо никогда об этом не спрашивали.

К а т а р и н а. Стало быть, меня обманывали.

Р о з и т а. Я не знала, что для вас это так важно.

К а т а р и н а. Меня обманывали.

П е д р о стучится и входит в комнату.

Ну?

П е д р о. Дона Катарина?

К а т а р и н а *(вне себя от ярости)*. Дона Ката-

рина в пеньюаре! Самое время для безупречных поклонов, для изящных секретарских фраз! Говори без обиняков или катись к черту!

П е д р о *(обескураженным тоном)*. Но о чем говорить, дона Катарина?

К а т а р и н а. О лилиях, о розах! Педро, меня злостно обманывают.

П е д р о. Обманывают?

Р о з и т а. Чашка, Педро.

К а т а р и н а. Я десять лет живу в заблуждении, и никто мне ничего не говорит.

П е д р о. Дона Катарина, это случилось лет семь назад. У служанки выскользнул поднос из рук.

К а т а р и н а *(резко)*. Десятого июня 1580 года было десять с лишним лет назад.

Р о з и т а. Вы помните число! Значит, вы все время знали, что я каждое утро приносила чашку с лилиями!

К а т а р и н а. В этот день, как утверждали, Луис Вас де Камоэнс умер от чумы в Лиссабоне. Педро, подумай, в каком меня держат заблуждении!

П е д р о. Дона Катарина, неужели у вас могут быть сомнения…

К а т а р и н а. Кто говорит о сомнениях? Вина, Розита!

Р о з и т а. До захода солнца?

К а т а р и н а. Сегодня необычный день.

Р о з и т а. Как прикажете, дона Катарина. *(Уходит.)*

К а т а р и н а. Тут уверенность, Педро. Узор на чашке снял у меня пелену с глаз. В каком ослеплении мы подчас живем! И только оттого, что никогда не спрашиваем.

П е д р о. Дона Катарина, но если даже вы меня спросите…

К а т а р и н а. Поздно, Педро, больше меня не проведешь. Сейчас нам остается только обсудить подробности.

П е д р о *(неуверенно)*. Я думал, узор не имеет такого значения.

К а т а р и н а. Как не имеет значения и чума, от которой умер Камоэнс! Подробности путешествия, Педро!

П е д р о. Король запретил вам покидать Сетубал.

К а т а р и н а. Упустить десять лет — и чтобы я еще колебалась? Теперь я знаю, что Камоэнс жив, и я хочу к нему.

П е д р о. Кто жив? К кому — к нему?

К а т а р и н а. Я поверила в его смерть, как в узор с розами!

П е д р о. Узор с розами?

К а т а р и н а. Мы отправляемся в Лиссабон.

На террасе дома доны Катарины.

П е д р о. Сначала я испугался, что это путешествие поломает все наши планы. Но потом поразмыслил…

Р о з и т а. Хорошо, что хоть ты поразмыслил. Я-то уж и боюсь. Чуть поразмыслю — кругом черно становится. Как ты выдерживаешь эти мысли?

П е д р о. Как выдерживаю? А при чем тут мои мысли? Надо ведь принимать решения, верно?

Р о з и т а. Хорошо, принимай решения. А черноту я возьму на себя.

П е д р о. Не глупи! У доны Катарины достаточно вина?

Р о з и т а. Два литра. Если не хватит, она позвонит.

П е д р о. Я постараюсь ей втолковать, что нам нужна вторая повозка. Это путешествие — просто счастье для нас. Мы сможем теперь прихватить вещи, которые в другое время были бы только обузой, — фарфор, тяжелое серебро.

Р о з и т а. Ах, Педро.

П е д р о. Ну что?

Р о з и т а. Когда замышляешь воровство, то как будто ждешь чего-то… необыкновенного. Но я не

могу себе представить, что я его уже совершила… что оно позади.

П е д р о. Воровство? Тут, милая, кое-что побольше, чем просто воровство. Тут вся наша с тобой совместная жизнь, Розита, не забывай!

Р о з и т а. Я не забываю… Да вот совесть…

П е д р о. А меня бы замучила совесть, если бы я оставил столько денег и добра в руках сумасшедшей. Много ли ей надо? Вдоволь вина, хлеба — да этот прибой.

Р о з и т а. А она в самом деле сумасшедшая? Постой, Педро, — окно открыто, а слышишь ты что-нибудь?

П е д р о. А что слышать-то?

Р о з и т а. Тихо — прибой!

Пауза.

П е д р о. Ничего я не слышу.

Р о з и т а. То-то и оно! Я тоже ничего не слышу. А она слышит!

П е д р о. Я и говорю — сумасшедшая. Слышит прибой и отправляется в Лиссабон — в гости к мертвецу.

Р о з и т а. Я никогда не задумывалась над тем, жив он или нет. А почему бы ему и не быть живым? Кто видал, что он помер?

П е д р о. Да хоть бы и не помер! То-то он обрадуется, когда увидит свою прекрасную Натерцию проспиртованной старой каргой! Жив ли он, помер ли, — он дает нам возможность уехать в Лиссабон и прибрать к рукам все добро этого дома. Я первый готов снять перед ним шляпу или пролить слезу на его могиле. Как ни крути, а он помогает нам поднажиться, Розита.

Р о з и т а. Розита?

П е д р о. О чем это ты?

Р о з и т а. Я подумала — а что, если бы ты хоть разок назвал меня по-другому?

П е д р о. По-другому? Как это — по-другому? Тебе что, не нравится — Розита?

Р о з и т а. Да нет, я просто хочу сказать — по-другому.

П е д р о. Ну, например?

Р о з и т а. Например — Натерция.

П е д р о. Натерция! *(Разражается смехом.)*

Р о з и т а. Это я просто к примеру. Имя-то глупое.

П е д р о. А все-таки?

Р о з и т а. Я бы, наверно, обрадовалась, если бы ты вдруг меня так назвал.

П е д р о. Натерция.

Р о з и т а. Или по-другому как.

П е д р о. Антония, Инес, Эстер, Франциска, Маргарита, Мария…

Р о з и т а. Поздно.

П е д р о. Да и хватит глупить. Чувствительная ты очень.

Р о з и т а. Я просто пошутила.

Звонят в колокольчик.

П е д р о. Старуха!

Р о з и т а. А сейчас я еще одну шутку сыграю — скажу ей, что мы собираемся ее ограбить.

П е д р о. Ты спятила!

Р о з и т а. У меня есть перед ней обязанности. Дона Катарина ожидает меня не только с шоколадом и с вином, но и с печеньем. Я наговорю что-нибудь про шашни таможенника — это ей вместо ватрушек с изюмом, посплетничаю про епископа — это ей печенье с миндалем. Уж такая она сладкоежка.

П е д р о. Розита, ты что, и вправду хочешь…

Снова звонят в колокольчик.

Р о з и т а. Педро, соленых палочек и немножко сыру! *(Взбегает по лестнице наверх.)*

П е д р о *(кричит ей вслед)*. Розита!

Розита стучится в дверь доны Катарины и

входит в комнату.

Р о з и т а. Еще вина, дона Катарина?

К а т а р и н а. Для беседы с тобой тут хватит. Присядь на мою кровать.

Р о з и т а. Вы сейчас слышите прибой, дона Катарина?

К а т а р и н а. Конечно. Вообще, с тех пор как у меня ухудшился слух, я его лучше слышу. Но что я хотела сказать?

Р о з и т а. Может быть, что-нибудь о путешествии?

К а т а р и н а *(задумчиво)*. Конечно, о путешествии.

Р о з и т а. А хотите, я вам что-то скажу? Я кое-что знаю.

К а т а р и н а. Ты?

Р о з и т а. Мы с Педро сговорились.

К а т а р и н а. Не воображайте, что я ничего не заметила. У меня всегда было тонкое чутье на зарождающуюся любовь.

Р о з и т а. Сговорились, чтобы вас ограбить. Мы хотим использовать путешествие в Лиссабон, чтобы прикарманить все ваше добро.

К а т а р и н а *(смеется)*. Хорошо придумали!

Р о з и т а. Да не «хорошо придумали», а правда!

К а т а р и н а. Плуты! Знаю я вас!

Р о з и т а. Что вы хотите сказать, дона Катарина?

К а т а р и н а. Все пытаетесь сорвать путешествие! Ну сознайся, Розита!

Р о з и т а. Я и сознаюсь во всем.

К а т а р и н а. Сначала повозка слишком мала, потом лошади захромали, потом колесо сломалось, потом денег на дорогу нет, а теперь вот вы хотите меня ограбить. Не люби я тебя так, я бы, пожалуй, рассердилась. Почему ты участвуешь в заговоре против меня?

Р о з и т а. В заговоре?

К а т а р и н а. Вы думаете, я ничего не заметила? Ну ладно, довольно об этом! Но и ты не смей больше удерживать меня от путешествия в Лиссабон! Обкрадывайте, обкрадывайте меня, незадачливые воришки! *(Смеется.)*

Перед постоялым двором. Лошади замедляют шаг и останавливаются.

П е д р о. «Золотой ключ», дона Катарина.

К а т а р и н а. Стало быть, здесь. Но дом выкрашен в черный цвет. Разве тогда тоже так было?

Р о з и т а. Дом с черной штукатуркой? Надо же! Дона Катарина — да ведь это как гроб! Поехали

дальше!

К а т а р и н а. Позолоченная вывеска хорошо смотрится на этом фоне.

Р о з и т а. На гробах тоже бывает позолоченная обивка, насколько я помню.

К а т а р и н а. А оконные рамы белые, — что ж, вкус во всем этом есть. И не противоречь мне, пугливая моя голубка! Мы будем ночевать здесь — это тоже входит в план нашего путешествия. Эй, хозяин! *(Педро.)* Он тот же, что и тогда?

П е д р о. Тогда он не был так сутул. Это все проезжие господа — они пригибают человеку голову книзу.

Х о з я и н *(подходя к повозке)*. Слуга покорный, ваша милость. Это все только время, если мне дозволено услышать, о чем ведется речь. Вы остановились перед «Золотым ключом», как означено на вывеске. Предание гласит, что в «Золотом ключе»…

П е д р о. Спасибо, спасибо. Мы ищем ночлег для госпожи.

Х о з я и н. Так не ищите дальше. Будь даже мои комнаты плохи — они единственные на всем пути от Сетубала до Лиссабона.

П е д р о. Ах, еще и комнаты плохи?

К а т а р и н а. Я припоминаю…

Х о з я и н. Я говорил в сослагательном наклонении.

К а т а р и н а. По сослагательному наклонению я его и узнала.

П е д р о. Это знатная госпожа со свитой. Две повозки.

Х о з я и н. Вижу. Она утонет в леопардовых шкурах. У нас есть индийские, африканские и китайские комнаты.

К а т а р и н а. Припоминаю, припоминаю! Эта фраза тоже была десять лет назад.

Х о з я и н. Но десять лет назад я еще прибавлял: «Окна выходят на всемирную империю». Теперь они уже не выходят на всемирную империю. С тех пор я крашу дом в черный цвет.

П е д р о. Патриот.

Х о з я и н. Кое-кого это отпугивает. Но я знаю, к чему меня обязывают невзгоды отчизны.

К а т а р и н а. Сомнений быть не может. Это он. Распрягай, Педро! Поддержи меня, Розита!

Х о з я и н. Ваша милость останутся довольны.

К а т а р и н а. Леопардовых шкур мне для этого мало. Но на первый случай меня устроит, если вы внушите вашим блохам хотя бы некоторую воздержанность.

Х о з я и н. Сию же минуту распоряжусь. Что

еще ваша милость изволит приказать?

К а т а р и н а. Красного вина в мою комнату.

Х о з я и н. Слушаюсь. Оно у меня великолепное. Сам пью.

К а т а р и н а. Стало быть, выпьете со мной. Мне надо поговорить с вами. Где я ночую?

Х о з я и н. Весь второй этаж в вашем распоряжении.

К а т а р и н а. Педро вас позовет.

Х о з я и н. К вашим услугам.

К а т а р и н а. Мне сдается, что вы меня не признали?

Х о з я и н. У меня такое чувство, что я вас необычайно хорошо знаю, хотя уверен, что видел вас не часто.

П е д р о. Дипломатический ответ.

Х о з я и н. Чистая правда.

П е д р о. Мы ведь сказали: десять лет назад.

Х о з я и н *(задумчиво)*. Десять лет назад? Стало быть, незадолго до черной штукатурки — примерно тогда, когда умер Камоэнс.

К а т а р и н а. Камоэнс умер?

Х о з я и н. От чумы, в Лиссабоне, 10 июня 1580 года. Я когда-то хорошо его знал, был вместе с ним в Индии, помню наизусть его сонеты…

Р о з и т а.

«Натерция! Ты мерой стала мер,
И в этой мере все: и мирозданье,
И вздох, и взгляд, и радость, и страданье».

Х о з я и н. Что? Молодежь знает его стихи? Я снова обретаю веру в Португалию. Теперь не грех перекрасить дом в розовый или зеленый цвет.

П е д р о. Да нет, вы послушайте…

Х о з я и н. А что касается Натерции — вскоре после этого здесь останавливалась дама. *(Запнувшись.)* Дама…

П е д р о. Натерция?

Х о з я и н. Точно: Натерция. *(Почтительно.)* Я уже сказал, всемилостивейшая госпожа: весь к вашим услугам.

К а т а р и н а. Идем, Розита!

К а т а р и н а и Р о з и т а уходят.

Х о з я и н. Какой знаменательный день для моего дома! Но, честно говоря, я в смущении.

П е д р о. В смущении?

Х о з я и н. Повозки лучше отвести во двор.

П е д р о. Я уж присмотрю.

Х о з я и н. Надо же было допустить такую глупость…

П е д р о. Глупость?

Х о з я и н. Да ничего особенного, — но все-таки глупость. Ах, какая глупость. Надеюсь, она не заметит.

П е д р о. О чем вы толкуете?

Х о з я и н. Гм.

П е д р о. Но уж будьте уверены — она вас выспросит.

Х о з я и н. Я сейчас же приму меры. Бегу!

П е д р о *(кричит ему вслед)*. Эй, что это за манера *(про себя, ворчливо)* — сначала заинтриговать, а потом удрать! Право слово — все кругом как спятили! Один я твердо знаю, куда гну. Н-но!

Повозка въезжает во двор.

Комната Катарины.

К а т а р и н а. Если вы припоминаете, я останавливалась в этой же самой комнате.

Х о з я и н. Прошу прощения, подробностей я уже не помню. Но могу вас уверить, что для меня это был незабываемый визит.

К а т а р и н а. Мне важны именно подробности.

Х о з я и н. Вы повернули назад, потому что в Лиссабоне свирепствовала чума.

К а т а р и н а. Вот уже неверно: я повернула

назад, потому что узнала, что Камоэнс умер.

Х о з я и н. И поэтому тоже. У вас было две причины повернуть назад.

К а т а р и н а. Причина одна — разве что два оправдания.

Х о з я и н. Это, по-моему, слишком решительное утверждение. Мы ведь общались с поэтами и знаем, что такое нюансы, дона Катарина.

К а т а р и н а. Нюансы — порождение салонов. Поэты, от чьих стихов никому не страшно, только на то и пригодны, чтобы служить темой для салонных бесед.

Х о з я и н. Вы забегаете на три века вперед, дона Катарина. Останемся там, где мы есть!

К а т а р и н а. Но в «Золотом ключе» — только на одну ночь. Я спешу в Лиссабон, чтобы навестить Луиса Вас де Камоэнса.

Х о з я и н. Луиса Вас де Камоэнса.

К а т а р и н а. Это повтор, а мне нужен ответ.

Х о з я и н. Если мне позволено будет внести поправку: вы спешите в Лиссабон, чтобы навестить могилу.

К а т а р и н а. Значит, вы не сознаетесь?

Х о з я и н. В чем мне сознаваться?

К а т а р и н а. А теперь это вопрос, — но опять не ответ.

Х о з я и н. Я не понимаю, к чему вы клоните.

К а т а р и н а. Думаю, что понимаете. Вам тесен воротничок?

Х о з я и н. Перемена погоды. Я ее сразу чувствую. После жизни в тропиках я стал очень чувствителен к погоде. Подагра, знаете ли…

К а т а р и н а. Вы недооцениваете целебные свойства красного вина. Где находится могила, которую я собираюсь навестить?

Х о з я и н. Ну, так уж точно я это тоже не имел в виду.

К а т а р и н а. Точности учатся у поэтов. Не вы ли рассказывали мне, что прожили с ним несколько месяцев под одной крышей? Вы спутали его с одним из его толкователей. Ну, так где же находится могила?

Х о з я и н. Я думал, вам известно, что могилы в собственном смысле слова там нет.

К а т а р и н а. А что же есть?

Х о з я и н. Умершие от чумы были похоронены в общей могиле.

К а т а р и н а. Как убедительно!

Х о з я и н. Даже и в этом мы вынуждены ограничиваться лишь предположениями. Ведь умерло столько народу, а его никто не знал.

К а т а р и н а. Не находите ли вы сами, что все

это, мягко говоря, звучит несколько неопределенно?

Х о з я и н. Настолько определенно, насколько позволяют обстоятельства. Когда я двумя годами позже приехал в Лиссабон, я расспрашивал его слугу.

К а т а р и н а. Его слуга еще жив?

Х о з я и н. Тогда, во всяком случае, был жив.

К а т а р и н а. И что же?

Х о з я и н. Не могу понять, к чему весь этот разговор.

К а т а р и н а. Перемена погоды, подагра. Завтра будет дождь, верно?

Х о з я и н. Все, что я рассказал, я знаю от него, а он знал не больше, чем я рассказал.

К а т а р и н а. Все здесь подозрительно! Каждое слово что-то скрывает. Как зовут слугу, где он живет?

Х о з я и н. Яванец, по имени Охао. Жил тогда в переулке Бао Ора.

К а т а р и н а. И наверняка уже умер. Все свидетельства рассчитаны на такую вот неопределенность.

Х о з я и н. Бывает, что люди переезжают.

К а т а р и н а. Когда людям нечего скрывать, они не переезжают.

Х о з я и н. Вдаваться в нюансы я уже не отваживаюсь.

К а т а р и н а. Все, что вы знаете, исходит от этого слуги. Но еще за два года до того, как вы его расспрашивали, вы сказали мне, что Камоэнс мертв. Откуда вы это знали?

Х о з я и н. Охао лишь подтвердил то, что я уже знал.

К а т а р и н а. Знали — от кого?

Х о з я и н. Почтальон, что каждую неделю бывал в Лиссабоне…

К а т а р и н а. Имя?

Х о з я и н. Мануэль Азеведу.

К а т а р и н а. Адрес?

Х о з я и н. Он умер. Свалился пьяный с козел и…

К а т а р и н а. Умер! Стало быть, ни одного свидетеля. И я, безумная, поверила вам тогда! Потерять десять лет!

Х о з я и н. Дона Катарина, нет ни малейшего основания сомневаться в смерти незабвенного…

К а т а р и н а. Есть все основания. И я не верю также, что вы тогда по небрежности запутали меня. Это было сделано нарочно!

Х о з я и н. Я поражен.

К а т а р и н а. Так вам и надо. Но мне этого

мало.

Х о з я и н. Это уже больше, чем мне позволяет мое достоинство.

К а т а р и н а. Далеко же мы зайдем, если начнем считаться с достоинством жаб.

Х о з я и н. Дона Катарина, вы облегчаете мне разговор. До сих пор я полагал, что обязан кое-что от вас утаить.

К а т а р и н а. Гляди-ка!

Х о з я и н. Я приказал своим слугам, чтобы они не обмолвились об этом ни единым словом. Главное, чтобы имя…

К а т а р и н а. Наконец-то вы сознаетесь!

Х о з я и н. В том, что я назвал свою ослицу Натерцией.

К а т а р и н а. Что вы назвали свою ослицу…

Х о з я и н. Так точно, дона Катарина. Мою ослицу зовут Натерция. Имя необычное, но благодаря великому Камоэнсу вошедшее в обиход. Не кажется ли вам, что оно как нельзя более подходит для обозначения твердолобости?

К а т а р и н а. У вас была на то особая причина!

Х о з я и н. Она мне стала ясна, когда вы заговорили о жабах.

К а т а р и н а. Я вам ее скажу: вы думали о моей глупости, о той глупости, что заставила меня

поверить вам!

Х о з я и н. Гм, как я теперь вижу, здесь возможностей даже больше, чем я предполагал.

К а т а р и н а. Вы все еще запираетесь?

Х о з я и н. В вашем рассуждении есть немалый резон.

К а т а р и н а *(не обращая внимания на издевку в его голосе)*. Вы в заговоре с ними со всеми, и это мешает вам говорить правду. От меня хотят скрыть, что он жив. Ну, сознайтесь же!

Х о з я и н. Каждый второй четверг заговорщики заседают в «Золотом ключе». Председательствует сам Камоэнс. Они обсуждают уставы, разрабатывают новые директивы. Между делом едят и пьют. Вы должны понять меня — мне не хотелось бы лишаться такого источника доходов.

К а т а р и н а. Сначала вы подъезжали ко мне с подобострастной угодливостью, но я вас раскусила. Потом я спровоцировала вас на оскорбления, и из них я тоже сумела узнать крупицу истины. Теперь вы прибегаете к издевкам, но видите — и они не помогли. Вам остается одно: рискнуть наконец признать правду.

Х о з я и н *(со вздохом)*. Вашу правду, дона Катарина. Но в одном отношении я готов вам уступить: своего нового осла я назову Фелипе.

Меня, видите ли, зовут Фелипе. Честное слово, я с вами будто волочусь по кругу и тащу за собой ворот. Но под жерновами не вода и не зерно. Под жерновами камни, дона Катарина, а вы полагаете, что из них можно выжать масло.

К а т а р и н а *(почти умоляюще)*. Вы войдите в мое положение, дон Фелипе!

Х о з я и н *(снова вздохнув)*. Ну хорошо. С какой же целью от вас скрывают, что Камоэнс жив?

К а т а р и н а. Да в том и состоит заговор, что от меня скрывают эту цель!

Х о з я и н *(обессиленно)*. Ага!

К а т а р и н а. Вот видите — вы уже на верном пути.

Х о з я и н. А с какой целью скрывает от вас это сам Камоэнс?

К а т а р и н а. Не знаю, сумеете ли вы понять: именно это и есть главное доказательство того, что заговор существует.

Х о з я и н. Нет, не сумею понять.

К а т а р и н а. Вы все время хотите доказать обратное. Перескочите же наконец через эту черту!

Х о з я и н *(отдуваясь)*. Перескочил. Верите ли, это стоило мне физического напряжения. Будто через пропасть прыгал.

К а т а р и н а. Ну и что?

Х о з я и н. Вот именно — ну и что? Край не из плодородных.

К а т а р и н а. А теперь минутку внимания, дон Фелипе!

Х о з я и н *(со стоном)*. Понимаете ли — перемена погоды…

К а т а р и н а. Нет никаких доказательств того, что Камоэнс умер.

Х о з я и н. Я согласен, что все сведения…

К а т а р и н а. Все сведения — из вторых и третьих рук. Стало быть, ничего не стоят. Никто не видел, как он умирал.

Х о з я и н. Совершенно верно.

К а т а р и н а. Из этого я заключаю, что он жив.

Х о з я и н. Ну, по крайней мере такой вывод нельзя с ходу опровергнуть.

К а т а р и н а. Вот видите!

Х о з я и н. Он и вправду, возможно, был болен настолько, что не мог подать о себе весть.

К а т а р и н а. Как вы сказали, он болен? Видите, видите! В этом все объяснение.

Х о з я и н. Не так поспешно, дона Катарина! С вашими выводами я не успеваю дух перевести. Я ни слова не сказал насчет того, что он болел.

К а т а р и н а. Вы считаете меня еще и глухой?

Х о з я и н. Дона Катарина, я готов согласиться

со всем, что вы скажете. И все-таки мой вам совет: поворачивайте завтра обратно.

К а т а р и н а. Что? Не ехать в Лиссабон?

Х о з я и н. Сегодня то же, что и десять лет назад, дона Катарина. В Лиссабоне опять чума, она опередила вас.

К а т а р и н а. На этот раз вы меня не застращаете вашей чумой. *(Хохочет.)* Чума! Опасная болезнь, верно? Прекрасная болезнь, когда надо кого-то сбить с пути! Болезнь, от которой уже умер Камоэнс! Чума, дон Фелипе, — это выдумка. Никакой чумы нет — ни в Лиссабоне, ни где бы то ни было еще. И никогда ее не было! Не тратьте усилий понапрасну — меня вы уже не проведете! *(Хохочет все громче.)* Чума, чума…

В коридоре.

Р о з и т а. Чума, Педро, чума!

П е д р о. Я слышал, Розита. Оторвись теперь от скважины!

Р о з и т а. Надо отговорить ее, Педро!

П е д р о. Она ничего не подозревает. Опасности нет.

Р о з и т а. Опасности нет?

П е д р о. Войди и скажи ей, что бриллианты я спрятал под козлами. Ее доверие ко мне только

возрастет.

Р о з и т а. Но те сотни, тысячи людей, что умерли от чумы?

П е д р о. А ты подумай, сколько сотен, тысяч людей не умерли от чумы!

Р о з и т а. Будь благоразумен, Педро!

П е д р о. Будь благоразумна, Розита!

Р о з и т а. Мы должны повернуть назад.

П е д р о. Скажи это доне Катарине.

Р о з и т а. Даже если она не захочет.

П е д р о. Мы поедем в Лиссабон, даже если она не захочет. Это решено.

Р о з и т а. Но если так все обернулось…

П е д р о. Я не рак, чтобы пятиться назад.

Р о з и т а. Бывают же ошибочные решения.

П е д р о. Ну, хватит! С меня довольно и мысли о том, что мне придется всю ночь провести, сидя в повозке.

Р о з и т а. Какая глупая предосторожность!

П е д р о. Ну что ж — меня тяготят заботы о червонцах. Это отрадно, как это ни безотрадно. А чума…

Р о з и т а. В Лиссабоне, я уверена, ты будешь очень внимательно следить за кончиками пальцев.

П е д р о. Чума — это выдумка владельцев

постоялых дворов, как верно заметила дона Катарина. Вообще ее аргументы лучше твоих.

Р о з и т а. И за меня ты тоже не боишься?

П е д р о. Каждый боится первым делом за себя. Отсюда ты можешь судить, насколько я во всем уверен.

Р о з и т а. Очень жаль.

П е д р о. Что я не называл тебя Натерцией, тебе тоже было очень жаль. Ну не ослица ли ты у меня? Мне и так предстоит невеселая ночь, а ты омрачаешь мне еще и день! Подумай о нашем будущем, о нашем достатке.

Р о з и т а. Я все время об этом думаю, и все время мне сразу вспоминается горе доны Катарины.

П е д р о. Совершенно верно. Одно следует из другого. Но не забывай, что у нее есть красное вино и неисчерпаемый запас снов.

Р о з и т а. Не думаю, чтобы сны ее были приятны. Ты ведь знаешь, как часто она кричит по ночам, как часто будит меня.

П е д р о. И как часто посылает тебя за мной! Черт ее побери, если она и эту ночь не оставит нас в покое!

Спальня доны Катарины в «Золотом ключе».

К а т а р и н а. Розита! Розита! Ну и дрыхнут

эти девчонки! Не диво, что в голове у них ветер свистит! Розита!

Р о з и т а. Вы звали, дона Катарина?

К а т а р и н а. Ты забыла открыть окно.

Р о з и т а. Оно открыто, дона Катарина.

К а т а р и н а. Почему я не слышу прибоя?

Р о з и т а. Потому что мы не в Сетубале.

К а т а р и н а. Это, собственно говоря, не причина, однако…

Р о з и т а. Однако?

К а т а р и н а. Мой пеньюар. И помоги мне встать.

Р о з и т а. Сейчас уже около трех.

К а т а р и н а. Самое время!

Р о з и т а. Для чего?

К а т а р и н а. Для воров. Ты не знала? Мы на цыпочках прокрадемся из дома… Пошли!

Скрип открываемой двери.

Р о з и т а. Куда мы пойдем, дона Катарина? Посреди ночи?

К а т а р и н а. Ты боишься?

Р о з и т а. А вдруг в доме есть собаки?

К а т а р и н а. Дверь во двор наверняка не заперта. Как ты думаешь?

Р о з и т а. Вы хотите выйти во двор, дона Ка-

тарина?

К а т а р и н а. Подышать свежим воздухом.

Отворяет дверь во двор.

Звезды, луна. Как освещены наши повозки. Они стоят прямо как на ладошке — залезай кому не лень.

Р о з и т а. Вы думаете, что… вы давеча говорили о ворах… Педро тоже думал, что было бы неосторожно…

К а т а р и н а. Он тоже так подумал? Да, что бы мы делали без Педро! Значит, это он и сидит там в повозке?

Р о з и т а. Да.

К а т а р и н а. А я думала — воры.

Р о з и т а. Нет, это Педро.

К а т а р и н а. Может, попробуем украсть что-нибудь? По-моему, он не заметит. Он храпит.

Р о з и т а. Украсть что-нибудь?

К а т а р и н а. Жемчужное ожерелье, парчовое платье, кошелек с дукатами — можно вытащить из-под сиденья целое состояние, он и не заметит.

Р о з и т а. Жалко, что под сиденьем не лежит целое состояние.

К а т а р и н а. Да, ты права, игра не стоит свеч. К тому же у меня тут более важное дело.

Р о з и т а. Что может быть важного на этом дворе в три часа ночи?

К а т а р и н а. Визит, моя девочка.

Р о з и т а. Вы правы: самое время.

К а т а р и н а. Я вдруг проснулась в холодном поту от мысли, что позабыла все приличия. Разве не полагается первым делом нанести визит своей тезке?

Р о з и т а *(хихикает).* Вы, право, уж слишком блюдете форму, дона Катарина.

К а т а р и н а. Не смейся, глупое создание. Чтобы Натерция чувствовала себя обиженной — это исключено.

Р о з и т а. Натерция?

К а т а р и н а. Где дверь в хлев?

Р о з и т а. А вы бы ведь тоже могли почувствовать себя обиженной?

К а т а р и н а. Разве я не Натерция?

Р о з и т а. Ой, сколько вопросов сразу! По-моему, это вот здесь.

Открывает дверь в хлев, та издает легкий скрип.

К а т а р и н а. Что там?

Р о з и т а. Кажется, куры. Подождите немного, пока глаза не пообвыкнут.

К а т а р и н а. Дальше.

Р о з и т а. Мешки с овсом.

К а т а р и н а. Похоже, что мы у цели. *(Прислушивается.)* Слышишь, Розита?

Р о з и т а. Что-то шевелится в закуте. Может быть, это наши лошади?

К а т а р и н а. Или ослица дона Фелипе. *(Зовет вполголоса.)* Натерция!

Р о з и т а *(тоже вполголоса)*. Натерция!

К а т а р и н а. Натерция!

Р о з и т а. Слышите стук в закуте?

К а т а р и н а. Натерция!

Раздается пронзительный ослиный рев.

Этого достаточно, Розита. Пошли!

Р о з и т а. Господи, как эта скотина меня напугала.

Запирает дверь.

К а т а р и н а. И все же то был недвусмысленный ответ.

Р о з и т а. Вы побледнели, дона Катарина.

К а т а р и н а. Это луна, Розита.

Р о з и т а. И дрожите вся.

К а т а р и н а. Ночи стали свежей.

Р о з и т а. Да.

К а т а р и н а. Надеюсь, мы не разбудили нашего друга Педро.

Р о з и т а. Да и разбудили бы — не велика беда.

К а т а р и н а. Розита, о чем ты подумала, когда закричал осел?

Р о з и т а. Ни о чем. Я испугалась.

К а т а р и н а. Я тоже ни о чем не подумала. Я тоже испугалась.

Р о з и т а. Пойдем спать.

К а т а р и н а. Но, когда я услышала этот крик, я вдруг поняла, что нам всем суждено умереть.

Р о з и т а *(сдавленным голосом)*. Известное дело.

К а т а р и н а. Нет, я осознала это только сейчас.

Р о з и т а. Конечно, всем нам придется умереть.

К а т а р и н а. Да, и тому, в повозке, тоже.

Пауза. Потом раздается скрип колес, топот лошадей, щелканье бича. Звуки удаляются.

О х а о. Было примерно часов шесть утра. Я пошел в гавань — за рыбой.

К а т а р и н а. *Ты!* А я хочу знать, что делал *он!* 10 июня 1580 года — ты знаешь, какой день я имею в виду.

О х а о. Рыба — тоже важное дело. Разве вы никогда не обедаете, сеньора?

К а т а р и н а. Мы остановились на шести часах утра.

О х а о. Это я уже сказал. А в тот день об этом сказал колокольный звон.

К а т а р и н а. Колокола звонят не только в шесть.

О х а о. Это верно. Шумная у вас религия — хотя я в нее и перешел. Колокола, канонады. Я ведь с Явы, дона Катарина.

К а т а р и н а. Во-первых, ты никудышный христианин. Во-вторых, если мы начнем с Явы, мы никогда не кончим. Что сказал дон Луис, когда ты уходил?

О х а о. Ничего он не сказал.

К а т а р и н а. Он еще спал?

О х а о. Он не спал, но и не просыпался.

К а т а р и н а. Розита, вот перед тобой человек, который умеет отвечать еще хуже, чем ты.

Р о з и т а. Значит, дону Луису во многом выпала такая же судьба, что и вам, дона Катарина.

К а т а р и н а. Что с тобой, Розита? Эти девчонки! Дня не провела в столице — и уже трещит, как сорока. Итак, чего не сказал дон Луис?

О х а о. Он стонал. Я заварил ему чай из листьев

магнолии.

Р о з и т а. Из листьев?..

О х а о. ...магнолии. Яванский рецепт.

Р о з и т а. Уж наверняка он не пошел ему впрок. Где эта твоя Ява?

О х а о. О, это такая страна... Пальмы, запахи корицы...

К а т а р и н а. Стой, стой! Вернемся к дону Луису.

О х а о. Я служил у него десять лет. Я лежал с ним на корабельных досках, когда от парусов оставались одни клочья. На приемах я держался поодаль, в тюрьмах был с ним рядом. Я стирал его платье, чистил его сапоги, я...

К а т а р и н а. А что ты делал в тот день?

О х а о. Когда он попил немного — ему было трудно глотать, — я поставил кружку около соломы.

Р о з и т а. Соломы?

О х а о. Соломы, на которой он лежал.

Р о з и т а. Яванский обычай?

О х а о. Не чисто яванский. Он распространен везде, где есть нищета и солома.

К а т а р и н а. Нищета?

О х а о. Нищета пришла сама собой. Солому я украл из королевских стойл, магнолии нарвал на

берегу, рыбу обычно клянчил в гавани.

К а т а р и н а. Что я ела 10 июня 1580 года?

Р о з и т а. Меня у вас тогда еще не было.

К а т а р и н а. Как великолепно! Я, стало быть, могу сказать, что постилась…

О х а о. Мне нужно было выходить в шесть утра, это самое благоприятное время. Тогда, если повезет, я мог встретить одного торговца, он ценил стихи дона Луиса. Жаль только, что уж больно был скуп.

К а т а р и н а. А дон Луис оставался один?

О х а о. Жильцы дома иногда заглядывали к нему, когда спускались в погреб. Мы жили тогда в каморке под лестницей, что вела в погреб. Когда я уходил…

К а т а р и н а. В шесть. Дон Луис на соломе.

О х а о. …он был уже совсем коричневый.

К а т а р и н а. Коричневый?

О х а о. Аж темно-коричневый. Это чума.

К а т а р и н а. А ты?

О х а о. Я перенес ее на Яве.

Р о з и т а. Значит, есть люди, которые от нее не умирают?

О х а о. Такое бывает — хоть и редко. Может быть, судьба просто сберегла меня, чтобы я мог сейчас отвечать на ваши вопросы.

К а т а р и н а. Запомним, что такое бывает.

О х а о. В тот день мне повезло. Я выклянчил две рыбьи головы. Думал — может быть, дон Луис хоть немножко поест.

К а т а р и н а. И он поел?

О х а о. Он умер, прежде чем я их сварил.

К а т а р и н а. Стоп! Не гони так! Ты вернулся…

О х а о. Он уже едва дышал.

К а т а р и н а. Он пил твой чай?

О х а о. Я думаю, он был для этого слишком слаб. Я смочил ему губы.

К а т а р и н а. И поставил рыбу вариться?

О х а о. Я понял, что сейчас не время возиться с рыбой. Я сел к дону Луису.

К а т а р и н а. И… когда?..

О х а о. Прошло с час.

К а т а р и н а. Это было?..

О х а о. Примерно около девяти я вернулся из гавани. Значит, незадолго до десяти. Я закрыл ему глаза, а вскоре после этого зазвонил колокол. Потом я услышал трещотку. Повозка проезжала неподалеку. Я выбежал и позвал грузчиков. Они погрузили его на телегу.

К а т а р и н а. Ко всем остальным?

О х а о. Ко всем остальным.

К а т а р и н а. Куда поехала повозка?

О х а о. Дальше я ничего не помню. Меня вырвало, и я потащился в погреб. Проспал там до самого вечера.

К а т а р и н а. Как? Ты не видел, где похоронили дона Луиса?

О х а о. Нет. Но умер он у меня на руках.

К а т а р и н а. Это я уже слышала. Но самое странное, однако, что он вовсе не умер.

О х а о. То есть как?

К а т а р и н а. Да, да, ты не ослышался. Дон Луис де Камоэнс жив. Но как это возможно, если, как ты говоришь, он умер у тебя на руках? Или, может быть, ты ошибся?

О х а о *(ошеломленно)*. Ошибся? Но где же дон Луис? Почему он не приходит?

К а т а р и н а. Может быть, ты ошибся?

О х а о. Если он жив, стало быть, я ошибся. Но ему надо было бы прийти.

К а т а р и н а. Он придет, когда мы выясним всю правду.

О х а о. Я был не так упрям. Я поехал за ним в Португалию. Чужая страна, мягко говоря, и я не думаю, что она ближе к правде, чем Ява. Почему он скрывается от меня?

К а т а р и н а. Вот именно — почему?

О х а о *(задумчиво)*. Если он еще жив, то он,

стало быть, либо у вас…

К а т а р и н а. Либо?

О х а о. Либо у своей матери.

К а т а р и н а. У своей матери?

О х а о. Но странно, что она скрыла это от меня. В нашем квартале мало что остается скрытым.

К а т а р и н а. Так она живет в этом же квартале? Я не знала, что она еще жива.

О х а о. Ей восемьдесят, а может быть, и девяносто.

К а т а р и н а. Но, если он умер у тебя на руках, как же ты можешь предполагать, что он у матери?

О х а о. Это вы сказали, что он жив.

К а т а р и н а. Стало быть, ты ошибся? Сознайся!

О х а о. Нелегко отказаться от слов, которые ты твердил десять лет подряд. Но уж ради дона Луиса!

К а т а р и н а. Сознаться в своей ошибке — это только делает человеку честь.

О х а о. А делает ли человеку честь, что он сознается во лжи?

К а т а р и н а. Во лжи?

О х а о. Дон Луис меня простит. Потому что, если уж совсем точно говорить, он не умер у

меня на руках. Он еще был жив, когда я уходил в гавань, — это уж наверняка.

К а т а р и н а. А когда ты вернулся?

О х а о. Когда вернулся? Я должен добавить, что я… немного припозднился.

К а т а р и н а. Немного? Когда же ты вернулся?

О х а о. Я встретил одну девушку, и мы вместе с ней съели рыбу. Наверное, это было сразу после полудня.

К а т а р и н а. Стало быть, не совсем к вечеру.

О х а о. Да нет, должен признаться, что уже темнело.

К а т а р и н а. И, когда ты вернулся, он был мертв?

О х а о. Он не был ни живым и ни мертвым. Он исчез.

К а т а р и н а. Исчез? Ушел?

О х а о. Люди сказали, что он умер около полудня и его забрала повозка. Но ведь возможно…

К а т а р и н а. Что возможно?

О х а о. Сами понимаете — людям не очень-то приятно, что у них в доме лежит чумной. Вот и возможно, стало быть…

К а т а р и н а. Что его еще живого…

О х а о. Это только возможность, и меня навели на мысль о ней ваши же слова.

Р о з и т а. Еще несколько вопросов, и вы воскресите его к жизни, дона Катарина.

К а т а р и н а. Теперь — к его матери. Веди нас, Охао!

Пауза.

Другое помещение.

М а т ь. Дона Катарина де Атаиде. Знаю, знаю. Вы не принесли моему сыну счастья.

К а т а р и н а. Это он так говорит? А я думала…

М а т ь. Это я так говорю. Но молодежь уж если вобьет себе что в голову, то куда там… Особа с причудами! Рыжие волосы — так ведь?

К а т а р и н а. Белокурые…

О х а о. Куда ведет эта дверь, дона Антония?

М а т ь. Да куда ей вести, дурак! В преисподнюю, а по-нашему — в погреб.

О х а о. Почему вы говорите — в преисподнюю?

К а т а р и н а. Да, это подозрительно.

О х а о. Он там, за этой дверью, — ведь верно, дона Антония?

М а т ь. Конечно, за этой дверью. Где же ему еще быть?

О х а о. Нашли!

Р о з и т а. Дона Антония имеет в виду погреб.

М а т ь. О чем вы там болтаете? Говорите гром-

че!

К а т а р и н а. Скажите, дона Антония, дон Луис приходит к вам каждый день?

М а т ь. Каждый день.

К а т а р и н а. Он живет с вами?

М а т ь. Как будто живет… Вроде как все еще жив. Мы обо всем с ним толкуем. Он рассказал мне, что из-за вас ему пришлось покинуть двор. Как это вы попали ко двору?

Р о з и т а. Дона Катарина была придворной дамой ее величества королевы.

М а т ь *(нежно)*. Вот шалопай этот Луис! А потом еще стихи начал писать…

Р о з и т а. Он уже и тогда писал. Натерция…

К а т а р и н а. Придержи язык! *(Матери.)* Я бы тоже очень хотела поговорить с доном Луисом.

М а т ь. А потом дуэль у него была — все из-за вас. Вы всему виною. Индия, Китай, Мадагаскар, пуля в левый глаз, тюрьма, изгнание — все ваша вина! Эх, глаза бы мне получше — поглядела бы я на эту рыжую девчонку, что так его доконала. Подойди поближе, дочь моя!

К а т а р и н а *(запинаясь)*. Я тоже страдала. Се-тубал… двадцать семь лет…

М а т ь. Да, теперь я могу себе представить. Эти смазливые мордашки — когда ты молод…

К а т а р и н а. Да? Вы видите меня такой, какой видел он?

М а т ь. Да, я вижу тебя такой, какой видел он.

К а т а р и н а. Не правда ли — он жив?

М а т ь. Он жив во веки веков, дочь моя.

О х а о. Дона Катарина! Он за этой дверью!

М а т ь. Куда вы? Там темно, хоть глаз выколи. Не собрались ли вы пересчитать мои кочаны?

О х а о и д о н а К а т а р и н а спускаются в погреб.

А теперь говори ты! Ты из вас троих вроде бы самая разумная.

Р о з и т а. Я камеристка доны Катарины.

М а т ь. Что им надо в моем погребе?

Р о з и т а. Они ищут дона Луиса.

М а т ь *(радостно)*. Он и в самом деле в погребе!

Р о з и т а. Значит, дона Катарина все-таки была права!

М а т ь. Но они его не найдут.

Р о з и т а. Это и вправду он? Он прячется от нее?

М а т ь. Он не прячется. Но если они не увидели его здесь, наверху, то не увидят и там, внизу.

Р о з и т а. А он был здесь, наверху?

М а т ь. Конечно. Разве он не говорил с вами?

Р о з и т а. Я не слыхала.

М а т ь. Он же сидел рядом со мной, на табурете.

Р о з и т а. А-а…

М а т ь. Правда, он в то же время сидел не на табурете, а на скамейке.

Р о з и т а. И в то же время был в погребе.

М а т ь. Ну вот, наконец-то ты поняла.

Р о з и т а *(нетерпеливо)*. Хотела бы я знать, что там моя бедная госпожа…

М а т ь. Она его увидит, не тревожься.

О х а о и д о н а К а т а р и н а возвращаются.

(Весело.) Ну что?

К а т а р и н а. Там так темно…

М а т ь. А что я говорила?

О х а о. Но достаточно света, чтобы видеть…

Р о з и т а. Что видеть?

М а т ь. Может быть, моего сына? Он там, внизу?

О х а о. Никого там нет. Дона Катарина, зачем я сознавался в своей лжи?

К а т а р и н а. Там было так темно, что я впервые поняла, что такое тьма.

М а т ь. Это хорошо!

К а т а р и н а. Идем, Розита! Старуха издевается надо мной, и я знаю почему.

М а т ь. Так как я не издеваюсь, доченька, ты и не можешь знать почему.

К а т а р и н а. Я для него слишком стара и некрасива. В погребе есть дверь, которая ведет наружу. Он от меня бежит. Он прячется от меня. Теперь мне все ясно, Розита. Он сам — душа этого заговора. Он сам подсунул мне весть о своей смерти, он сам!

Р о з и т а. Он сам?

К а т а р и н а. Идем, Розита!

Во дворце.

Г о ф м а р ш а л. Дона Катарина де Атаиде.

К а т а р и н а. Иду.

Г о ф м а р ш а л. Его величество сожалеет, что не может вас принять.

К а т а р и н а. Но я по важному делу.

Г о ф м а р ш а л. О, разумеется, — иначе бы вы не пришли к королю.

К а т а р и н а. Так оно и есть.

Г о ф м а р ш а л. Его величество сожалеет.

К а т а р и н а. Я слышала. Может быть, завтра?

Г о ф м а р ш а л. Попытайтесь завтра.

Пауза. Смена акустики.

К а т а р и н а. Дона Катарина де Атаиде просит аудиенции.

Г о ф м а р ш а л. Его величество сожалеет.

К а т а р и н а. Я спрашивала уже вчера. Его величество, вероятно, забыл, что моя семья принадлежит к первым семьям королевства.

Г о ф м а р ш а л. Его величество не забыл, однако сожалеет…

К а т а р и н а. Я уже слышала.

Г о ф м а р ш а л. Может быть, завтра…

К а т а р и н а. Речь идет о моем изгнании.

Г о ф м а р ш а л. Понимаю.

К а т а р и н а. Прошло тридцать лет. Мне было запрещено возвращаться в Лиссабон.

Г о ф м а р ш а л. Но теперь вы вернулись.

К а т а р и н а. Чтобы просить короля…

Г о ф м а р ш а л. Вы правильно сделали, что вернулись, и могли бы сделать это уже двадцать лет назад.

К а т а р и н а. Мне об этом никто не сказал.

Г о ф м а р ш а л. Потому что о вашем изгнании, дона Катарина, давно забыли.

К а т а р и н а. Я, к несчастью, о нем не забыла. Слово короля я считала королевским.

Г о ф м а р ш а л. Разве я утверждал что-либо иное?

К а т а р и н а. Да.

Г о ф м а р ш а л. Чистое недоразумение, дона Катарина. Но, как бы там ни было, положитесь на меня. Король отменит приказ о вашем изгнании.

К а т а р и н а. Вы забыли, что я сама его отменила.

Г о ф м а р ш а л. Но ведь вы хотели…

К а т а р и н а. Речь идет о другой просьбе.

Г о ф м а р ш а л. Может быть, я… Король ко мне прислушивается.

К а т а р и н а. Вы?.. *(Нерешительно.)* Речь идет…

Г о ф м а р ш а л *(ободряющим тоном)*. Да?

К а т а р и н а. Когда тридцать лет назад меня сослали, я была еще молода.

Г о ф м а р ш а л. Если это вас утешит, дона Катарина: за эти тридцать лет мы все постарели на тридцать лет.

К а т а р и н а. Это меня не утешит. Ибо я была не только молода, я была и красива.

Г о ф м а р ш а л. Дона Катарина, я вижу это и сейчас.

К а т а р и н а. Но дон Луис Вас де Камоэнс этого не видит.

Г о ф м а р ш а л. Камоэнс? Поэт?

К а т а р и н а. Он избегает встречаться со

мной.

Г о ф м а р ш а л. Я полагал, что он умер?

К а т а р и н а. Все слухи! Я-то знаю, в чем истина!

Г о ф м а р ш а л. Ну, возможно. Я лично мало интересуюсь поэзией. Я коллекционирую бабочек.

К а т а р и н а. И вот я хотела просить короля, — уж коль скоро он меня сослал и отнял у меня тридцать лет жизни… Это ведь все было по его приказу, понимаете?

Г о ф м а р ш а л. Понимаю…

К а т а р и н а. Я хотела просить его вернуть мне мою красоту.

Г о ф м а р ш а л. Вернуть вашу красоту?

К а т а р и н а. Да.

Г о ф м а р ш а л *(задумчиво)*. Красоту… Это, конечно, такой вопрос, который может разрешить только сам король.

К а т а р и н а. Разумеется! Потому я и подумала об аудиенции.

Г о ф м а р ш а л. Я посмотрю.

К а т а р и н а. Может быть, завтра?

Г о ф м а р ш а л. Попытайтесь завтра.

Пауза. Смена акустики.

К а т а р и н а. Дона Катарина де Атаиде просила его величество об аудиенции, но я полагаю, что его величество и сегодня сожалеет…

Г о ф м а р ш а л. О нет, дона Катарина.

К а т а р и н а. Как — я смогу увидеть короля?

Г о ф м а р ш а л. Прошу вас, дона Катарина, следовать за мной. Я проведу вас в тронный зал.

Они проходят через двери, по переходам и лестницам.

К а т а р и н а. Все перестроили. Одна бы я тут наверняка заблудилась. Или все это было слишком давно…

Г о ф м а р ш а л. Наверное, все это было слишком давно.

Останавливаются.

Тронный зал, дона Катарина. *(Распахивает двери.)*

К а т а р и н а. Но…

Г о ф м а р ш а л. Что «но», дона Катарина?

К а т а р и н а. Это не трон… Это гроб!

Г о ф м а р ш а л. Его величество король умер сегодня утром от чумы.

Снаружи врывается звон колоколов.

Звон колоколов все громче. Перед замком.

Р о з и т а. Дона Катарина! Вы говорили с королем?

К а т а р и н а. Он был очень милостив, Розита. Где Педро, где повозка?

Р о з и т а. Я рада, что вы поговорили с королем. Дело в том…

К а т а р и н а. Ну что?

Р о з и т а. Я хочу сказать — тогда все, может быть, не так ужасно.

К а т а р и н а. Не так ужасно?

Р о з и т а. Дона Катарина, дело в том, что повозки больше нет… и Педро больше нет.

К а т а р и н а. Но ты-то ведь есть.

Р о з и т а. Да, я-то есть.

К а т а р и н а. Нам придется идти пешком.

Р о з и т а. Да.

К а т а р и н а. Я очень рада, что ты со мной, Розита. Не думай ни о чем! Ведь если мы захотим вернуться назад, в Сетубал, то очень хорошо, что не надо будет заботиться о скарбе.

Р о з и т а. Если вы так на это смотрите, дона Катарина…

К а т а р и н а. Да, я смотрю на это так.

Пауза.

Открытая местность. На корабельном пароме.

К а т а р и н а. Прощай, Лиссабон, холм над Тахо!

Р о з и т а. Хороший день для переправы — паруса наполнены ветром.

К а т а р и н а. И играют дельфины. Так хочется связать погоду с разлукой. Прощай, Лиссабон!

Р о з и т а. Небо такое голубое!

К а т а р и н а. Голубое или серое — любой цвет лишь усугубляет боль. Я поняла, Розита: сама погода — это тоже разлука. Почему ты не машешь?

Р о з и т а. Кому же махать?

К а т а р и н а. Небу, дельфинам, детям на берегу. Но ты не машешь, потому что прячешь руки.

Р о з и т а. Прячу руки?

К а т а р и н а. Король лежал на катафалке, и лицо его было черно. Не думаю, чтобы его положили в соборе. Но я имела в виду не короля, а тебя. Я заметила, что ты тайком поглядываешь на кончики пальцев.

Р о з и т а. Вы ошибаетесь, дона Катарина. Я и не гляжу на пальцы. Я не боюсь.

К а т а р и н а. И правильно. Я слыхала, на этот раз умерло меньше людей, чем десять лет назад.

Р о з и т а. Да. На этот раз было не так ужасно.

К а т а р и н а. А ну покажи свои руки!

Р о з и т а. Вот! Совсем белые.

К а т а р и н а. И вправду, совсем белые. Непостижимо.

Р о з и т а. А вы ожидали другого?

К а т а р и н а. Нет.

Р о з и т а *(смеясь)*. А ваши руки, дона Катарина?

К а т а р и н а. Тихо! А то еще матросы вышвырнут меня за борт, перед самым берегом.

Р о з и т а. Почему?

К а т а р и н а. Не довольно тебе, что я их не показываю, Розита? *(После паузы.)* Но поверь мне — я заметила это только на корабле. Я бы не стала просить тебя ехать со мной.

Р о з и т а. Да ничего, дона Катарина.

К а т а р и н а. Возвращайся назад, на этом же корабле!

Р о з и т а. А куда?

К а т а р и н а. К Педро. Для меня будет утешением знать, что ты пристроена.

Р о з и т а. Для меня это не будет утешением. Дона Катарина, я не боюсь чумы, с тех пор как знаю, что она есть.

К а т а р и н а. Это ты должна будешь при случае мне повторить. Я думаю, это фраза, с которой

для меня начинается мир. Как-никак, а это королевская чума — я коснулась пурпура на гробе.

Р о з и т а. Тогда я уже по чисто сословным причинам могу рассчитывать на то, что меня она не тронет.

К а т а р и н а. И все-таки я приказываю тебе не приближаться ко мне больше чем на три шага. Кто знает, сколь широко еще распространено чувство аристократизма.

Звонит корабельный колокол. Звук выключается.

В «Золотом ключе».

Х о з я и н. Жена, жена!

Ж е н а. Не кричи так громко. Я не сплю, так же как и ты.

Х о з я и н. А ведь у тебя это не от погоды. Так отчего же?

Ж е н а. Луна — она так ярко светит в комнату. Или эти собаки вдали. Скот шевелится в стойлах, звенит уздечками… А ты почему не спишь?

Х о з я и н. Да вот все думал: «Золотой ключ» хиреет на глазах. Уже и выгоды никакой нет его держать.

Ж е н а. Скоро белая штукатурка проступит из-под черной. Тоже преимущество.

Х о з я и н. А еще я думал: что я скажу, когда спросят меня на Страшном суде. И похвалиться нечем.

Ж е н а. Ну, до этого еще дожить надо. Да и спросят тебя не сразу в лоб о «Золотом ключе». Там ведь что постоялый двор, что кухонное корыто, что королевский скипетр — всему одна цена.

Х о з я и н. Знаю, знаю. Да и не в ценах дело.

Ж е н а. А в чем же?

Х о з я и н. В подагре моей. Знаешь, жена, я теперь уже предчувствую не погоду, а херувимов с мечами.

Ж е н а. Ну перестань, перестань, Фелипе. Вот что значит водиться с поэтами.

Х о з я и н. Слышишь? Слышишь?

Ж е н а. Уж не судная ли труба?

Х о з я и н. Хлопнули в ладоши. Тихо!

Ж е н а. В самом деле — я тоже слышу.

Х о з я и н. Давай встанем и зажжем свет. Я знал, я ждал — именно этой ночью.

Ж е н а. Любишь ты драматические эффекты, Фелипе. Кого ты ждал?

Х о з я и н. Подагру. И, может быть, поздних гостей.

Ж е н а. А не открыть ли просто окно?

Х о з я и н. Хорошая мысль. *(Открывает окно и*

кричит во двор.) Эй, кто там?

Р о з и т а *(снаружи)*. Дон Фелипе! Хозяин!

Х о з я и н. А! Одну минутку! Я сейчас спущусь. А где повозка?

Р о з и т а. Мы пришли пешком.

Ж е н а. Дамы — и пешком! Ты слышишь?

Р о з и т а. Дона Катарина изранила себе все ноги и не может больше идти.

Х о з я и н. Значит, ей нужно в постель.

Ж е н а. Оно и пора. Уже давно за полночь.

Р о з и т а. Нам надо спешить, хозяин, спешить в Сетубал. Прибой ждет дону Катарину.

Х о з я и н. Прибой и завтра никуда не уйдет. *(В комнату.)* Я только укрепляюсь в своих мыслях. Это ночь подагры. *(Громко в окно.)* Как там чума в Лиссабоне?

Р о з и т а. Умер король.

Х о з я и н. Вот оно что.

К а т а р и н а. Глупости, Розита! Скажи ему правду!

Х о з я и н. Это вы, дона Катарина?

К а т а р и н а. Камоэнс умер от чумы десять лет назад.

Х о з я и н. О! Вы уверены?

К а т а р и н а. Совершенно уверена.

Р о з и т а. Дона Катарина не привыкла ходить

пешком. Если бы вы смогли дать нам осла! Ради милосердного господа!

Ж е н а. Скажи — не ради милосердного господа, а ради португальских дукатов! *(Про себя.)* Король умер. По-моему, он был дурак дураком. А кто наследник?

Х о з я и н. Он бездетный был.

Ж е н а. На него и похоже.

Х о з я и н. Как и мы.

Ж е н а. Так что будем делать с ослом?

Х о з я и н. Гм.

Ж е н а. Оседлай им Натерцию. Мы на этом разоримся, но, может, тебе полегчает с твоей подагрой.

Слышен скрип отворяемой двери.

Р о з и т а *(снизу)*. Вы слышите, дон Фелипе?

Ж е н а *(кричит вниз)*. Он пошел в стойло. Подождите минутку!

Открытая местность.

Р о з и т а. Все устроится, дона Катарина.

К а т а р и н а. Об этом нам уже сказано нашей религией. Можешь не повторять. Или — для такого особого случая скажи: «Все уже устроилось».

Р о з и т а. Уже?

К а т а р и н а. Луна светит достаточно ярко, чтобы я могла увидеть, как ты растекаешься от сочувствия. И глупо делаешь. Прости, Розита, что я тебе это говорю.

Р о з и т а. Да говорите, говорите все!

К а т а р и н а. А кто это сможет? Ты всегда была склонна к преувеличениям, дитя мое. Нет, все много проще: с тех пор как я заразилась чумой, я знаю, что чума есть. А раз есть чума, есть и все остальное.

Р о з и т а. Остальное?

К а т а р и н а. Не прикидывайся, что ты меня не понимаешь! Ты понимаешь больше, чем сама подозреваешь. Не ты ли сказала: я не боюсь чумы, с тех пор как знаю, что она есть.

Р о з и т а. Сказала.

К а т а р и н а. Раз это правда, что Камоэнс умер, значит, правда и то, что он позвал меня. Его любовь — вот единственная правда, и чума мне вернула ее. Какой прекрасный круг — достойный кругов луны и солнца! Посмотри на меня, Розита: чума возвратила мне юность. Да будет благословен король.

Р о з и т а. Да, дона Катарина.

К а т а р и н а. Если осел хорош, мы к рассвету будем в Сетубале. А прибой, кстати, слышен уже

и раньше.

Р о з и т а. Много раньше.

Открывается дверь стойла.

Х о з я и н. Ну, пошла, Натерция!

Р о з и т а. Не подходите ближе, дон Фелипе!

Х о з я и н. Я ведь вам говорил, дона Катарина, что в Лиссабоне чума.

К а т а р и н а. Благодарю, дон Фелипе, благодарю.

Р о з и т а. Иди сюда, Натерция!

Х о з я и н. Слева бурдюк с вином, справа хлеб, овечий сыр и финики.

Осел трогает легкой рысцой.

Счастливо добраться до дома.

К а т а р и н а. Благодарю, дон Фелипе, благодарю.

Стук ослиных копыт постепенно замирает.

Перевел А. Карельский.

Вольфганг Хильдесхаймер
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ЕЛЕНЫ

«Елене» в каждой женщине посвящается

Голоса

Елена
Менелай
Гермиона
Парис

Е л е н а. Добрый вечер! Смею предположить, что о Троянской войне слышали все. И все знают — или думают, что знают, — как эта война началась: богини Гера, Афина и Афродита поспорили, кто из них самая красивая. Рассудить их они призвали троянского принца Париса, пасшего в то время свиней в горах. Парис решил в пользу Афродиты, богини любви, посулившей ему самую красивую женщину среди смертных. А этой самой красивой женщиной была я, Елена, супруга царя Менелая. Афродита доставила Париса в Спарту и помогла ему похитить меня. Тогда

Менелай созвал греческих вождей, поклявшихся стоять друг за друга на поле брани, и они все вместе выступили против Трои: десятилетняя война началась. Но эта версия ложна, как все исторические истины. Неверно сваливать на богов ответственность за все, что происходит с людьми. Неверно думать, что мы — лишь куклы в их руках и поэтому ни в чем не виновны. Напротив, мы все виновны — я, правда, меньше других. Впрочем, лучше я расскажу обо всем по порядку и предоставлю потомкам своим измерить долю моей вины. Для начала познакомлю вас с моим мужем Менелаем. Вот он говорит, обращаясь к народу.

М е н е л а й. Мужи Спарты! Все вы знаете, какая великая миссия досталась нам, грекам, особенно же нам, спартанцам: боги сподобили нас принести цивилизацию в мир и властвовать в цивилизованном мире!

Е л е н а. Глупости, разумеется. О такой миссии никогда не слыхивал и не задумывался ни один спартанец.

М е н е л а й. Любой из вас может внести свой вклад в осуществление этой величественной задачи, дабы благодарные потомки могли сказать: Спарта — вот истинная колыбель культуры!

Е л е н а. Как будто простому спартанцу не наплевать на культуру и ее колыбель!

М е н е л а й. Но, чтобы осуществить эту общую — нашу, правителей, и вашу, народа, — цель, мы должны раз навсегда разделаться с нашими врагами!

Е л е н а. Ну вот, а теперь можно повести речь и о Трое…

М е н е л а й. Прежде всего мы должны разгромить Трою, нашего злейшего врага, который пытается запугать нас своей растущей военной силой!

Е л е н а. Троя вообще никогда никого не запугивала.

М е н е л а й. Уже долгое время мы наблюдаем, как троянцы укрепляют войска и флот, чтобы в один прекрасный день вероломно помешать нашему мирному труду.

Е л е н а. Таков Менелай. Он знал только две цели — личную власть и войну — и всегда был готов пожертвовать всем человеческим в себе и в других для их осуществления. И уж хоть бы они были в разладе друг с другом, эти цели, тогда бы Менелай мучился от раздвоения, что, впрочем, делает человека сложным, но зато интересным. Менелай же, увы, не был интересен.

Он был просто целеустремленным, что уже само по себе скверно, а поскольку цели, к которым он устремлялся, были ограниченными, то и он был ограниченным тоже. А еще у меня была дочь Гермиона, которая вечно меня осуждала. О нет, я вовсе не хочу сказать, что она была не права, моя добрая Гермиона. Я казалась ей слишком ветреной, несерьезной. Сама она, правда, была добродетельна, но как-то не умела показать лицом этот свой товар — добродетельность. Хотя она была бескорыстна и неподкупна, она была, что называется, само совершенство.

Г е р м и о н а *(детским голосом)*. Я тебя просто не понимаю, мама! Ну разве так можно! Ни стыда, ни приличий. В конце концов, ты не так молода…

Е л е н а. Мне был тридцать один, но никто не давал мне столько!

Г е р м и о н а. И в твои годы уже неприлично кокетничать с мужчинами напропалую!

Е л е н а. Сама же она никогда не кокетничала — и это в пятнадцать-то лет!

Г е р м и о н а *(назидательно)*. С мужчинами нужно вести себя строго, чтобы противостоять их фривольным намерениям.

Е л е н а. Ну как мне было ей объяснить, что мне

вовсе не хотелось им противостоять. Что вообще в мужчинах меня интересовали не столько их намерения, сколько… Словом, она была почти совершенство. Я же отнюдь нет. Слишком много во мне было человеческого, хотя происхождение мое наполовину божественное: ведь моим отцом был Зевс. Но человеческая половина моей души была такой же человеческой и у богов, а у Зевса — так даже слишком человеческой! *(После паузы.)* Да не обидится на меня мой бессмертный отец! Почему я вышла замуж за Менелая? Ну за кого-то ведь нужно было выходить. О нашем браке я ничего не скажу. Все станет ясно из следующего разговора, который состоялся на склоне одного летнего дня: я сидела на террасе нашего дворца, когда ко мне подошел Менелай — так ненамеренно, так случайно, что я сразу поняла: ему что-то нужно от меня. Как легко все-таки разгадать мужчину! Только Менелай, к сожалению, был не из тех мужчин, которых украшает их наивность.

М е н е л а й. Чудесный вечер! Ты не находишь, дорогая?

Е л е н а. Я решила не отвечать, пока он не перейдет к делу. Я знала, что красота вечера зависела в глазах Менелая не от погоды, а от того, насколько удался очередной его план. О, я знала

людей, особенно же мужчин, и особенно — моего Менелая.

М е н е л а й. Дорогая, ты прекрасна сегодня, как закат в горной Аркадии.

Е л е н а. Раз уж я не клюнула на красоты природы, он завел речь о моей красоте. Я холодно ответила:

А ты, как видно, поэтически настроен сегодня.

М е н е л а й. Меня вдохновляет твоя ослепительная красота.

Е л е н а. Если верить молве — а в таких вопросах, ты знаешь, я легковерна, — я прекрасна всегда, а не только сегодня.

М е н е л а й. Гм, по правде сказать, я бы желал, чтобы красота была единственным твоим свойством, интересующим молву.

Е л е н а. Это звучит уже не столь поэтично, скорее — бестактно. Кстати, ты-то уж мог бы знать, что прославиться можно и благодаря дурным свойствам.

М е н е л а й. Эта тема слишком далеко завела бы нас, дорогая. Для меня же в настоящий момент речь идет о твоей репутации.

Е л е н а. О, можно не сомневаться, что речь пойдет о чем-то вполне определенном, если ты начинаешь с «чудесного вечера».

М е н е л а й. Прошу тебя, дорогая, выслушай меня и не перебивай. Ты ведь знаешь, я семнадцать лет терпеливо сносил все твои увлечения, где бы ты их ни искала.

Е л е н а. О, мне частенько стоило труда их найти!

М е н е л а й. Но ты ведь не можешь требовать, чтобы я тебе их подыскивал. Довольно, кажется, и того, что я смотрел на них сквозь пальцы.

Е л е н а. Смирение мужа, мой дорогой, может означать только одно — что совесть его обременена собственной несостоятельностью.

М е н е л а й. Сразу ты обобщаешь, Елена, — это дурная привычка. То, о чем я хотел поговорить с тобой, никак не вяжется со смирением, во всяком случае с моей стороны.

Е л е н а. Короче говоря, ты хочешь предложить мне начать новую жизнь?

М е н е л а й. «Предложить» не то слово.

Е л е н а. Чего же ты хочешь от меня?

М е н е л а й. Того, что далось бы тебе легко, прояви ты хоть чуточку доброй воли.

Е л е н а. За годы супружеской жизни ты бы мог понять, что во мне напрасно искать то, что ты называешь доброй волей.

М е н е л а й. Это я понял. Просто я стараюсь,

чтобы мое решение показалось тебе как можно более привлекательным.

Е л е н а. Твое решение?

М е н е л а й. Ты знаешь, дорогая, все эти годы мы держали дом и жили на широкую ногу. Властители всех греческих государств подолгу гостили у нас — иной раз слишком подолгу.

Е л е н а. И, несмотря на это, хозяин всякий раз вновь простирал им свои объятия.

М е н е л а й. Гораздо хуже, что это делала и хозяйка, гм, гм.

Е л е н а. Ну, это зависело от свойств и пола гостей.

М е н е л а й. Как бы там ни было, теперь этому настал конец. Я принял решение не принимать в будущем никого моложе семидесяти лет, чтобы удержать тебя от соблазна.

Е л е н а. Ах вот оно что! Поэтому-то у нас торчал недавно этот старый хрыч Нестор, который мне так надоел.

М е н е л а й. Зато мне надоели сплетни, которые не смолкают на улицах Спарты со времен прежних визитов. Болтовня эта особенно неприятна, потому что в ней — чистая правда.

Е л е н а. Сплетня держится не тем, что в ней — правда, а тем, что задетое ею лицо упорно ее

отрицает.

М е н е л а й. Ну, я-то этого не делаю.

Е л е н а. Сомневаюсь, чтобы ты мог быть героем подобных сплетен.

М е н е л а й. Верно. К тому же тут и бессмысленно что-либо отрицать. Для народа личная жизнь государей — что раскрытая книга.

Е л е н а. Которую он читает с живейшим интересом, даже с воодушевлением!

М е н е л а й. Я же стремлюсь к тому, чтобы мой народ воодушевлялся кое-чем другим.

Е л е н а. Величайшая ошибка правителей в том, что они пытаются найти объект воодушевления для своего народа.

М е н е л а й. А ты полагаешь, что это призвание женщин?

Е л е н а. Ну, женщинам только стоит следовать своей природе, как они уже у всех на устах.

М е н е л а й. И у всех в руках.

Е л е н а. Фу, как ты вульгарен!

М е н е л а й. Я ведь не божественного происхождения.

Е л е н а. Всегда, когда ты не прав, из тебя выпирает твоя плебейская зависть.

М е н е л а й *(овладев собой)*. Об этом я тоже не буду сейчас с тобой спорить. Я только хотел

сказать, что тебе пора мысленно приготовить себя к тихой, уединенной жизни, в которой не будет мужчин — кроме меня. *(После паузы.)* Ты молчишь?

Е л е н а. Нужно ведь время, чтобы представить себе картину этой будущей жизни…

Но в глубине души я не сомневалась, что этой будущей жизни не будет. Лучше уж сразу в царство теней, чем всю жизнь прозябать около Менелая. И, как вскоре выяснилось, именно на такой ход моих мыслей рассчитывал мой супруг. Менелай — нужно отдать ему должное — понимал кое-что в женской душе, вернее, в *моей* душе, что, впрочем, одно и то же. Я сказала:

И этот план, придуманный к вящей пользе моей добродетели, вступил уже в силу, как можно заключить из визита старца Нестора?

М е н е л а й. К сожалению, сегодня вечером у нас будет еще один, совершенно непредвиденный гость. И, что делать, тебе придется быть за хозяйку, хотя мне это и неприятно. Но это в последний раз…

Е л е н а. В конце концов Менелай меня все-таки заинтриговал: я никак не могла понять, что он задумал.

М е н е л а й. Не знаю, сколько он собирается у

нас пробыть. Но с моей стороны было бы неумно ему отказывать.

Е л е н а. Он что — родственник?

М е н е л а й. Отнюдь. Будущий враг, как я полагаю.

Е л е н а. Это одно и то же — как я полагаю.

М е н е л а й. Один из сыновей царя Приама из Трои.

Е л е н а. Гектор?

М е н е л а й. Нет, младший. Парис.

Е л е н а. Этого я не знаю.

М е н е л а й. Он путешествует по Греции, завершая образование, и с визитом вежливости объезжает властвующие дворы.

Е л е н а. А откуда ты знаешь, что он прибудет к нам именно сегодня?

М е н е л а й. От гонца, которого прислал мой брат Агамемнон.

Е л е н а. Стало быть, он едет к нам из Микен. Боюсь, не умер бы он там от скуки.

М е н е л а й. Что ж, ведь не все хозяйки принимают гостей с такой любовью, как ты.

Е л е н а. Да, уж сестра моя Клитемнестра обходительностью не блещет.

М е н е л а й. Зато она принимает гостей, как требуют приличия и обычай.

Е л е н а. Но, дорогой мой! Разве я принимаю их иначе?

М е н е л а й. Разница в том, что она остается в рамках приличий до окончания визита. Того же я требую на сей раз от тебя.

Е л е н а. То есть ты хочешь отягчить мою жизнь последним испытанием?

М е н е л а й. Можешь принять это, как тебе будет угодно.

Е л е н а *(после паузы)*. А он что, очень красив, этот Парис?

М е н е л а й *(подозрительно)*. Почему ты так решила?

Е л е н а. Иначе — какое же это испытание?

М е н е л а й. Надеюсь, тебе не приходит в голову, что я только затем приглашаю троянских принцев, чтобы подвергнуть тебя испытанию.

Е л е н а. О, мой друг, мне приходит в голову многое…

Между тем мне все стало ясно. Ну и негодяй же был мой муж Менелай! Впрочем, не настолько большой, чтобы я не могла его разгадать. Я сказала:

Милый Менелай, ты очень хитер. Но я хитрее тебя. Ибо плац твой хоть и правда коварен, но гораздо большим коварством нужно обладать,

чтобы прочесть его на твоем лице.

М е н е л а й. Не понимаю.

Е л е н а. Отлично понимаешь. Думаешь, я не знаю, что ты и твой чистюля брат, да и все вы спите и видите, как бы завоевать Трою? Уж сколько лет вы пытаетесь втянуть ее в войну, сначала грубыми провокациями, а теперь хитростью? Но они себе и в ус не дуют, не так ли? Игнорируют вас, и все тут.

М е н е л а й. А какое отношение это все имеет к тебе?

Е л е н а. Охотно объясню. Ты угрожаешь мне заточением и тут же даешь мне последнюю возможность — в виде троянского принца. Ты рассчитываешь, что я эту возможность не упущу и убегу с принцем от участи, которая хуже смерти. Я ведь знаю тебя! Ты хочешь, чтобы я использовала все свои чары, чтобы он меня похитил и чтобы у вас появился наконец повод начать войну.

М е н е л а й *(после короткого раздумья, мягко)*. Но согласись, дорогая… лучшего повода невозможно найти.

Е л е н а. Ты даже не отрицаешь, что я права!

М е н е л а й. Напротив, дорогая Елена: я восхищен твоей прозорливостью.

Е л е н а. Итак, ты хочешь променять меня на

войну…

М е н е л а й. Не на войну, а на добычу, частью которой будешь ты сама. Ты ведь должна понимать, что это делается и в твоих интересах.

Е л е н а. Бывают мгновения, Менелай, когда твоя мелочная скрупулезность делает тебя великим. К сожалению, это единственные мгновения, когда ты велик.

М е н е л а й. Надо полагать, они бывают действительно редко, раз мне не удается тебя удержать.

Е л е н а. Во-первых, этим женщину не удержишь. Во-вторых, вряд ли сейчас именно такое мгновение.

М е н е л а й. Я отвоюю тебя обратно.

Е л е н а. Да, если вы победите. Но я надеюсь, что победят они.

М е н е л а й. Это твое право. Во всяком случае, я с удовлетворением констатирую, что ты принимаешь мой план.

Е л е н а. Этого я не сказала.

М е н е л а й. Кстати, принц, по всей вероятности, очень симпатичный юноша.

Е л е н а. Откуда ты знаешь?

М е н е л а й. По слухам. *(Многозначительно.)* А потом, у него семнадцать братьев, и один из

них — Гектор.

Е л е н а. Гектор, говорят, счастлив в браке.

М е н е л а й. Ни один брак не может быть настолько счастлив, чтобы ты не могла его разрушить.

Е л е н а. По-моему, ты слишком высокого обо мне мнения.

М е н е л а й. О твоих чарах. И потом, должен ведь когда-то и муж извлечь из них выгоду.

Е л е н а. Нет, я не собиралась использовать эту возможность. Конечно, мне все казалось лучше, чем доживать свой век при Менелае, но быть причиной войны я не хотела. К тому же у меня была дочь, Гермиона. Правда, она была мне совсем чужой, а я ей — и подавно. Из-за этого Гермиона очень страдала. Впрочем, дети всегда страдают из-за родителей, только родители этого большей частью не знают. Я же это знала. Я поднялась к ней в комнату. Она сидела за своей пряжей. Гермиона, сегодня вечером у нас будет гость.

Г е р м и о н а. Да, мама?

Е л е н а. Я бы хотела, чтобы ты к ужину надела новое платье.

Г е р м и о н а. Да, мама. Это обязательно?

Е л е н а. Ну, если не хочешь, то не надо, Гермиона.

Г е р м и о н а. А что за гость у нас, мама?

Е л е н а. Молодой принц из Трои.

Г е р м и о н а. Гектор?

Е л е н а. Нет, не Гектор. Парис.

Г е р м и о н а. Ты не рассердишься, мама, если я вообще не буду ужинать с вами?

Е л е н а. Конечно, нет, Гермиона. Только я не понимаю, почему ты всегда прячешься от гостей.

Г е р м и о н а. Не от всех же, мама. С царем Нестором, например, я часто гуляла по саду.

Е л е н а. По правде сказать, Гермиона, это я понимаю еще меньше.

Г е р м и о н а. Ты и не можешь понять этого, мама.

Е л е н а. Может быть, ты мне объяснишь, что ты в нем нашла, Гермиона? Может быть, я недостаточно его изучила?

Г е р м и о н а. О, ты всегда всех превосходно изучаешь, мама.

Е л е н а. А вот царя Нестора, выходит, нет.

Г е р м и о н а. Больше всего меня восхищает в нем серьезность и мудрость.

Е л е н а. Ну, положим, серьезность не помешала ему строить мне глазки!

Г е р м и о н а *(ошарашенно)*. Как можно, мама!.. Да ему за восемьдесят.

Е л е н а. В чем вся и соль! Но прости, Гермиона. Ты ведь знаешь, я неисправима.

Г е р м и о н а. Это ты себе просто вообразила…

Е л е н а *(примирительно, но неубежденно)*. Возможно, возможно.

Г е р м и о н а. Он, можно сказать, мой идеал.

Е л е н а. Должна тебе заметить, Гермиона, — в твоем возрасте человек склонен иметь идеалы. С годами они тускнеют, и, когда исчезают совсем, становится ясно, что человек уже взрослый.

Г е р м и о н а. Прости, мама, но я думаю иначе.

Е л е н а. Ну да, ведь ты еще ребенок, Гермиона.

Г е р м и о н а. Иногда мне кажется, что я не такой ребенок… как некоторые.

Е л е н а. Может, ты боишься, что я буду кокетничать с принцем и тебе придется за меня краснеть? И поэтому ты не хочешь ужинать с нами?

Г е р м и о н а. Этого я не сказала.

Е л е н а. Ну да, из чувства такта. Ведь ты — почти совершенство.

Г е р м и о н а. Я думаю, мама, совершенства можно достичь.

Е л е н а. Разумеется. Но для этого нужно стремиться к нему.

Г е р м и о н а. В каждом человеке заложено

такое стремление.

Е л е н а. Думаешь? Не знаю, не знаю… Только крайностей все-таки следует избегать. Порой мне кажется невероятным, что именно ты — моя дочь.

Г е р м и о н а. Мне тоже, мама.

Е л е н а. Часто я даже думаю, что без меня тебе было бы гораздо лучше…

Эта мысль мне действительно нередко приходила в голову. Потому что намного свободнее себя чувствуешь, когда нет дурного примера перед глазами, который заставляет тебя еще ревностнее холить свою добродетель. Я думаю, мы — несовершенные — не должны мозолить глаза добродетельным людям, а давать им время от времени возможность раскрепоститься, почувствовать себя на свободе. Кроме того, я боялась помешать ее замужеству. Она хоть и была совершенством, но моя слава… как бы это сказать? Словом, слава есть слава. Поздно вечером прибыл принц. Он был не только симпатичным, как уверял Менелай, он был настолько прекрасен, что я глаз не могла от него оторвать. К сожалению, я не сумею поведать потомкам о его красоте. Это тем более печально, что то, о чем я могу сообщить, — его духовные качества — в тот вечер проявлялись

без всякого блеска. Гермиона передумала и к ужину появилась. Таким образом, мы сидели вчетвером на террасе и старательно пытались завязать беседу. Какой волшебный вечер сегодня, не правда ли, принц?

П а р и с *(вежливо)*. Вечер действительно очень хорош, ваше величество. Воздух такой… такой…

Е л е н а *(помогает)*. Прозрачный?

П а р и с *(благодарно)*. Да, такой прозрачный, что вся окрестность как на ладони. Вы не находите, ваше величество?

М е н е л а й. О да, конечно, конечно.

П а р и с. Одни вечера в Греции стоят того, чтобы побывать здесь.

Г е р м и о н а. Но, верно, и в Трое бывает красиво вечером?

П а р и с. В Греции вечера все-таки красивее.

М е н е л а й. Так вот зачем вы приехали к нам в Грецию, принц, — полюбоваться на вечера.

П а р и с. Я приехал, чтобы пополнить знания, ваше величество. Сюда относится не только знакомство с чужеземными нравами и деяниями великих мужей, но и постижение красот иноземной природы.

Неловкое молчание, покашливание.

Е л е н а *(комментирует).* Никакой непринужденности не возникало. Интересно было только узнать, притворяется принц или он действительно так же пуст, как его слова? Вечер, во всяком случае, не сулил ничего хорошего. Кроме своей — действительно ослепительной — красоты, этот молодой человек ничем похвастать не мог.

(Откашливается.) Вы были в Микенах, принц?

П а р и с. Совершенно верно, ваше величество, я только что из Микен. Ваш деверь царь Агамемнон и его прекрасная жена царица Клитемнестра принимали меня с самым сердечным радушием. Они просили передать вам низкий поклон, хотя, кажется, я уже выполнил эту просьбу?

М е н е л а й. Выполнили, принц, и весьма обстоятельно.

П а р и с. У меня скверная привычка — чрезмерно заботиться о данных мне поручениях.

Е л е н а. В самом деле?

П а р и с. Да. Мне все кажется, что я забыл их исполнить.

М е н е л а й. Это интересно.

Г е р м и о н а. Во всяком случае, это свидетельствует о вашей безукоризненной добросовестности, принц.

Е л е н а *(с усилием).* На сей раз не было бы

большого несчастья, если б вы и запамятовали это сделать, принц. Мы ведь родственники и близко живем друг от друга, так что *(вздыхает)* видимся часто.

П а р и с. И все-таки, ваше величество, иностранному гостю не пристало легкомысленно относиться к подобным вещам, ведь они — оселок, на котором проверяется его вежливость и доброжелательность.

Неловкая пауза, покашливание.

Е л е н а. Да, ничего занятного не получалось. Я уже с нетерпением ждала, когда кончится вечер.

М е н е л а й. У вас, кажется, много братьев, принц?

П а р и с. Восемнадцать, ваше величество.

М е н е л а й. О, это больше, чем я думал.

П а р и с. Гектор, Марагарелон, Теламон, Гор, Эвритон…

Его голос постепенно смолкает.

Е л е н а. И все же, за его старательной любезностью — если это была она! — скрывалась какая-то гордая самоуверенность — опять-таки если это была она! *(Вздыхает.)* И потом, он все же был так прекрасен.

П а р и с. Эзон, Геленос, Онассис, Гил, Фер, Ний, Полидор, Троил и Дейфоб.

М е н е л а й *(чуть не зевая)*. Как интересно.

Г е р м и о н а *(вежливо)*. Потрясающе интересно.

Е л е н а. Необычайно! Вы помните их всех наизусть!

П а р и с. Это оттого, ваше величество, что меня часто спрашивают о них и мне приходится перечислять.

М е н е л а й. Представляю себе.

Неловкая пауза.

Е л е н а *(пытаясь спасти разговор)*. А ваши сестры, принц?

П а р и с. Креуза, Алкидика, Псамата, Мирра, Посострата, Алкиона, Кассандра и Поликсена.

Е л е н а. Восемь.

М е н е л а й. Десять.

П а р и с. Девять.

Е л е н а. Конечно, девять.

Неловкая пауза.

Снова мне показалось, что он нас дурачит. Но зачем? И я отбросила эту мысль, стала просто смотреть, на него.

М е н е л а й *(с усилием)*. По-видимому, принц, вас и ваших братьев основательно знакомят с военным делом?

П а р и с. Что вы, ваше величество, мы ровно ничего в нем не смыслим. В Трое этому не придают значения. Мы предпочитаем мирные ремесла.

Е л е н а. Это очень разумно, принц.

М е н е л а й. Но у вас ведь большое войско?

П а р и с. Совсем нет, ваше величество, и годится оно только для праздничных парадов.

М е н е л а й. А флот?

П а р и с. Насколько я знаю, он полностью приспособлен для рыбной ловли, ваше величество.

Е л е н а. Для рыбной ловли?

М е н е л а й. Интересно!

Е л е н а. Нет, какая идиллия!

Г е р м и о н а. Как привольно у вас жить, принц.

П а р и с. Это верно, принцесса. Вся Троя — одна большая семья.

Неловкая пауза.

М е н е л а й. Все это очень интересно, принц.

Е л е н а. Все это так трогательно, принц.

(Комментирует.) Слишком трогательно! Было что-то странное в этом принце, даже в его красоте,

что-то загадочное! Или я просто пытаюсь придать ему таинственный облик, пытаюсь уверить себя, что не только его красота лишила меня рассудка? Поздно вечером Менелай спросил меня.

М е н е л а й. Ну, разве он не красив, дорогая?

Е л е н а. Он довольно мил.

М е н е л а й. Вот видишь! Итак, будем считать, ты приняла мое предложение… Можешь не отвечать. Кстати *(многозначительно)*, завтра меня не будет. Приветствуй от меня принца. Скажи, мне очень жаль лишать себя удовольствия быть в его обществе, но у меня, как назло, неотложный государственный визит к соседям. Поздно вечером я вернусь. Простимся же на тот случай, если я тебя, на что я надеюсь, уже здесь не застану. Итак, прощай. Ты оказала большую услугу нашему делу.

Е л е н а. Ничего я еще не оказала!

М е н е л а й. Но ты это сделаешь. Прощай. Увидимся после войны.

Е л е н а. После войны! Он и не сомневался, что я приближу ее начало. Но я задумала нарушить его план! Вечерняя беседа предоставила мне достаточно времени на размышления, и я успела принять такое решение, которое должно было привести к моему торжеству и его поражению. Я хоть и собиралась бежать с Парисом, но не в

Трою. Мы остановимся с ним на каком-нибудь мирном острове, а оттуда я дам знать всему миру, что это я побудила троянского принца к побегу. Что если угодно говорить о чьей-то общей вине, то эта вина лежит на нас, греках. И пусть у Трои будет принцем меньше, это все-таки не так страшно, как война. К тому же у нее останется еще восемнадцать принцев. Мы останемся жить на острове, и я посвящу себя благородной цели — пробуждению в Парисе его духовных сил, чтобы добиться гармонии с его красотой.

На другое утро, когда Менелай уехал, я велела позвать ко мне принца и сообщила ему, что мой муж вынужден был удалиться по своим делам. И что мы — одни.

Мне очень жаль огорчать вас, принц, но сегодня вам придется мириться с моим присутствием.

П а р и с. Это большая честь для меня, ваше величество, что вы согласны быть в моем обществе.

Е л е н а. Не говорите со мной о чести, принц. Эта тема редко бывает интересной, а для женщины — никогда.

П а р и с *(растерянно)*. Хорошо, ваше величество. Я не отвлекаю вас от дел?

Е л е н а. Что вы, принц! У меня ведь ни единого

дела за целый день. Поэтому дни иногда кажутся мне слишком длинными.

П а р и с *(с неловким участием).* Мне очень жаль вас, ваше величество.

Е л е н а. Поверьте, принц, я оживаю, когда узнаю, что будут гости. Конечно, не всякий гость в радость. Бывают иной раз и такие, с которыми не знаешь, что делать. Вот недавно, к примеру, у нас был царь Нестор — это имя, я думаю, вам знакомо?

П а р и с *(с жаром).* Знакомо ли мне это имя?! Еще бы. *(Почти цитирует.)* Премудрый владыка Пилоса, с уст которого ни разу в жизни не слетело необдуманное слово. Воспитатели заставляли нас изучать его биографию. Он служит у нас образцом для подражания.

Е л е н а *(вздыхает).* Знаю, знаю: воспитатели полагают, что для молодежи нет более достойной цели в жизни, как поскорее состариться.

П а р и с. Да, мудрец Нестор! Его я, разумеется, тоже навещу. Не побеседовать с ним — все равно что не видеть Греции.

Е л е н а. Ну, это уже, мягко говоря, преувеличение. Значение старости не следует переоценивать. А потом, ответьте мне, принц, что делать с такой мудростью нам, женщинам?

П а р и с *(назидательно)*. «Всякая истинная мудрость имеет воздействие на людей, обращенных к высшим целям». Эректей.

Е л е н а. Кто это — Эректей?

П а р и с. Один из моих воспитателей.

Е л е н а. Ах, милый принц, даже вы должны бы понимать, что кумиры юношества редко пользуются уважением женщин. Дело — как бы это сказать? — в разности целей, что ли.

П а р и с. Я не совсем понимаю вас, ваше величество.

Е л е н а. Я вижу. Но у нас впереди целый день — и мы одни, принц. И в конце нашего с вами дня вы меня поймете.

П а р и с. Надеюсь, ваше величество.

Е л е н а. А я в этом уверена, принц. На моей стороне опыт. Как бы там ни было, я не льщу, когда говорю, что ваше общество мне приятнее, чем общество старца Нестора. Вы только представьте: приехал он на день, а оставался десять. И все это время проговорил о войне и моральном духе, которого она требует. Нет, каково! Узнав меня поближе, принц, вы поймете, что так вести себя со мной может только человек, лишенный воображения.

П а р и с. Настолько я знаю вас уже теперь,

ваше величество. В конце концов, война — это мужское дело.

Е л е н а. К тому же ему восемьдесят четыре. В таком возрасте немногого добьешься и с богатым воображением.

П а р и с. Что вы имеете в виду, ваше величество?

Е л е н а. Это вы тоже поймете позже, принц. Я только хотела сказать, что рада не всякому гостю. А принимать вас для меня просто счастье.

П а р и с *(вежливо)*. Весьма польщен, ваше величество. И мне…

Е л е н а. И знаете почему? *(Томно.)* В вас чувствуется душа. Только такие мужчины, как вы, могут понять нас, женщин, — нет, нет, не спорьте! Такие мужчины, как вы, помнят о том, о чем так часто забывает большинство представителей сильного пола, — что для нас, женщин, главное — это душа.

П а р и с. Я и правда этого не забываю. Скорее, наоборот. Молодые троянки иногда говорят мне: «Парис, ты забываешь, что у женщин есть не только душа».

Е л е н а. Ну, и после таких слов вы не преминули вспомнить кое о чем другом, я думаю. Принц, могу я поговорить с вами обо мне?

П а р и с. Для меня нет большего счастья, ваше величество.

Е л е н а. Можете вы поверить, что я, самая красивая и популярная женщина в Греции, всего-навсего, как это говорят обыватели, непонятая женщина?

П а р и с *(испуганно)*. Ваше величество! Дочь Зевса — и вдруг…

Е л е н а. …непонятая женщина!

П а р и с. Но, ваше величество, ведь мы только что установили, что я вас понимаю?

Е л е н а. Вы — да, а царь Менелай — нет. В свое время я допустила большую ошибку, связав свою жизнь с таким заурядным человеком. Моя мать Леда совсем не была заурядной женщиной.

П а р и с. Я слышал о ней то же самое, ваше величество.

Е л е н а. Но и другие женихи были не лучше — что Ахилл, что Агамемнон. Думаете, Клитемнестра с ним счастлива?

П а р и с. Мне показалось, они — счастливая пара.

Е л е н а. Все это просто фасад, принц, одна видимость. Мужчины в Греции — совершенные дикари.

П а р и с. Это противоречит общепринятому

мнению, ваше величество.

Е л е н а. Вы, троянцы, — совсем другое дело.

П а р и с. Вы думаете, ваше величество?

Е л е н а *(передразнивает).* Ваше величество, ваше величество… Зовите меня просто Елена. Ведь мы родные, принц, — по духу. На чем я остановилась?

П а р и с. Вы только что сказали, что я — совсем другое дело…

Е л е н а. Верно, Парис. Можно я буду вас так называть?

П а р и с. Я не смел и мечтать, что вы меня об этом попросите.

Е л е н а. А я и не прошу, просто спрашиваю. Милый Парис, сколько на свете мужчин, которые не задумываясь отдали бы все, чтобы оказаться сейчас на вашем месте.

П а р и с. Я знаю, ваше величество… то есть, Елена, и испытываю блаженство от каждой минуты.

Е л е н а. Но вы не производите впечатление блаженствующего человека…

П а р и с. Нас, троянцев, с детства учат скрывать как радости, так и печали.

Е л е н а. И напрасно, друг мой. Откуда же мне знать, что вами сейчас не владеет печаль?

П а р и с. Что вы, ваше величество… Елена!

Е л е н а. С ходячей статуей женщине нечего делать. Мне кажется, троянцам есть еще чему у нас поучиться.

П а р и с. Конечно, Елена. Я и не говорю, что мы совершенны.

Е л е н а. Но о вас это можно сказать, Парис. По крайней мере о вашей внешности.

П а р и с *(скромно).* Мне нередко приходится это слышать.

Е л е н а. И что вы отвечаете в таких случаях?

П а р и с. Что совершенной должна быть душа, а не внешность!

Е л е н а *(вздыхает).* Ах, дорогой Парис, душа… что мы о ней знаем? Душа — большой таинственный сад, в котором легко заблудиться.

П а р и с. Как вы это красиво сказали!

Е л е н а. В самом деле? Да, душа — это дикий сад. Для начала нужно тщательно выяснить, какова под ним почва.

П а р и с. Как верно!

Е л е н а. И если его возделать и ухаживать за ним с любовью, он проснется и принесет хорошие плоды.

П а р и с. Замечательное сравнение.

Е л е н а. Но, прежде чем отыскать путь к этому саду, нужно изъездить страну вдоль и поперек.

Вы понимаете меня, Парис?

П а р и с. Боюсь, не совсем, Елена…

Е л е н а. Я объясню: сад нужно искать на ощупь, продираясь к нему сквозь ограду, которая его окружает, — как тело окружает душу.

П а р и с. Как тело?..

Е л е н а. …окружает душу.

П а р и с. Кажется, я понял.

Е л е н а. В самом деле, Парис?

П а р и с. Но для большей верности продолжайте, пожалуйста, ваши объяснения, Елена.

Е л е н а. Надеюсь, вы меня действительно поняли. Я знала, что вы меня поймете прежде, чем наступит ночь.

П а р и с. До ночи еще далеко.

Е л е н а. Вам делает честь, Парис, что вы поняли меня так скоро.

Я вознамерилась правдиво передать все, что было, и не умолчала до сих пор ни о чем, что могло бы послужить для меня моральным оправданием. И если я все-таки кое-что опускаю, то ведь опущенное легко становится ясным из того, что сказано. Я делаю это не для того, чтобы оправдываться — оправдания для меня, увы, не существует. Опущенный здесь промежуток времени составляет несколько — мгновенно

пролетевших — часов.

П а р и с. Вот видишь, любимая, до ночи все еще далеко, а я уже давно тебя, понял.

Е л е н а. Разумеется, мой друг, ведь и самая наивная простота имеет свои пределы.

П а р и с. …которые ты умеешь сокращать, дорогая Елена. Насчет души ты великолепно придумала.

Е л е н а. Чистая импровизация, дорогой Парис, к которой вынудила меня ситуация. Обстоятельства рождают поэтов, как говорят у нас в Спарте.

П а р и с. Из меня они сделали кое-что другое.

Е л е н а. Что меня очень радует. Надеюсь, отныне ты будешь чтить не только старца Нестора.

П а р и с. Ах, не будем говорить о старце. Ты полностью вытеснила его из моих помыслов, и теперь меня мучает чувство вины перед, воспитателями.

Е л е н а. С годами, милый Парис, ты поймешь, что чувство вины — далеко не самое плохое чувство. По крайней мере за ним стоит какой-то смелый поступок.

П а р и с. Или преступление.

Е л е н а. Вряд ли я знаю, что это такое, но догадываюсь, что за преступлением следует

раскаяние. А это уже, насколько я могу судить, совсем другое чувство.

П а р и с. Боюсь, что полностью я тебя еще не понимаю.

Е л е н а. Пока это и не требуется — ночь ведь еще не настала.

П а р и с. Но уже смеркается.

Е л е н а. Ты прав, уже смеркается. Время летит так быстро. Ты должен признать, милый Парис, что я не теряла его даром и много успела сделать для твоего развития.

П а р и с. Что ты хочешь сказать?

Е л е н а. Вспомни, кем ты был еще несколько часов назад…

П а р и с. Страшно подумать.

Е л е н а. Юношеские идеалы падают…

П а р и с. …как пелена с глаз.

Е л е н а. И уступают место действительности.

П а р и с. Ах, Елена, не будем о ней говорить.

Е л е н а. Почему бы и нет? В твоем возрасте люди склонны бежать от действительности, а надо только понять: действительность — это то, что мы из нее делаем.

П а р и с. Я чувствую себя как во сне и каждую минуту боюсь проснуться.

Е л е н а. Вот к этому я и клоню. Я как раз и хочу

продлить этот наш сон.

П а р и с. Но как?

Е л е н а. Нам с тобой нужно бежать.

П а р и с. Бежать?

Е л е н а. У тебя такое лицо, словно я подстрекаю тебя к массовому убийству.

П а р и с. Прости, но твои слова как-то не укладываются у меня в голове.

Е л е н а. Дорогой Парис, пора бы тебе отказаться жить головой.

П а р и с. Я и пытаюсь это сделать.

Е л е н а. Испытать приключение можно только однажды — или в воображении, или в жизни. Я, как ты мог понять, за то, чтобы это было в жизни.

П а р и с. Я знаю.

Е л е н а. Воспитатели, конечно, не снабдили тебя наставлениями на этот случай?

П а р и с. Снабдили! Эректей сказал: «Испытай партнера и себя самого, прежде чем вступать с ним в связь».

Е л е н а. Но кто говорит о связи? Похищение редко ведет к связи. Вспомни Тезея и Ариадну!

П а р и с. Если речь идет не о *связи,* то зачем мне тебя похищать?

Е л е н а. Какой ты странный, прямо как жен-

щина. Вспомни, ведь это Тезей бросил Ариадну, а не наоборот.

П а р и с. Я тебя никогда не брошу.

Е л е н а. Вот видишь? Мне кажется, старик Эректей никогда не был в таком положении, как ты.

П а р и с. Конечно, нет. Он был образцовый семьянин.

Е л е н а. Ах, он уже умер?

П а р и с. Его отравила Дорис.

Е л е н а. Кто это — Дорис?

П а р и с. Его вдова.

Е л е н а. Он был, как видно, не из тех, кто живет в согласии со своими поучениями. Если б он предавался пороку, он был бы жив.

П а р и с. О, ты божественна, Елена.

Е л е н а. Я ведь дочь Зевса.

П а р и с. Это еще ничего не значит. У Зевса много дочерей. Но с тобой никто из них не сравнится… Идем, уже стемнело!

Е л е н а. Но если ты колеблешься и сомневаешься, то я не хочу…

П а р и с. Конечно, я сомневаюсь. Но что значат мои сомнения перед возможностью обладать божественной Еленой!

Е л е н а. Удачно сказано, мой друг. Эти слова

войдут в историю.

П а р и с. Уж мы позаботимся об этом. А ты не боишься международных осложнений?

Е л е н а. Кто *теперь* заговорил о действительности?

(Комментирует.) Между тем стемнело. Мы потихоньку вышли, проскользнули мимо слуг и стражи, как вдруг у самой конюшни натолкнулись на Гермиону. Она угощала вином троянцев из свиты Париса. Добрая душа, совершенство мое, Гермиона, ее доброта была, как всегда, неуместной. Все потеряно, подумала я, но тут же решила опередить Менелая и самой во всем признаться Гермионе. Разумеется, Парис не должен был знать всей правды, иначе я разоблачила бы перед ним замысел Менелая. Гермиона повернулась ко мне и удивленно спросила:

Г е р м и о н а. А что ты здесь делаешь, мама?

Е л е н а. Спасаюсь бегством, Гермиона.

Г е р м и о н а *(с ужасом)*. Спасаешься *бегством?* От кого? И куда ты бежишь?

Е л е н а. От кого? Ах, слишком долго объяснять, Гермиона. А куда, я и сама еще толком не знаю. Куда-нибудь, где нас никто не отыщет.

Г е р м и о н а. Нас?

Е л е н а. Меня — и принца Париса.

Г е р м и о н а. Мама! Ты просто… Я этого ожидала!

Е л е н а. Вот и чудесно. Тогда ты ничему не удивишься. Запомни, Гермиона: кто и что бы ни говорил, — это я уговорила принца бежать!

Г е р м и о н а. В этом ты могла бы и не уверять меня, мама.

Е л е н а. Тем лучше. Тогда мой побег лишь подтвердит твои представления обо мне. Прощай, моя милая Гермиона!

Г е р м и о н а. Мама! Ты с ума сошла!

Е л е н а *(комментирует)*. Тут произошло неожиданное: Парис вскочил на свою лошадь, подхватил меня, посадил перед собой и крикнул Гермионе:

П а р и с. Не верьте вашей матушке, принцесса! Это я склонил ее к бегству. Так и передайте отцу! И бежим мы не туда, где нас никто не отыщет, а в Трою.

Е л е н а. И он пустил свою лошадь галопом, поскакав со мной прочь, а его слуги бросились вслед за нами, как будто только и ждали этого момента.

(Во время скачки.) Милый Парис, твое рыцарство делает тебе честь. Но, к сожалению, сейчас оно было неуместным.

П а р и с. «Рыцарство всегда уместно».

Е л е н а. Ах, оставь изречения своих воспитателей. Сейчас нам не до них. Ты же знаешь…

П а р и с. Но подумай сама, Елена, не могу же я допустить, чтобы тебя обвиняли в похищении!

Е л е н а. Увидишь, Парис, как печально это кончится — для вас всех! Правда, я еще надеюсь, что на самом деле ты не собираешься отвезти меня в Трою.

П а р и с. Разумеется, собираюсь.

Е л е н а. Умоляю тебя, Парис!..

П а р и с. Будет видно, Елена…

Е л е н а *(комментирует)*. Мы скакали в непроглядной ночи, момент был явно неподходящий для уговоров. А потом, я не сомневалась, что в дороге еще успею добиться своего. Кроме Менелая, ни один мужчина мне еще ни в чем не отказывал, почему же Парис должен быть исключением? Но поездка по морю была такой захватывающей, что я совсем забыла о цели нашего путешествия.

Какое гладкое море — как зеркало!

П а р и с. Красивое сравнение.

Е л е н а. Но не мое собственное. Я его от кого-то слышала.

П а р и с. Вы, греки, любите изысканные выражения.

Е л е н а. Ты полагаешь? А по-моему, все мужчины выражаются одинаково, а женщины — и вовсе никак.

П а р и с. Ты не очень-то любишь людей.

Е л е н а. Любовь к людям — привилегия юности, милый Парис. У зрелых людей она встречается редко. И то лишь у тех, кто и сам не ведает, что ей подвержен. Кроме того, я люблю тебя — этого тебе должно быть достаточно.

П а р и с. Этого мне достаточно, Елена.

Е л е н а. А еще я люблю море. Никогда не думала, что поездка по морю — такое наслаждение!

П а р и с. Разве ты никогда не ездила по морю?

Е л е н а. Ездила. *(Вспоминает.)* В Аттику. Туда с Тезеем, обратно с Гермесом. Но я была слишком молода тогда, чтобы обращать внимание на море.

П а р и с. Рад, что могу доставить тебе такое удовольствие.

Е л е н а. Всем влюбленным нужно обязательно ездить по морю.

П а р и с. Они часто так и поступают. Морские прогулки укрепляют любовь.

Е л е н а. Этому тебя тоже научили твои воспитатели?

П а р и с. Конечно.

Е л е н а. Хотела бы я когда-нибудь их увидеть.

П а р и с. Большинство из них умерли.

Е л е н а. Всех отравили жены?

П а р и с. Нет, они умерли от старости.

Е л е н а. Вот так — всю жизнь воспитывать и не увидеть плодов своего воспитания!

П а р и с. Может быть, так и лучше.

Е л е н а. Парис! Мы не едем в Трою!

П а р и с. Боюсь, если ветер не поднимется, мы вообще никуда не поедем.

Е л е н а. Я не шучу, Парис!

П а р и с. Но, дорогая Елена, почему бы нам не поехать в Трою?

Е л е н а. Ну, во-первых, меня смущает прием, который нам окажут…

П а р и с. Ты сумеешь быть на высоте положения, я уверен, Елена.

Е л е н а. Ах, ты знаешь меня только в одном положении…

П а р и с. …которое позволяет, однако, сделать достаточно широкие выводы о твоем отношении к людям.

Е л е н а. Но не ко всем же людям, Парис!

П а р и с. Во всяком случае, тебя так же примут с распростертыми объятиями, как ты — меня.

Е л е н а *(настойчиво)*. Парис, прошу тебя, давай

не поедем в Трою.

П а р и с *(холодно)*. Это почему же?

Е л е н а. Я все продумала, Парис. На каком-нибудь острове мы могли бы…

П а р и с. Но нас ждут в Трое!

Е л е н а. Ждут?

П а р и с. Да, дорогая. Пора уже раскрыть карты. Тебя ждут в Трое.

Е л е н а *(растерянно)*. Не понимаю…

П а р и с. А с еще большим нетерпением ждут греческий флот, который последует за тобой.

Е л е н а. А зачем вам греческий флот?

П а р и с. Чтобы началась, война.

Е л е н а. Как, вы хотите войны?

П а р и с. Поскольку вы, греки, сами не предлагаете нам свои земли, то — да, мы хотим войны.

Е л е н а. Но вы давно могли бы найти к ней повод.

П а р и с. Конечно. Но лишь сейчас мы достаточно вооружились.

Е л е н а. Значит, ваша армия годится не только для парадов?

П а р и с. А флот приспособлен не только для рыбной ловли. Мы выиграем эту войну.

Е л е н а. Боюсь, проиграете.

П а р и с. Посмотрим.

Е л е н а *(с трудом овладев собой)*. Значит, тебя снарядили, чтобы…

П а р и с. …похитить тебя.

Е л е н а. Потрясающе!

П а р и с. Рад, дорогая Елена, что тебя это забавляет. В твоем положении самое лучшее — легко отнестись ко всему, что с тобой происходит.

Е л е н а *(с горечью)*. Легко… Да, это верно. А почему для этой цели выбрали именно тебя?

П а р и с. Но, дорогая, если *ты* этого не понимаешь, то как я тебе объясню?

Е л е н а. Я не говорю, что не понимаю.

П а р и с. Я слыву красивейшим из сыновей Приама и наиболее искусным в интригах, необходимых в таком деле.

Е л е н а *(с горечью)*. В таком деле! *(Смеется)* Прости, но я не могу не смеяться — над собой!

П а р и с. Да, милая Елена, невинность моя была обманом, на который ты поддалась.

Е л е н а. Поддалась, не спорю.

П а р и с. Я долго готовился.

Е л е н а. Не понимаю только зачем.

П а р и с. Каждый человек дорожит возможностью виртуозно использовать свои способности. Ты предоставила мне такую возможность в полной мере.

Е л е н а. И тебя-то я считала благородным мужчиной!

П а р и с. И еще: такой мужчина, как я, дорогая Елена, может рассчитывать на успех у женщин, но не должен полностью полагаться на него. В этом весь секрет. Нужно только притвориться невинным, предоставить женщине инициативу — и тебе ничто не грозит.

Е л е н а. Разве что тебя совратит женщина.

П а р и с. Именно. С этим уж нужно мириться. Но вообще-то я думаю, что добился бы своего и в роли совратителя. Разве нет?

Е л е н а *(с отвращением)*. Эти гнусные правила ты тоже усвоил от своих воспитателей?

П а р и с. А у меня их и не было. До семнадцати лет я пас свиней в горах. Так что невинность я постигал долго и терпеливо. Поэтому она мне удается лучше, чем многим. И как ты могла убедиться, в умелом исполнении притворная невинность ведет к успеху.

Е л е н а. Милый Парис, я не сержусь, что ты взял на себя эту позорную миссию. Не отрицаю, что ты добился моей любви. Но ответь мне на один только вопрос *(нежно)*: что было бы, если б ты действительно явился к нам невинным, доверчивым юношей, — хоть тебе и трудно это

вообразить, но постарайся — смогла бы и тогда я добиться твоей любви?

П а р и с. Тебе хочется вновь уверовать в свои силы?

Е л е н а *(удивленно)*. Как ты бесчувствен, раз так говоришь!

П а р и с. Я не бесчувствен, дорогая Елена. Ты ведь влюбила меня в себя. Ты действительно неотразима, дорогая.

Е л е н а *(гневно, но сдерживаясь)*. Это все, что ты можешь сказать обо мне?

П а р и с *(с чисто мужским превосходством)*. Другие женские достоинства мало интересуют делового человека.

Е л е н а *(величественно)*. Бывают достоинства, дорогой Парис, понятные только тем, кто сам ими обладает. Но ты этого не мог знать. Да и откуда бы? Не от свиней же, которых ты — деловой человек — пас до семнадцати лет! И не от братьев, товарищей или сограждан, готовых принести в жертву темным целям чувства целого поколения. Ты ничуть не лучше Менелая. Ты даже отвратительнее — потому что у тебя лживая внешность. Я всегда думала, что все мужчины одинаковы, теперь я знаю это. Оставь меня!

П а р и с. Как прикажешь, дорогая. Позови меня,

если тебе что-нибудь понадобится. Не забывай, что ты просто драгоценна — для всех нас.

Е л е н а *(комментирует)*. И мы отправились в Трою. Разумеется, я не сказала Парису, что и я его обманула, бежав с ним, что я тоже действовала по плану. Признавшись в этом, я как бы встала с ним на одну доску, а уж этого я никак не хотела. Потом, все это — полуправда, ибо я согласилась помочь Менелаю не ради него самого, а потому что влюбилась в этого негодяя — Париса, о чем он не должен был знать… Итак, я стала первой жертвой Троянской войны. Жертвой Менелая и Париса, греков и троянцев. Но, в сущности, жертвой самой себя — своей любви к мужчинам. К мужчинам, которые, увы, любят войну. Я не была совершенством — в высшем смысле, потому-то, может быть, этот высший смысл всегда оставался мне непонятен, несмотря на мое божественное происхождение. Но я была рождена для любви — не для возвышенной любви, а для настоящей. Для мужчин я была объектом и целью, игрушкой и идеалом, но любить меня никто из них не любил. Такова порочная, отвратительная сущность мужчин. Все-таки некоторым удовлетворением для меня было то, что война никому не пошла на пользу. Греки, как известно, победили. Но какой

им в том был прок? Никакого, ровным счетом. Война и чума унесли людей, корабли потонули или сгорели, государства обнищали… Мне был сорок один, когда Менелай вез меня — как единственную свою добычу — из разрушенной Трои в Спарту.

М е н е л а й. Вот видишь, Елена, я же отвоевал тебя.

Е л е н а. Но для этого понадобились десять долгих лет…

М е н е л а й. Долгих? Вряд ли они казались долгими тебе — пока был жив Парис, во всяком случае.

Е л е н а. Не сердись, Менелай, но об этом я бы не хотела с тобой говорить.

М е н е л а й. Как тебе будет угодно, милая. Я думал, тебе дороги эти воспоминания.

Е л е н а. Надеюсь, ты доволен победой? Ведь ты — единственный царь, оставшийся в живых.

М е н е л а й. Да… Кроме Нестора.

Е л е н а. Ах, Нестор еще жив? Невеселенькая же в таком случае ждет нас жизнь.

М е н е л а й. Я, конечно, буду рад как можно чаще видеть в своем доме старого боевого товарища.

Е л е н а. Что ж, придется мне мириться с судь-

бой.

М е н е л а й. Рад, что ты образумилась.

Е л е н а. Называй это как хочешь. Но ведь это — твоя единственная добыча в войне. Или есть и еще что-нибудь?

М е н е л а й. От тебя, Елена, трудно ожидать понимания смысла наших целей и дел…

Е л е н а. Дел я действительно не понимаю. Целей просто не знаю.

М е н е л а й *(не слушая)*. …смысла того, что я десять лет терпел нужду и лишения у ворот Трои, пока ты наслаждалась комфортом с Парисом и его братьями.

Е л е н а *(мягко)*. Даже если и так, то кто же виноват в этом, мой друг?

М е н е л а й *(не слушая)*. Трудно ожидать, что ты поймешь смысл суровой борьбы, стоившей нам, грекам, тяжелейших потерь.

Е л е н а. Но что здесь можно понять, мой друг, что? Где добыча, колонии, золото? Ведь, если не ошибаюсь, из-за всего этого ведут войны. Где Ахилл? Патрокл? Убиты! Диомед, Аякс, Филоктет? Мертвы! Одиссей? Пропал без вести! За что же вы воевали?

М е н е л а й. За что? За могущественную Грецию, жители которой будут жить в довольстве

и благополучии, а их дети — расти без страха за свое будущее, за Грецию, в которой расцветут ремесла и торговля, искусства и науки… *(Его голос постепенно смолкает.)*

Е л е н а *(комментирует)*. Вот так изменились за время войны взгляды Менелая на себя самого и свои цели. Правда, обстоятельства в его пользу: троянцы тоже хотели войны. Но это не делает его лучше, просто троянцы так же плохи, как и он. Но и они поплатились за это. А вот моя дочь Гермиона всю ответственность за войну взваливает на меня. Ей между тем минуло двадцать пять, и она стала еще совершенней — добродетель застыла у нее на лице, как восковая маска. Она относится ко мне с чуть ли не материнской снисходительностью и называет меня не иначе как «миленькая».

Г е р м и о н а. Забудем, миленькая, о твоих прегрешениях и не будем говорить о твоем прошлом.

Е л е н а. Я и не собиралась обсуждать его с тобой, Гермиона.

Г е р м и о н а *(как ребенку)*. Нам тоже кажется, что тебе лучше о нем забыть.

Е л е н а. Кому это — вам?

Г е р м и о н а. Ну, отцу и мне.

Е л е н а. Ах да, конечно. Иначе говоря, вы опасаетесь, что я снова примусь совращать наших гостей.

Г е р м и о н а *(смеется весело, но пристыженно)*. Ты и впрямь неисправима.

Е л е н а. Может быть, никто не попытался меня исправить.

Г е р м и о н а *(с легкой обидой)*. Но, знаешь ли, миленькая, это уж чересчур…

Е л е н а. Ты пробовала, Гермиона, я знаю. И, кажется, могу тебе обещать, что я исцелилась.

Г е р м и о н а. Это было бы счастьем, миленькая. Хватит с нас одной войны…

Е л е н а. Стоившей нам…

Г е р м и о н а. Стоившей нам лучших мужчин. *(Вздыхает.)* Да, да, это все так ужасно!

Е л е н а *(про себя)*. Так вот она какова, Гермиона. *(Вслух.)* Ты в самом деле думаешь, что в этой войне виновата я?

Г е р м и о н а *(мягко, но настойчиво)*. Не будем больше об этом, миленькая. Простим и забудем.

Е л е н а *(с легкой иронией)*. Как ты тактична, Гермиона. Ты уже и ребенком была такой. Но ты ошибаешься. Я не виновна — или разве что самую чуточку.

Г е р м и о н а *(добродушно, но определенно)*. Не

стоит об этом.

Е л е н а. Не стоит, Гермиона, ты права. Может быть, совершенным людям невозможно понять таких, как я. Люди с неизменными принципами! Своей славой — уж можешь мне поверить! — они обязаны своей неспособности усвоить аргументы другой стороны и таким образом поддаться соблазну.

Г е р м и о н а *(снисходительно и терпеливо).* Я не совсем понимаю тебя, миленькая.

Е л е н а. Я вижу. Я могла бы многое тебе рассказать, и факты потрясли бы тебя, но чтобы до конца понять мою невиновность…

Г е р м и о н а *(смеется).* Невиновность?! Это уж чересчур, миленькая…

Е л е н а. Хорошо — вину, если угодно. Так вот, чтобы ее до конца понять, нужно обладать двумя вещами, которых у тебя нет: телом…

Г е р м и о н а *(ошарашенно).* Но, мама! Как ты можешь!..

Е л е н а *(спокойно).* …и душой. Правда, я все больше убеждаюсь, что как раз души-то у большинства людей нет. Я же с детства постигла самую ее суть и всегда считала душу главным в человеке — задолго до того, как один мой знаменитый земляк открыл, что она бессмертна.

Перевел Ю. Архипов.

Герберт Эйзенрейх
ЧЕМ МЫ ЖИВЕМ И ОТ ЧЕГО УМИРАЕМ

Действующие лица и голоса

Феликс Гильдебранд, специалист по рекламе, около 40 лет

Карин, его жена, несколькими годами моложе

Два женских голоса по радио

Время действия: примерно десять лет спустя после второй мировой войны.

Место действия: квартира Гильдебрандов в особняке, расположенном на окраине одного из больших немецких городов.

Рекламная передача по радио. Негромкая музыка.

К а р и н. Будешь еще ветчину?

Ф е л и к с *(с легким раздражением)*. Я уже дважды сказал нет.

К а р и н. Я только подумала... Ведь ты почти ничего не ел за обедом.

Ф е л и к с *(поспешно)*. Нет аппетита — вот и

все.

Музыка прекращается.

Г о с п о ж а М а й е р *(по радио)*. Ах, госпожа Мюллер, как это вам только удается! Ну прямо белый снег, а не белье на веревке!

Ф е л и к с *(резко)*. Да выключи ты! Не могу больше слышать!

Шаги Карин.

Г о с п о ж а М ю л л е р *(по радио)*. Что ж тут удивительного, госпожа Майер? Ведь я использую стиральный порошок «Снежинка»...

Щелчок — приемник выключен. Тишина, потом снова шаги Карин.

К а р и н *(принужденно, пытаясь завязать разговор)*. Что-нибудь случилось?..

Ф е л и к с *(раздраженно)*. Ну что особенного может случиться? *(После паузы, скрывая раздражение.)* Вессели всегда был таким!

К а р и н. Ты был у Вессели?!

Ф е л и к с. Уж он знает, где ему задрать нос, а где проползти на брюхе! В свое время, когда я устраивал его на работу, он питался очистками и спал в чулане. А теперь! Да господи, что я вообще

кипячусь! Эта мразь того не стоит… Эта…

К а р и н. Стало быть, опять неудача.

Ф е л и к с. Не нужно отчаиваться, Карин. Честно говоря, я не очень и надеялся на Вессели.

К а р и н. Всего несколько дней назад ты говорил, что Вессели тебя всегда выручит.

Ф е л и к с. В человеке легко ошибиться.

К а р и н. Даже тебе?

Ф е л и к с. Теперь легко иронизировать.

К а р и н *(устало)*. А я даже и не пытаюсь. *(Пауза.)* Ты в самом деле не хочешь есть?

Ф е л и к с. Я хочу спать…

К а р и н. Мы можем ложиться.

Ф е л и к с. В половине восьмого? Ведь еще только половина восьмого!

К а р и н. Но если ты хочешь спать?

Ф е л и к с. Лечь, а потом часами лежать и злиться на этого подонка?!

К а р и н. Что он сказал?

Ф е л и к с. Сказал? Соврал, а не сказал, — не моргнув глазом… Закуришь?

К а р и н. О да!

Щелчок зажигалки.

Спасибо.

Ф е л и к с *(глубоко затянувшись)*. Как будто

меня так легко провести!.. Всей этой болтовней о неустойчивости рынка, об изменениях в калькуляции… Как будто из-за этого может кончиться реклама!.. Я ему прямо об этом сказал, а он опять завел свою шарманку: времена, мол, меняются, и что год-два назад еще годилось, сегодня уже устарело. Текст рекламы должен успевать за бегом времени… *(Раздраженно.)* Господи, как будто я за ним не успевал!

К а р и н *(без упрека)*. Но сыпать пепел на скатерть все равно не стоит.

Ф е л и к с. Как будто и я не проделывал по очереди все эти трюки! Уж я-то шел в ногу со временем, видит бог!

К а р и н. Но Вессели тебя тут перещеголял.

Ф е л и к с. Ползком — на брюхе! *(Пауза.)* Одно дело — вздуть интерес к какой-нибудь дряни, и другое дело — его удержать. Большая разница. *(Презрительно.)* Но даже этого Вессели не может понять.

К а р и н. И все-таки шеф теперь — он.

Ф е л и к с. Шеф!.. Курам на смех! Дело двигают его люди, а не он!

К а р и н. Но ведь и не ты, как выясняется.

Ф е л и к с. Сомневаюсь, чтобы твоя язвительность могла нам помочь.

К а р и н. Факт тот, что Эрмендингер, и Драбил, и Вайс все еще работают, а ты нет.

Ф е л и к с. Все они еще работают, верно… А ведь всех их устроил я. Я наладил дело, развил успех, а эти господа, которых я же устроил, слизывают теперь пенки. И если они в добром расположении духа, они, пожалуй, окажут мне помощь на ближайшее время!

К а р и н. Но почему так вышло, что они остались, а ты нет?

Ф е л и к с. С тобой объясняться еще труднее, чем с Вессели!

К а р и н. Но ведь должна быть какая-то причина.

Ф е л и к с. Причина! Причина! *(Громко смеется.)*

К а р и н. Тсс! Тише, Феликс! Детей разбудишь!

Ф е л и к с *(тише, цинично и горько)*. А черт знает, в чем тут причина, что они как раз сегодня *(передразнивая)*, к великому сожалению, отбыли на неизвестное время, как назло, у них важная конференция, именно сегодня чрезвычайно заняты — и так всегда, когда мне от них что-нибудь нужно… А ведь это те самые господа, которые всего несколько лет назад просто липли ко мне *(передразнивая)*: не будете ли вы столь любезны,

не заглянете ли к нам вечером, господин Гильдебранд, вы должны быть уверены, что ваши необычайные способности и знания, идущие на пользу делу, находят в нас признательный отклик, разумеется, вы будете вознаграждены, если вы не откажетесь и впредь… *(Смолкает, утомленно переводя дух.)*

К а р и н. Но разве ты не был вознагражден?

Ф е л и к с. Был, конечно… Но теперь! Проклятая шайка!

К а р и н. Может быть, они просто хотят понизить тебе гонорар?

Ф е л и к с. Да нет, я всегда получал в общем-то не больше других… Талдычат одно и то же *(передразнивая)*: ваши тексты уже не совсем на уровне, недостаточно оригинальны, не отвечают возросшим требованиям… *(Громко, раздраженно.)* Но что именно я…

К а р и н. Тсс! Дети!

Ф е л и к с *(тише)*. Что именно я сделал «Метеор», об этом они забыли, я вытянул всю эту историю с фенизолом… И как будто не я сплавил эту «Вирсану»! Да они бы и полкило не продали, если б я не доказал, что это дерьмо — не дерьмо, а чистое золото! Я сделал все это, слышишь, я! А теперь *(передразнивая)* я, видите ли, недостаточ-

но оригинален!..

К а р и н. Но, может быть, ты и правда уже недостаточно оригинален?

Ф е л и к с. Потому что так говорит этот осел Весселли? *(Вымученно смеется.)*

К а р и н *(примирительно)*. Это не мое мнение, Феликс. Я, скорее, готова верить, что твои тексты так же удачны, как прежде, — и даже лучше, чем прежде.

Ф е л и к с. Разумеется, лучше, в конце концов, я кое-чему научился за эти годы… Но в том-то вся и штука: они слишком хороши. Слишком интеллектуальны. А это теперь неуместно. И в рекламе — как и во всяком общественном деле. Теперь все должно быть настолько плоским, чтобы уместилось даже в самой плоской голове. *(Пауза.)* И это неизбежно, Карин! Чем к большей массе я обращаюсь, тем меньше от меня требуется тонкости, тем меньше я должен думать об отдельной личности. Если сто человек маршируют вместе, то равняться они вынуждены на того, кто идет всех медленнее; если я обращаюсь к сотне человек сразу, я должен подбирать слова, которые поймет и самый глупый из них.

К а р и н. Так не должно быть.

Ф е л и к с. Но так есть. Такова тенденция вре-

мени. Раз дураков нельзя заставить быть умнее, то заставляют умных отрицать свой разум и отказываться от своего развития: верху-де легче приспособиться к низу, чем наоборот.

К а р и н. А если умные не подчинятся?

Ф е л и к с. Подчинятся, их нужно только сломить! Все искусство создания общественного мнения состоит в том, чтобы сломить несколько умных людей. Их изолировали от общества и позволят вернуться в него, только если они поступятся своим разумом. *(Горько смеется.)* Нужно только быть последовательным в своем отношении ко всем людям в массе, как к самому глупому среди них; нужно только приучить всех к мысли, что есть, в конце концов, уровень, на котором все могут договориться, — духовный уровень неандертальца.

К а р и н. Не знаю, Феликс… Не думаешь ли ты о людях хуже, чем они есть на самом деле? Ну где ты нашел неандертальца?..

Ф е л и к с. В каждом человеке! В каждом человеке живет неандерталец, как и… ну, положим, Гёте. Беда в том, что неандертальца в человеке поощряют, Гёте — высмеивают и мешают развиться. Тут все заодно: газеты, радио, телевидение; политика партий строится исключительно

на этой тактике; а уж нам, сочинителям рекламы, сам бог велел на ней основываться. Все, кто имеет дело с массой, поступают именно так. Но кто хочет использовать массу, тот сам становится ее жертвой. Годами обрабатывали мы публику, закабаляли ее — и вот, как только проснулись в ней первые потребности, она садится нам на голову… Зверь почуял кровь, и теперь его не удержать. Он загнал нас в тупик превосходных степеней, смешных преувеличений, безвкуснейших славословий — и баста! Теперь остается соревноваться в тупости, в несуразице, в банальщине… То есть в поисках еще более глупого, до уровня которого можно было бы низвести всю публику. И вот здесь-то господа Вессели и Эрмендингер заткнули меня за пояс — потому что им такая манера сподручней, чем мне!

Пауза.

К а р и н. Ты думаешь… причина — в этом?

Ф е л и к с. Не вижу никакой другой.

К а р и н *(нерешительно, осторожно)*. Может быть, тебе потому все кажется таким… безнадежным, что ты хочешь найти для себя хоть какую-нибудь причину, объяснение?

Ф е л и к с. Так ведь и Вессели имеет в виду

то же самое, когда говорит о требованиях времени. Поглупеть, приспособиться к низу — вот все их требование… *(Яростно.)* Но я не могу притворяться глупее, чем я есть! *(Пауза.)* И не хочу участвовать больше в этом обмане, в этом блефе!..

К а р и н *(тихо, задумчиво)*. Все эти годы ты был в таком восторге от своей профессии…

Ф е л и к с *(задумчиво)*. В восторге… Мой бог, я старался все делать как можно лучше, и, конечно, это было для меня интересно, особенно после скучнейших предвоенных лет, проведенных на ферме *(зло)* моего милого дядюшки. И потом, это легко у меня получалось, возможностей для творчества было полно… *(Пауза.)* Я ведь не знал тогда, на что пускаюсь. Правда не знал. *(Задумчиво, с отвращением.)* Пробуждать потребности… Ты знаешь, пятьдесят процентов всех продуктов, которые выпускает современная Америка, пятьдесят лет назад даже не были известны, ты только подумай! Или пройдись по улицам и приглядись к витринам…

К а р и н *(с легкой иронией)*. Ну уж, не принуждай меня к этому, Феликс!

Ф е л и к с. …а потом честно признайся, что тебе действительно нужно из этого хлама. Положа

руку на сердце ты скажешь, что тебе вообще ничего не нужно. С тех пор как живут люди, они прекрасно обходились без всех этих холодильников, кремов, модельных платьев и всякой всячины — и жили, может быть, не хуже нашего, а вот теперь, видите ли, теперь это всем позарез необходимо… Как бы не так!

К а р и н. Это ты теперь так говоришь.

Ф е л и к с. То есть?

К а р и н. Когда у нас нет денег все это купить.

Ф е л и к с. Просто у нас в данный момент туговато с деньгами.

К а р и н. В данный момент?..

Пауза.

Ф е л и к с *(тихо)*. Раньше ты не придавала этому значения.

К а р и н *(задумчиво)*. Раньше…

Ф е л и к с *(деловито)*. Да.

К а р и н *(почти мечтательно)*. Да…

Пауза.

Ф е л и к с. Я поговорю с Керстеном. Он был всегда добр ко мне, а не только вежлив… И потом, он мне многим обязан. Тогда в этой истории с Купишем, ты помнишь… Керстен мне поможет.

К а р и н. То же самое ты говорил о Весселе.

Ф е л и к с *(нетерпеливо)*. Керстен — это не Весселе. Керстен — порядочный человек, я знаю. *(Пауза.)* Позвоню-ка я ему сегодня же. Как ты думаешь?

К а р и н. Ну, если у тебя есть какие-то надежды… Кстати, звонить тебе придется из автомата. Наш телефон отключили.

Пауза.

Ф е л и к с. Несколько дней мы можем прожить и без телефона.

К а р и н. По мне, так хоть и совсем…

Пауза.

Ф е л и к с. Карин, ты веришь, что все изменится к лучшему? Что все будет как раньше? И, может быть, еще лучше?

К а р и н. А ты веришь в это?

Пауза.

Ф е л и к с. Да. *(Пауза.)* Если… если мы будем дружны, как раньше, Карин.

К а р и н *(трезво)*. Да?

Ф е л и к с. Да. *(Пауза.)* Карин! *(Пауза.)* Карин, я не сомневаюсь, что все опять будет в порядке,

что… Ах, Карин, ну почему ты не хочешь мне помочь? Я стараюсь изо всех сил… Нам нельзя сразу же опускать руки, паниковать! Нужно пережить этот кризис! А, Карин?

К а р и н. Да, да. Раз ты так говоришь…

Ф е л и к с. Вессели — человек ненадежный, я так и думал. Нужно поговорить с Керстеном, уж он подыщет мне что-нибудь — в «Юнайтед тобакко»…

К а р и н *(быстро)*. Где ты мог бы сейчас работать, если б принял их приглашение два года назад!

Ф е л и к с. Глупости! Там я не чувствовал бы себя свободным! Выбирать нужно то, к чему лежит душа.

К а р и н. Да, но теперь…

Ф е л и к с. Карин, я же говорю тебе: все изменится. Это временный кризис и ничего больше!

К а р и н. Кризис, длящийся уже больше года!

Ф е л и к с. Ну хоть ты не раздражайся, Карин!

К а р и н. Прости, я не хотела.

Ф е л и к с. Нам нельзя распускать нервы, особенно теперь. Карин! Нужно продержаться до следующего большого заказа. Мне бы получить только одну большую работу, и мы сразу выкарабкаемся. Только одну — и все пойдет к лучшему.

К а р и н. А если продать машину?

Ф е л и к с. Ни в коем случае! Ну что я такое без машины?! Да меня никто не примет всерьез, если я приеду в трест на трамвае, как сотни других безработных. Ни в коем случае! Жаль вот только, что я в свое время не купил марку подороже!

К а р и н. А если сдать ее в аренду на полгода?

Ф е л и к с. Я ведь уже сказал тебе, почему это невозможно.

К а р и н. Скоро мне нечем будет вас кормить.

Ф е л и к с. Машина — это очень важно для меня, ты должна понять, Карин. В такое время, как наше, очень важно уметь себя подать.

К а р и н. А есть, платить за квартиру, одеваться, содержать детей — это не важно?

Ф е л и к с. Ну конечно, важно, Карин. Я ведь ни в чем тебя не упрекаю.

К а р и н. В свое время нам нужно было откладывать на черный день.

Ф е л и к с. При такой дороговизне? Ведь мы хотели иметь уютную квартиру, машину, хорошо одеваться, интересно проводить отпуск, кроме того, прилично есть и пить, принимать гостей, ходить в театры… А дети, думаешь, ничего не стоят?

К а р и н *(жестко)*. Не стоит говорить о детях.

Ф е л и к с. Я их тоже хотел, как и ты. *(Пауза.)* И потом, ты все время забываешь о служебных издержках…

К а р и н. Когда ты начинал, тебе не была нужна ни машина, ни шикарная обстановка… И ел ты что подадут. А, да что там вспоминать! *(Пауза.)* И тогда все было хорошо, все было в порядке — без машины и без коктейлей…

Ф е л и к с. Будем экономить как сумеем.

К а р и н. Мы давно уже разучились это делать. Ты, во всяком случае.

Ф е л и к с. Если у меня появится цель, Карин, — как тогда, я снова научусь. Ведь тогда я умел экономить, вспомни, как мы с тобой экономили.

К а р и н. Экономила я.

Ф е л и к с. Но и я тоже, Карин. Легкомысленных расходов я наверняка не делал.

К а р и н. Не будем спорить.

Ф е л и к с. Ну почему ты не хочешь мне помочь?

К а р и н. Я делаю что могу.

Ф е л и к с. Вместо того чтобы воодушевить меня, ты еще больше меня разлагаешь.

К а р и н *(с удивлением)*. Разве? Нет, в самом деле? Я бы хотела, чтобы было наоборот, Феликс.

Ф е л и к с. Но ведь так все и есть, Карин. Твоя

деловитость убийственна. Как будто души твоей это просто не касается. Раньше все было совсем по-другому. *(Пауза.)* Я теперь часто вспоминаю о том, как мы начинали… Чудесное было время, не правда ли, Карин?

К а р и н. А хорошо ли ты помнишь… то время?

Ф е л и к с. Еще бы! Теперь как-то особенно отчетливо.

К а р и н *(устало)*. Что ж, это хорошо.

Пауза.

Ф е л и к с. Карин, ты действительно очень изменилась.

К а р и н. Ты так считаешь?

Ф е л и к с. Да.

К а р и н. Постарела?

Ф е л и к с. Совсем нет! То есть, конечно, мы стали старше, но не в том дело! *(Пауза.)* Карин, иногда мне кажется, что ты стала ко всему равнодушной.

К а р и н *(с жаром)*. Нет, Феликс, только не это! Это неправда!

Ф е л и к с. В самом деле?

Пауза.

К а р и н. Тебе кажется, что я ко всему равно-

душна?

Ф е л и к с. Да. Что тебя больше интересует то… ну, то, скажем, что происходит на поверхности. Что заполняет нам время, неделю за неделей, от одного первого числа до другого, от одного года к следующему… и все как-нибудь, на авось, как будто смысл жизни… *(пауза)* в том, чтобы убить время…

К а р и н. Феликс, мне иногда приходит в голову, а что было бы…

Ф е л и к с. Если?

Пауза.

К а р и н. А, ничего, пустое, Феликс…

Ф е л и к с *(значительно)*. Что было бы, если бы ты меня оставила?

К а р и н *(с жаром)*. Нет, Феликс, нет! *(Пауза.)* О, Феликс, зачем мы вообще начали весь этот разговор! Теперь все пойдет кувырком… все… *(Плачет.)* Все… *(Пауза.)* Нет, Феликс! Об этом я никогда не думала. Но, если б мы разошлись, теперь не было бы все потеряно. *(Чуть не плача.)* Но нет, Феликс! Я никогда не думала о разводе.

Ф е л и к с *(мрачно)*. Карин!.. Не плачь, Карин! Закури сигарету! На! *(Щелчок зажигалки.)* И поговорим обо всем спокойно, ладно? Слышишь,

Карин. Мы начнем сначала…

К а р и н *(слабым голосом)*. Как будто ничего не случилось?

Ф е л и к с. Не совсем, конечно, так. Но главное, Карин, чтобы мы опять были заодно, вместе — как тогда!

К а р и н *(с отчаянием)*. Но сейчас — не как тогда!

Ф е л и к с *(умоляя)*. Но ведь так может быть снова?

К а р и н. Никогда!

Пауза.

(Тихо.) Феликс, вот ты говоришь, что я изменилась. Это верно: я изменилась. Но я этого не заметила… Что только не приходило мне в голову за это время! Но мысли мои сводились к одному: как сделать так, чтобы все поправилось. И только теперь, когда мы заговорили об этом, я поняла, что это совершенно бессмысленно, что уже поздно. *(Пауза.)* Сначала, Феликс, когда ты говорил о манипуляциях на общественном мнении и так далее, — мне на какое-то время показалось, что все стало как прежде. *(С отчаянием.)* Но я-то какова? Все только дразнила и злила тебя, как ты говоришь, — разлагала. *(Чуть не плача.)* Хотя

я этого совсем не хотела, совсем. Но, Феликс, — я уже не способна ни на что другое. Я стала кем-то другим, я не узнаю себя! *(Пауза.)* Что-то оборвалось во мне, какая-то связь с прошлым, с нашим прекрасным прошлым. И я уже совсем другая, совсем не та, какой была прежде… *(Пауза.)* Все это время, пока мы ждали перемен и молчали, я этого не замечала, и вот только теперь, когда мы заговорили об этом… Феликс, зачем мы так жили, о мой милый Феликс!..

Ф е л и к с. Ты все преувеличиваешь, Карин!.. А на самом деле все проще, просто мы двое, ты и я, Карин…

К а р и н *(перебивая)*. Я бы очень хотела, Феликс, но я ни на что не способна больше… *(Громко.)* Я хочу, очень хочу сделать все, что могло бы спасти нас, что могло бы пойти нам на пользу, помочь… Но то, что я еще могу, — могла бы сделать для тебя любая другая женщина, любой другой человек! Хоть автомат! Робот!

Ф е л и к с. Но, Карин! Важно ведь, что это делаешь ты!

К а р и н. Я?! Я?! А что от меня осталось?.. Феликс, я хочу, но не могу больше. Как будто хочу что-то вспомнить и не удается.

Ф е л и к с. Мы попробуем вспомнить вместе.

К а р и н. Мы ничего уже не попробуем сделать вместе. Ты остался один.

Ф е л и к с. Я не один. Со мной ты!

К а р и н. Я так же мало с тобой, как что-то, что увядает, когда им не пользуются.

Ф е л и к с. Но ты нужна мне, Карин!

К а р и н *(печально)*. Я могу быть тебе так же мало полезна, как орган, которым не пользовались, и он засох… умер.

Ф е л и к с *(страстно)*. Нет!

К а р и н. Нет? Не умер? Потому что сердце еще бьется?.. Феликс! Сердце все еще бьется, но оно перестало что-либо чувствовать. *(Пауза.)* Где-то я читала, что через каждые семь лет все клетки человека заменяются. А выглядим мы все так же. У меня же такое чувство, что вместе со старыми клетками исчезла прежняя я. *(Пауза.)* Я этого долго не замечала. Даже не догадывалась, что так может быть. *(Пауза.)* Столько лет я все ждала своего часа и все надеялась, что еще не поздно. Надеялась до самого последнего времени — до этого разговора с тобой. Я все ждала — и не замечала, как ожидание изнашивает человека, сводит его на нет. *(Пауза.)* Поэтому, если б я ушла тогда, когда начала ждать, то теперь, когда я тебе опять нужна, я могла бы вернуться, — может

быть, не в целости и невредимости, может быть, в ссадинах и шрамах, но внутренне живой. Я же осталась с тобой — и умерла, и мы оба с тобой этого не заметили. И вот только сегодня… только сейчас я заметила, что умерла. *(Пауза.)* Умерла и не заметила как! *(Пауза.) (Сдержанно и деловито.)* И ведь не тяжелые какие-нибудь годы меня уничтожили, нет, а вполне пристойные, хорошие. Настолько хорошие, что смена их даже не замечалась!

Ф е л и к с *(с ужасом)*. Карин! Что же это, господи, разве я не заботился о тебе, Карин, разве я не делал все, что мог…

К а р и н *(перебивая его)*. Ну конечно, заботился, покупал элегантные платья, брал с собой в интересные путешествия, позволяя мне проводить вечер с приятельницами за бриджем или играть, когда вздумается, на фортепьяно, уважал мои увлечения, удовлетворял мои желания и даже капризы… Нет, нет, Феликс, у меня было все, что делает жизнь уютной, не было только одного — сознания, что я тебе нужна. Ты дал мне все, кроме этого сознания. Именно в те годы, когда это было необходимо, — в хорошие годы. *(Пауза.)* А в тяжелые оно приходит само по себе; явный, видимый враг заставляет держаться теснее,

объединяться, — хотя бы для того, чтобы одному стоять на страже, пока другой ворует уголь на железной дороге.

Ф е л и к с *(с живостью)*. Да, так ведь и было — в первую послевоенную зиму!.. Значит, ты еще помнишь…

К а р и н. В хорошие же годы все можно было купить. Что бы ни понадобилось — деньги на стол или чековую книжку, и проблема решена. Только то, что походило на балующую судьбу, было на самом деле медленной смертью, что походило на роскошь — было нищетой. *(Пауза.)* И я ждала все это время, ждала, как изнемогающий от жажды, — одной частью души ждала смерти, а другой — избавительной влаги и все верила, что мне удастся вымолить ту каплю воды, которая меня спасет… Ты же погряз в своих делах и все не мог вырваться, ты сам заковал себя в цепи, которыми еще гордился… а от меня ты откупался то вечерним платьем, то двухнедельным курортом, то шампанским и розами к дню рождения… *(Пауза.)* О, как я была одинока!..

Ф е л и к с. А дети? Ведь у тебя были дети…

К а р и н. Дети? Да, дети… Но ведь это совсем другое, Феликс, этим не заменишь то… чего ты меня лишил. *(Поспешно.)* Знаю, знаю, многие

женщины в детях находят утешение, когда брак их пуст. Я так не умею. У слепых, говорят, обостряется слух, но разве этим можно утешиться?.. Нет, Феликс! Счастье, которое мне выпало с детьми, не перевешивает несчастья с тобой. Той частью души, которой я повернута к тебе, я была одинока все эти годы. И я сто, тысячу раз пыталась выпросить у тебя эту спасительную каплю, расковать тебя, освободить от твоего рабства и заточения в себе самом. Сколько раз я стояла у окна, прижавшись лбом к стеклу, и прислушивалась к шуму машин на улице, к шагам на лестнице и все думала, думала, подбирала и взвешивала каждое слово, которым хотела открыть тебе глаза — твои залепленные успехом глаза… *(Оживляясь.)* И вот наконец появлялся ты — с папкой под мышкой, с сорванным на ходу цветком… Ты звонишь, я бегу к двери, открываю, ты спрашиваешь, была ли почта, звонил ли кто… Я иду за тобой в комнату, беру у тебя шляпу, наливаю коньяк тебе и себе, говорю…

Голос Карин становится звонче, выразительнее, живее. Паузы даются так, что возникает ощущение диалога.

Твое здоровье, Феликс! Садись, что же ты сто-

ишь!

Пауза.

Снова уходишь? Ну посиди хоть пятнадцать минут! И без того набегался сегодня! Мне прямо страшно за тебя!

Пауза.

Именно страшно! Страшно, что и ты пропадешь в этой мясорубке, в которой многие уже пропали.

Пауза.

С чего я взяла? Я же вижу, Феликс. Ты не человек уже, а придаток своей машины.

Пауза.

Конечно, я все понимаю, Феликс, ты должен знать свое дело, должен уметь делать его лучше других, должен зарабатывать для нас деньги… только мне кажется, ты мог бы делать все это… ну, с меньшей серьезностью, что ли.

Пауза.

Ну конечно, все это важно и серьезно, но не настолько же, Феликс, чтобы из-за этого жертвовать

собой. *(Поспешно.)* Будешь еще коньяк? *(Смеется.)* Вот-вот, ты весь в этом вопросе: «Сколько времени?» Все у тебя продумано, распланировано, разложено по полочкам. Сам стал заводным, как часы: без собственной воли, без личных интересов; разучился радоваться тому, что тебя окружает.

Пауза.

В чем это проявляется? Да во всем, что ты делаешь! Во всем есть для тебя свой смысл, своя польза, исчислимая ценность! Коньяк ты пьешь потому, что он тонизирует. Купаться ты ходишь потому, что это полезно для организма, а не просто потому, что тебе приятно побыть в прохладной воде, как раньше. Апельсины ты ешь ради витаминов… Когда ты ешь апельсины, Феликс, я часто вспоминаю один эпизод из твоей жизни — когда ты воевал в Америке, помнишь? Тебе страшно хотелось пить, и кто-то дал тебе апельсин, и ты подумал, что мы разучились ценить все вещи в мире, потому что привыкли считать их само собой разумеющимися. А теперь, Феликс, для тебя все настолько само собой разумеется, что ты ничему не удивляешься, ничему не радуешься так, как тогда — апельсину.

Пауза.

Работа! Конечно, я рада, что ты так печешься о нас. И благодарна тебе за это. Но иногда мне почему-то бывает страшно, и тогда все — и цветы, которые ты мне приносишь, и платья, которые ты мне покупаешь, и даже твоя вежливость вдруг кажутся мне подозрительными… Феликс, у меня часто бывает такое чувство, что ты делаешь все это как-то машинально, словно по привычке. Вся твоя жизнь стала сплошным принуждением, к которому ты привык и которого не замечаешь. Ты уже забыл, что можно жить по-другому.

Пауза.

А ведь раньше все было не так. Вспомни!

Пауза.

Ну и что же, что время было трудное, отчаянное. Мы-то не отчаивались, вот что главное! Мы были полны воодушевления, мужества, доверия друг к другу — и крепко держались один за другого! Не сдавались! И ведь не было ни квартиры, ни твердого заработка, ни богатых родственников — ничего! Никто не хотел нам помочь, и все-таки мы выбились собственными силами!

Пауза.

Не только я, мы оба выдержали, Феликс!

Пауза.

Как он заманивал тебя! Думал купить за пачку маргарина!

Пауза.

Помню, помню, ты чуть не принял его предложение, чтоб только покончить с неизвестностью, как-нибудь прояснить положение — не важно как! Но тогда б ты простился со всеми своими планами, дядюшка никогда бы не дал тебе развернуться.

Пауза.

Да разве могла я посоветовать что-нибудь другое, разве могла я сомневаться, что мы выдержим? И через несколько месяцев лед тронулся, ты получил первый заказ. Как я была счастлива, Феликс! Чуть с ума не сошла от счастья — и от гордости за тебя!

Пауза.

А как мы пошли за покупками, помнишь? В первый раз после войны ты купил себе ботинки,

а мне достался серебряный браслет… Я носила его, как орден! Понимаешь, Феликс?

Пауза.

Что там заслужила, Феликс! Иначе я и не могла поступить, не могла предать тебя. *(Поспешно.)* Будешь еще коньяк?

Пауза.

Я совсем не хочу, чтобы ты забросил свою работу, Феликс, я только боюсь одного: что из-за нее ты перестанешь быть живым человеком, человеком, которого я могу любить, который сам себя любит!

Пауза.

До этого еще далеко, ни я чувствую, как твой успех постепенно тебя замораживает. Мне уже бывает холодно около тебя, когда раньше было так тепло и надежно. Я часто вспоминаю наши первые годы — вот тогда были действительные успехи. Тогда мы страдали, но и испытывали большую радость, теперь же — ни того ни другого.

Пауза.

Так ли все скверно? Пока еще нет, по-моему. Пока мы еще вместе, пока ты еще спрашиваешь, так ли все скверно, — у нас еще есть надежда… Но многое уже изменилось. Ты изменился. То настроение, с которым мы начинали, исчезло. Теперь нас подгоняет обязанность преуспевать, это похоже на погоню, в которой догонявший стал преследуемым.

Пауза.

В чем ошибка?.. Я много думала над этим и пришла к выводу: ошибка в том, что средства подменили цель.

Пауза.

Это непросто объяснить; чем больше я ломаю голову, тем больше путаюсь в словах и понятиях… Такая же путаница в нашей жизни, где все поменялось местами, и мы совершенно забыли о том, что те вещи, которые составляют наше счастье, на самом деле никак не могут сделать человека счастливым — счастливым по-настоящему — и что их назначение совсем в другом. *(Поспешно.)* Ну конечно, мы должны иметь квартиру, машину, прислугу, деликатесы из кулинарии, отдых в Италии, по вечерам принимать гостей, угощать

их шампанским и французским коньяком… но при этом мы не должны забывать, что все это имеет смысл лишь постольку, поскольку мы счастливы, а не наоборот! У нас же все перепуталось, Феликс, и потому мы не счастливы! Правда, давно уже не счастливы. И никогда не будем счастливы снова, если не научимся умерять свои запросы тем, что нам достается, пока мы еще не жертвуем самими собой.

Пауза.

Именно умерять, потому что я не верю больше, что удовлетворение запросов может принести нам счастье.

Пауза.

Я думаю, счастливы мы только тогда, когда свободны. А свобода возникает только тогда, когда мы добровольно отказываемся от некоторых возможностей, отказываемся от погони за ними. А пока же мы тянемся за все новыми и новыми благами, мы не можем быть счастливы, Феликс… ни ты, ни я — никто.

Пауза.

Где ты просмотрел свое счастье?.. По-моему,

тебя ослепили успехи, ты разучился знать им цену, разучился оставаться в своих границах. Ты привык к успехам, они стали для тебя чем-то само собой разумеющимся.

Пауза.

(Поспешно.) Знаю, знаю, что ты скажешь: что в хорошей квартире жить лучше, чем в плохой, что хорошо питаться достойнее человека, чем есть кое-как, что иметь друзей приятнее, чем обивать пороги и выслушивать дежурные советы и утешения, — все это я прекрасно понимаю!.. Ты боялся променять одно на другое, и тем больше боялся, чем больше преуспевал. Только бы не оглядываться на эту бездну нашего нищенского прошлого! Стоило тебе вспомнить, в каких условиях мы начинали, как тебя охватывал панический ужас, что все это вернется — голод, лишения, зависимость от чужих людей и чужих интересов, унижение, отчаяние…

Пауза.

Откуда я знаю? Феликс! Разве не рядом с тобой прожила я столько лет? И видела: чем успешнее ты работал, тем больше боялся… Боялся, что прошлое возвратится. Боялся, что твое благополучие

тебе только снится, а стоит тебе проснуться — и ты опять в нищете и нужде, от которых избавился только в своих грезах.

Пауза.

Ты можешь и не соглашаться, Феликс, меня ты не разубедишь, я-то вижу, что чем больше ты предаешься цифири, тем больше тебе кажется, что успех тебе просто пригрезился. Тебя уносит бесконечный конвейер, а ты не решаешься выпрыгнуть из него, потому что за ним — неизвестность.

Пауза.

Конечно, ты никогда не забывал о том времени, но оно казалось тебе все мрачнее и мрачнее. Страх окрасил твое прошлое одной черной краской. А ведь когда-то оно казалось прекрасным даже тебе.

Пауза.

Оно давало нам силы — оно опять их нам даст, если мы сумеем снять с него мрачный покров.

Пауза.

Да, мы оба, Феликс! Оба! Одному это не под

силу! Но нам вместе…

Пауза.

Тогда страх исчезнет, как будто он нам приснился… Мы не будем бояться нашего прошлого и смело пойдем навстречу будущему, которое будет еще лучше…

Пауза.

Хочешь этого?

Пауза.

Можешь?

Пауза.

Со мной?

Пауза.

Вместе со мной?

Голос Карин — вновь усталый, медленный, постаревший.

Но весь этот разговор состоялся только в моем воображении. На самом деле все было иначе. Ты звонил, я бежала к двери, ты спрашивал, не было ли почты, не звонил ли кто… Я шла за тобой в

комнату, брала у тебя шляпу, наливала коньяк тебе и себе, говорила…

Голос Карин — живой, но достаточно сдержанный, трезвый, печальный.

Твое здоровье, Феликс! Садись, что же ты стоишь!

Ф е л и к с *(сердито, про себя)*. Опять Драбил не звонил, ну что ты будешь делать!

Пауза.

Сколько времени?

К а р и н. Пятый час.

Ф е л и к с. Сколько пятого? Ты же знаешь, как я всегда тороплюсь.

К а р и н. Скоро четверть.

Ф е л и к с *(сердито бормочет)*. Нелепость какая… *(Громко.)* Какой номер телефона у Стефани? Сорок четыре шестнадцать?..

К а р и н. Сейчас!.. Сте-фа-ни… Сорок четыре шестнадцать восемьдесят девять…

Ф е л и к с. Вечно путаю восемьдесят девять и девяносто восемь. Ты тоже? *(Набирает номер.)*

К а р и н. Я ведь не так часто звоню, как ты!

Ф е л и к с. Память совершенно отказывает. Сплошное решето. Черт знает… *(Громко, любез-*

но.) Алло! Гильдебранд. Целую ручки, мадам. А ваш супруг? Ах уже уехал! Ну так я его там увижу через полчаса… Что вы говорите! Ну так мне надо торопиться!.. Сегодня вечером?.. Вообще-то с большим удовольствием… Одну секунду… *(Тихо, поспешно.)* Что у нас сегодня вечером?

К а р и н. Сегодня?

Ф е л и к с. Побыстрей! Посмотри же! Ведь она ждет!

К а р и н. Сегодня у нас…

Ф е л и к с. Двадцать шестое. Скорей!

К а р и н. В календаре ничего.

Ф е л и к с *(снова громко и любезно)*. Мадам, с большим удовольствием. Я только не был уверен… Как, и ваш супруг тоже? Представляю себе, еще бы! *(Смеется.)* Такова наша жизнь!.. Но не будем отчаиваться, не так ли?.. Ну разумеется, нет, мадам… Итак, во сколько?.. Очень хорошо. В восемь. Тогда — до восьми, мадам! До свидания. *(Вешает трубку, в другом тоне.)* Позвонит Драбил — скажи, я с половины пятого до семи на ярмарке, потом буду ужинать где всегда до восьми. Пусть обязательно мне позвонит. Сегодня же!

К а р и н. А что со Стефани?

Ф е л и к с. Нужно пойти, Карин. У них будет

сегодня один американец, большой зубр в нашем деле. Это может мне пригодиться, понимаешь?

К а р и н. Я обязательно должна быть при этом?

Ф е л и к с. Если хочешь, конечно. Опять будет профессиональный треп.

К а р и н. К нему я привыкла.

Ф е л и к с. Но вообще будет мило. Стефани умеют обставить такие вещи. Ну, ты еще можешь подумать. Если надумаешь, возьми такси и заезжай за мной после семи. Хорошо?

К а р и н. Хорошо.

Ф е л и к с. Да… ты прости, что я немножко понервничал, когда звонил.

К а р и н. Ну стоит ли об этом, Феликс!

Ф е л и к с. Нет, нет, как же. Мне правда неприятно. Но знаешь, у меня голова прямо пухнет…

К а р и н. Ты слишком много работаешь. Ты себя убиваешь.

Ф е л и к с. Ну нет! Ты зря волнуешься. Я прекрасно себя чувствую, я в лучшей форме…

К а р и н. Я имею в виду не только физическое состояние, Феликс!

Ф е л и к с. А что же?

К а р и н. Ты весь — одна сплошная активность.

Ф е л и к с *(смеется)*. И слава богу! Иначе меня бы давно обскакали. Знаешь, какая у нас конкуренция…

К а р и н. Я как-то все больше задумываюсь о твоем счастье, Феликс.

Ф е л и к с *(нежно и шутливо)*. Знаю, знаю, Карин.

К а р и н *(не очень решительно, но стараясь быть настойчивой)*. Я… знаешь, я боюсь за тебя, боюсь, что ты превратишься в простую функцию того, что ты называешь бизнесом, понимаешь, Феликс?

Ф е л и к с *(успокаивая)*. Вполне, Карин! Но ты в самом деле можешь не бояться, и главное — ты заблуждаешься насчет моей профессии. Вы, женщины, всегда видите все по-своему…

К а р и н *(с живостью)*. Да! А вам не следует думать, что наши глаза устроены хуже ваших!

Ф е л и к с. Человечество спорит об этом уже тысячу лет, а у меня считанные минуты. *(Ласково.)* В другой раз, а?

К а р и н. Ты всегда так говоришь!

Ф е л и к с. Я и так уже задержался!

К а р и н. Ты обещал уделять мне больше времени.

Ф е л и к с. Как будто то время, в которое я делаю

деньги, не принадлежит тебе!

К а р и н *(тихо, просительным тоном)*. Феликс!

Ф е л и к с *(деловито, но все еще ласково)*. Да? *(Пауза.)* Ну в чем дело?

Пауза.

К а р и н *(нерешительно)*. Значит, если я надумаю идти сегодня, то заеду за тобой после семи?

Ф е л и к с. Да. Но не опаздывай, в восемь мы должны быть у Стефани.

Голос Карин — вновь усталый и постаревший.

К а р и н. И ты опять убежал — вдогонку за своим успехом, придавленный обязанностью иметь успех, успех во что бы то ни стало… И так было не раз за эти годы, но сто, тысячу раз, так было каждый день.

Голос Карин — в иной интонации.

(Без упрека.) Как ты поздно, Феликс!

Ф е л и к с *(устало)*. Все совещались… как всегда. *(Пауза.)* Почты не было?

К а р и н. Целая гора. Вон там.

Ф е л и к с *(бормочет)*. Кушни… Рекенвальд и компания… Алоис Вегшейдер — кто это, Карин?

Вегшейдер?

К а р и н. Кажется, он звонил на той неделе и договорился…

Ф е л и к с. Ах да! *(Бормочет.)* Министерство финансов… *(Громко.)* Как с налогами?..

К а р и н. Заплатили. Я была в пятницу.

Ф е л и к с. Очень хорошо! *(Бормочет.)* Клаус и Шобер… *(Громко.)* А, старик Цвингерле тоже нас вспомнил!.. Еще раз Кушни… Ну ладно!.. Есть что поесть? В три мне нужно в бюро.

К а р и н. Стол накрыт. *(Вспомнив.)* Да, вот еще пакет.

Ф е л и к с. Этот? *(Радостно.)* О, это, должно быть…

Шелест бумаги.

Ну-ка, ну-ка… Точно! Так и есть!.. Карин, это книжка!.. Здорово!

К а р и н. Садись же за стол!

Ф е л и к с. Великолепно!.. Что дети?

К а р и н. Уже спят. Ведь поздно, я не могла их задерживать.

Ф е л и к с *(грустно)*. Я их вообще больше не вижу… *(Вновь заинтересованно.)* Это потрясающая книга, Карин! Сто лучших американских реклам. Тут есть чему поучиться! Они здорово

освоили дело!

Звон приборов.

К а р и н. Посмотришь ее после еды, хоть поешь хорошенько.

Ф е л и к с *(с живостью)*. Вот, взгляни только на это…

К а р и н. После еды! Ты хоть бы за едой отдыхал, отключался…

Ф е л и к с *(ласково)*. Я так и делаю, Карин! Но такая книга!

К а р и н. Мог бы посмотреть ее и потом! Ты скоро превратишься в автомат, в заводные часы… Никакой личной жизни…

Ф е л и к с. Ну, это временно, дорогая.

К а р и н. Это длится уже месяцы, если не годы! Ты просто уже не замечаешь.

Ф е л и к с. Ах…

К а р и н *(уговаривая)*. Это плохо кончится. Ты себя губишь…

Ф е л и к с. Это смешно, Карин! *(Примирительным тоном.)* Твое волнение трогательно, но неоправданно, Карин. Я здоров как бык!

К а р и н. И слава богу, Феликс. Но…

Ф е л и к с *(в полном восторге)*. Взгляни на эту картинку! Здорово! Первый класс!

К а р и н *(почти резко)*. Прошу тебя, Феликс. Если уж мы видимся всего полчаса, то ты бы мог уделить их мне целиком. Становится непонятным, зачем я тебе вообще? Если все пойдет так и дальше, то я не смогу понять этого, Феликс! Я могу тогда просто уйти или умереть, и меня с тем же успехом заменит другая!

Ф е л и к с *(опешив)*. Что ты говоришь, Карин! И все из-за этой книги? Я ждал ее целую вечность, и вот наконец она пришла…

К а р и н. Феликс, разве существуешь один ты в целом мире?

Ф е л и к с *(беспомощно и заискивающе смеется)*. Карин! Ну Карин…

Пауза.

К а р и н. Феликс!

Ф е л и к с *(деловито)*. Да? *(Пауза.)* Ну что ты хотела сказать?

Пауза.

К а р и н. Я ведь понимаю, что ты рад этой книге…

Ф е л и к с *(примирительно)*. Ну вот видишь! Ты ведь тоже бываешь рада шляпке или выигрышу в бридж.

Голоса звучат, как в начале пьесы.

К а р и н. С тобой невозможно было поговорить серьезно, ты все спешил, торопился куда-нибудь, возвращался усталым, изможденным, постоянно думал о чем-то своем… У меня ничего не получалось. Сколько бы я ни пыталась поговорить с тобой о том, что меня мучило, все мои попытки разбивались о стену деловитости, уверенности в себе, оптимизма…

Изменение акустики.

Ф е л и к с. Да, да, я понимаю тебя, Карин. Я бы тоже рад был отдохнуть, но сейчас в самом деле никакой возможности, Весселя уезжает завтра, и я должен…

Изменение акустики.

К а р и н. Мои просьбы никогда не достигали тебя, скользили мимо…

Изменение акустики.

Ф е л и к с *(почти весело)*. Страшно за меня? Карин, тебя преследуют призраки.

Изменение акустики.

К а р и н. Как будто я хотела взойти по гладкой

стене… и не могла! Но я все-таки пыталась все снова и снова, как будто ни разу не падала. Когда-нибудь — думала я — да удастся, когда-нибудь удастся задеть тебя за живое, внушить тебе мою тревогу за тебя, за нас всех. И я пыталась снова и снова…

Изменение акустики.

(Упрашивая.) Феликс!
Ф е л и к с *(успокаивая).* Карин!

Изменение акустики.

К а р и н. Но все напрасно, напрасно! Я только мучилась, уставала, отчаивалась, разуверялась… *(Пауза.)* И все больше становилась одинокой. Потому что от тебя оставалась одна оболочка — деловитости, озабоченности, честолюбия, погони за деньгами… Тот ты, которого я любила, постепенно исчез, осталась… мумия. *(Пауза.)* И вот тогда-то, по-видимому, я стала превращаться в живой труп.

Ф е л и к с. Карин! *(Умоляя.)* Карин! О чем ты говоришь? Все это неправда! Ну скажи, что это неправда! Скажи! *(Пауза.)* Карин! *(Слабым голосом.)* Карин!

К а р и н *(без выражения).* Увы, это правда.

Ф е л и к с *(умоляя)*. А если правда, Карин, то мы еще все исправим! Мы начнем с самого начала, Карин, и докажем, что это неправда!

К а р и н *(без выражения)*. Теперь невозможно начать сначала.

Ф е л и к с. Но если теперь уже поздно, почему же ты молчала об этом раньше?

К а р и н. Я не молчала… я пыталась с тобой поговорить. Ты же *(с болью)* никогда не слушал меня или *(с отчаянием)* не понимал!

Ф е л и к с *(бурно)*. Скажи, что еще не поздно!

К а р и н *(без выражения)*. Поздно, Феликс, поздно.

Пауза.

Ф е л и к с *(сухо)*. Ты хочешь, чтобы мы… разошлись?

К а р и н *(устало)*. Думаешь, что-нибудь для тебя изменится?

Ф е л и к с. Нет. *(Пауза.)* Но, может быть, для тебя.

К а р и н. Я не счастлива с тобой. Но это вовсе не значит, что я была бы счастливее без тебя.

Пауза.

Ф е л и к с. Да, да, конечно. *(Пауза.)* И все-таки,

по-моему… лучше сделать выводы…

К а р и н *(с иронией)*. Какие выводы?

Пауза.

Ф е л и к с *(деловито, но с примесью глубокого отчаяния)*. Что же нам делать?

Пауза.

(Порывисто, с чувством.) Что же нам делать, Карин?

Пауза.

(Тихо, медленно, уныло, почти машинально.) Что же нам делать?

Молчание.

Перевел Ю. Архипов.

Ингеборг Бахман
ДОБРЫЙ БОГ МАНХЕТТЕНА

Действующие лица и голоса

Добрый бог
Судья
Ян, юноша Старого Света
Дженнифер, девушка Нового Света
Билли }
Фрэнки } белки
Тюремный надзиратель
Секретарь в суде
Цыганка
Нищий
Портье
Бой-лифтер
Продавец газет
Двое детей
Бармен
Голоса, монотонные и бесполые

В зале суда.

Жужжит вентилятор — середина лета.

С е к р е т а р ь *(в дверях)*. Ваша милость…

С у д ь я. Да?

С е к р е т а р ь. Можно ввести обвиняемого?

С у д ь я. Да. И выключите вентилятор.

С е к р е т а р ь. Слушаюсь. В такую жару?

С у д ь я. Выключите, я сказал!

Открывается дверь. Т ю р е м н ы й н а д з и р а т е л ь вводит о б в и н я е м о г о.

Н а д з и р а т е л ь. Обвиняемый, ваша милость. *(Понизив голос.)* Вот сюда. И во время допроса — стоять, понятно?

Вентилятор замедляет вращение и останавливается.

С у д ь я *(изменившимся голосом)*. Сядьте!

Н а д з и р а т е л ь *(негромко, поспешно)*. Садитесь! Вы слышали — садитесь! Можно сесть.

С у д ь я. Вы можете идти, Суини. И вы тоже, Росси.

Н а д з и р а т е л ь. Как прикажете.

С е к р е т а р ь. Благодарю, ваша милость.

Оба выходят. На несколько мгновений воцаряется тишина. Судья перелистывает бумаги.

С у д ь я *(бормочет себе под нос, делая записи).* Нью-Йорк Сити… августа… тысяча девятьсот… пятидесятого… *(Затем четкой, бесстрастной скороговоркой.)* Имя, год рождения, место рождения, цвет кожи, комплекция, рост, вероисповедание, среднее потребление алкоголя? Психические отклонения…

О б в и н я е м ы й. Да вроде бы нет.

С у д ь я *(продолжает тем же тоном).* Обвиняется в убийстве…

О б в и н я е м ы й. В убийстве?..

С у д ь я *(вдруг меняет тон; равнодушно-доверительно).* Убийственная жара, не правда ли? Такого пекла давно не было. Впрочем, помните, шесть лет назад? Когда тех двоих — Джо Бамфилда и Эллен… Эллен…

О б в и н я е м ы й. Эллен Гей.

С у д ь я. Верно. Когда их убило бомбой. Тогда тоже была такая жара.

О б в и н я е м ы й. Помню.

С у д ь я *(извиняющимся тоном).* Разумеется, я вызвал вас не для того, чтобы беседовать с вами о высоких температурах.

О б в и н я е м ы й. Надеюсь.

С у д ь я. Но было бы глупо заставлять вас отвечать на вопросы, когда все ответы я и так знаю.

О б в и н я е м ы й *(презрительно)*. Вы?

С у д ь я *(продолжая делать записи, как бы мимоходом)*. Ну, например, вы занимали три комнаты в старом доме на углу шестьдесят третьей стрит и пятой авеню неподалеку от зоопарка…

О б в и н я е м ы й. О-о!

С у д ь я. Вы были арестованы полицейскими Бонди и Креймером в холле отеля «Атлантик», когда вы, сразу после случившегося, поспешно устремлялись к выходу…

О б в и н я е м ы й *(иронически)*. Устремлялся!

С у д ь я. Но ведь верно же, что вы…

О б в и н я е м ы й. Разумеется, верно. Но прошу прощения — я хотел бы вернуться к первому вопросу. Вы знаете также, кто я есть?

С у д ь я *(после короткой паузы, неуверенно, робко)*. Добрый бог Манхеттена. А некоторые говорят еще: добрый бог белок.

О б в и н я е м ы й *(взвешивая слова судьи)*. Добрый бог. Неплохо.

С у д ь я *(поспешно)*. В вашей квартире обнаружены три мешка с кормом для белок.

О б в и н я е м ы й. Их конфисковали? Очень жаль. Манхеттен делал на мне бизнес. Видели вы еще кого-нибудь, кто бы пользовался многочисленными автоматами с жареными орешками на

станциях подземки?

С у д ь я. Итак, вы покупали эти орешки для белок. Вы любитель животных? Говорят, есть страны, в которых эти звери пугливы и невинны; но у нас они выглядят злобными и развращенными и, по слухам, находятся в сговоре с самим дьяволом. Или вы торгуете животными? Обращаю ваше внимание на то, что я начинаю допрос.

О б в и н я е м ы й. Не знаю, в состоянии ли я удовлетворить чье-либо любопытство. Чего вы ждете от меня? Оправданий? В лучшем случае я могу вас просветить. Но если позволите старому человеку дать вам совет…

С у д ь я. Кажется, я хорошо сохранился. Но я уже сам не мальчик.

Д о б р ы й б о г. Начинайте с самого начала — или с конца! Внесите систему в ваш допрос. Я вижу, вы похозяйничали в моем бюро: все картотеки, вся корреспонденция перед вами. Чего удобнее. Моя работа была трудней: кропотливая, я бы сказал — детективная, и без белок я бы с ней не справился. Они были моими связными, почтальонами, осведомителями, агентами. Их были сотни в моем подчинении, а двое из них — Билли и Фрэнки — возглавляли весь аппарат. Уж на этих можно было положиться. Я никогда не за-

кладывал бомбу, пока они не отыщут место и не рассчитают время — место, чтобы уж наверняка, и время, чтобы уж наверняка…

С у д ь я. Что — наверняка?

Д о б р ы й б о г. …поразить тех, кому пришел черед.

С у д ь я. Чей же имелся в виду черед?

Д о б р ы й б о г. О! Этого вы не знаете? *(С любопытством.)* А в чем, интересно, вы видите суть дела?

С у д ь я. Я ее уже не вижу. Я видел цепь покушений на людей, никому не сделавших зла, — покушений, совершенных неуловимым маньяком.

Д о б р ы й б о г. Я полагал, что заключения ваших психиатров вы принимаете всерьез.

С у д ь я. Я так считал, пока мне не стало известно, что виновник этих инцидентов — вы.

Д о б р ы й б о г. Виновник. Прекрасно! Виновник.

С у д ь я. Следствие, по сути, завершено, — если не считать этого последнего дела.

Д о б р ы й б о г. Это последнее «дело» — как вы изволите называть его на вашем сомнительном жаргоне — и для меня еще не завершено. Мне бы очень хотелось знать — раз уж я был лишен возможности выполнить свою задачу до кон-

ца, — что сталось с молодым человеком, который ускользнул подобру-поздорову.

С у д ь я. Подобру-поздорову?

Д о б р ы й б о г. Да его, как я полагаю, даже и не поцарапало.

С у д ь я. Не поцарапало, верно. Но…

Д о б р ы й б о г. Он не уехал?

С у д ь я. Нет, отчего же — уехал. Он в тот же вечер сел на корабль, отправлявшийся в Шербур.

Д о б р ы й б о г. А! Вот видите! А этот человек клялся, что не сядет на корабль, клялся жить и умереть подле нее, клялся принять на себя все лишения и все невзгоды, забыть свою отчизну, забыть свой язык и до конца своих дней говорить с ней на новом языке. Но он сел на корабль и не задержался даже, чтобы похоронить ее, и там он сойдет на берег и забудет, что при виде ее растерзанного тела он ощутил еще большую бездну под ногами, чем при виде Атлантики.

С у д ь я. Да, эту девушку он не похоронил.

Д о б р ы й б о г. Даже не похоронил! Воистину пускай он живет и дальше! Но я сейчас вам все расскажу! Как там говорится? Правду, только правду, ничего, кроме правды. Я ведь и главный свидетель тоже, а скоро вы вообще забудете о том, что считали меня обвиняемым.

С у д ь я *(сухо)*. Я вас слушаю.

Д о б р ы й б о г. Примерно недели две назад я получил донесение о происшествии на Большом Центральном вокзале. От совершенно рядового, начинающего зверька, еще только проходившего испытательный срок; до тех пор я не обращал на него никакого внимания.

С у д ь я. Что произошло на вокзале?

Д о б р ы й б о г. Ничего особенного. Часов около пяти пополудни, когда скорый поезд из Бостона вошел в преисподнюю Большого Центрального вокзала и толпы пассажиров растеклись по холлам, блуждая в поисках выхода, мечась между раскаленными перстами багровых и зеленых стрел, когда со стен низвергались звуки органа, и лихорадочно спешили стрелки часов, и бешено плясали огни в трубках, борясь с обступающим мраком, — в город прибыли двое новеньких. Ну и что тут особенного? Спросите вы и, наверное, будете правы. Однако ж именно благодаря этому месту, и положению стрелки часов, и этой невероятной музыке, и дрожи вагонов на рельсах, и сгустку людских голосов все могло начаться снова.

С у д ь я. Что могло начаться?

Д о б р ы й б о г *(весь погруженный в воспомина-*

ние). Она шла за ним, в белом и розовом. Кругом было столько голосов, и ее голосок в этом хоре был ничтожен; было столько возможностей, и эта была самая невозможная, — но она за нее ухватилась.

Г о л о с а *(без тембра, без выражения, ясные и размеренные)*.

ИДИТЕ ТОЛЬКО НА ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ
ПОЗАБОТЬТЕСЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО
НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕСЬ
ВНИМАНИЕ ОТЪЕЗЖАЮЩИЕ ПРОВЕРЬТЕ
ЭКОНОМЬТЕ ВРЕМЯ ПРОХОДИТЕ
НАДЕЖНО БЫСТРО УДОБНО
ГРОЗОВЫЕ ЛИВНИ ОСАДКИ НАДЕЖНО
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ ВЫГОДНО УДОБНО
ТОЛЬКО НА ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ ПОМНИТЕ
БЕРЕГИТЕСЬ КОРИЧНЕВОЙ И КРАСНОЙ
ЧЕРНОЙ И ЖЕЛТОЙ УГРОЗЫ
ЧТО ПОДУМАЮТ НАШИ УБИЙЦЫ
ТЫ НЕ МОЖЕШЬ СТОП
ПРИ КРАСНОМ СВЕТЕ СТОЯТЬ

На Большом Центральном вокзале.

Д ж е н н и ф е р. Вы ищете выход?
Я н *(рассеянно, недружелюбно)*. Простите?
Д ж е н н и ф е р. Я подумала… я уже видела вас

в Бостоне… и подумала, что вы приезжий.

Я н. Не беспокойтесь. Я сориентируюсь.

Д ж е н н и ф е р. А вам понравился Бостон?

Я н. Н-ну…

Д ж е н н и ф е р. А Нью-Йорк? Как вы находите Нью-Йорк?

Я н. Благодарю вас. Я его еще не знаю.

Д ж е н н и ф е р. Я ехала в том же вагоне, всю дорогу. За два ряда от вас. Вы были у нас на вечеринке в университете.

Я н. Да. Попал случайно.

Д ж е н н и ф е р. Меня зовут Дженнифер. Один раз вы на меня посмотрели, и я подумала, что вы хотите меня пригласить.

Я н. Я не танцую.

Д ж е н н и ф е р. Я это сразу и поняла. *(Как будто отвечая на вопрос анкеты.)* Европейцы мне нравятся. *(Нерешительно.)* А… что привело вас в Нью-Йорк?

Я н. Желание уехать. У меня осталось только несколько часов — или несколько дней — до следующего корабля.

Д ж е н н и ф е р. Это ужасно. Вы должны уезжать?

Я н. Не должен, но хочу. Разве я уже не сказал?

Д ж е н н и ф е р *(беззвучно)*. Нет!

Я н *(вежливо)*. Да. До свидания. Приятно было познакомиться.

Д ж е н н и ф е р. Тогда я сяду вот в это сиреневое такси. А вы можете взять следующее, бело-голубое. Они потом еще часто будут встречаться — на Бродвее и дальше, на Бронксе. Но вас уже внутри не будет, и меня тоже.

Я н *(после короткого раздумья)*. Послушайте…

Д ж е н н и ф е р. Дженнифер.

Я н. Сиреневый цвет вам не идет. Сколько вам лет?

Д ж е н н и ф е р. Двадцать три.

Я н. А чем вы занимаетесь?

Д ж е н н и ф е р. Я изучаю политологию, но недавно только начала. И мне тоже хочется повидать мир. Я знаю гостиницы Бостона и Филадельфии, скоро, может быть, узнаю и парижские, а в Нью-Йорке не знаю ни одной. Фантастика, правда?

Я н. Ну уж.

Д ж е н н и ф е р. Я, значит, даже не могла бы вам быть полезной.

Я н. Так поехали тогда вместе со мной, — это и в самом деле фантастика, что вы не знаете Нью-Йорка. Я тут тоже ни одной гостиницы не знаю, но меня это не огорчает. Между прочим, я здоро-

во проголодался и должен сначала чего-нибудь перекусить, прежде чем соображать дальше.

Мимо проходят люди, несколько голосов заглушают слова Яна, и Дженнифер удаляется на несколько шагов.

Дженнифер! Да постойте же! *(Подбегает ближе, запыхавшись.)* Что это вы делаете?

Д ж е н н и ф е р *(тоже запыхавшись).* Орешки! Хочу вам взять орешков из автомата, раз вы проголодались. Надо нажать вот на этот рычажок…

Как только она нажимает на рычаг, из автомата раздается несколько тактов музыки — музыки, которая в дальнейшем будет звучать еще не один раз.

Музыка бесплатно. За одну монетку вы получаете орешки и музыку на всю жизнь.

Я н *(развеселившись).* Господи, это похоже на корм для белок.

Д ж е н н и ф е р. Они совсем свежие, клянусь. *(Лукаво.)* И еще я готова поклясться, что белки тащат сюда все свои сбережения, чтобы им постоянно подсыпали вкусный корм.

Я н *(весело).* А знаете, Дженнифер, кого я сейчас видел? Белку. *(Таинственным шепотом.)* И она

сунула мне письмо.

Д ж е н н и ф е р. О!

Я н. А в нем написано: «Смотри не проболтайся!»

Д ж е н н и ф е р. А дальше?

Я н. «Этот вечер ты проведешь с Дженнифер на небесной земле…».

Д ж е н н и ф е р. Почему «на небесной земле»?

Я н. Потому что так она здесь называется. Мана Хат-та. Это мне объяснили индейцы. Но их костюм был чистый маскарад, и они были такие же настоящие, как те буйволы, которых обучали бегать на ипподроме.

Д ж е н н и ф е р. И от кого же письмо?

Я н. Подпись неразборчива. *(Жует.)* Орехи очень вкусные, но нам все равно надо поесть что-нибудь более основательное. Что основательно?

Д ж е н н и ф е р. Кухня итальянская и китайская, испанская и русская. Артишоки, плавающие в масле; зеленый чай к ласточкиным гнездам, зеленый лук к нежным змеям, и к плодам всех стран — плоды всех морей.

Я н. А мне бы хотелось ледяного воздуха, потому что такая жара, и комнату в сумеречном освещении, и белую куропатку, и напиток из Гренландии, в котором плавали бы льдины. И

хотелось бы хоть несколько часов смотреть на вас — прохладные плечи, прохладное лицо, прохладные круглые глаза. Вы бы поверили, что это возможно?

Д ж е н н и ф е р. Твердо верю.

В ночном баре, потом на улице, потом в дешевой гостинице. Звучит музыка, затем обрывается.

Д ж е н н и ф е р *(замедленным голосом)*. Так это же неправда, что ты не умеешь танцевать.

Я н. Пойдем, пойдем отсюда.

Д ж е н н и ф е р. Бедные мои руки. Бедные, бедные мои плечи. Пожалуйста, не надо. Ничего не надо.

Я н. Уже два часа утра.

Д ж е н н и ф е р. А где мы? Почему официанты уже не поют?

Я н. Не пей больше! Это раньше было. Здесь официанты не поют.

Д ж е н н и ф е р. А почему?

Ц ы г а н к а *(внезапно подходит к ним)*. Одну минутку. Подарите мне одну только минутку. Прошу ручку, девушка. Я нагадаю вам по ней ваше будущее.

Я н. Пошли!

Д ж е н н и ф е р. Будущее, да-да… Постой! Она

нагадает мне будущее. И ты тоже дай ей свою руку. Она настоящая цыганка. Румяная, смуглая и такая грустная. Вы ведь настоящая, правда?

Ц ы г а н к а. Я ничего не вижу по твоей руке. Ты причинила себе боль?

Д ж е н н и ф е р. Это он. Он вонзил в нее ногти. До сих пор болит.

Я н. Дженнифер!

Д ж е н н и ф е р. Так ничего и не видите? Совсем, совсем ничего?

Ц ы г а н к а. Может быть, я ошибаюсь.

Я н *(холодно)*. Не может быть.

Д ж е н н и ф е р. А его рука?

Ц ы г а н к а. Вы будете долго жить, молодой человек, и вы этого никогда не забудете.

Я н *(иронически)*. Не смею надеяться.

Д ж е н н и ф е р *(вспылив)*. Да вы даже не посмотрели на его руку!

Я н. Успокойся. Цыганкам достаточно взглянуть на осадок в стакане — и все ясно. В моем еще плавает лимонная корка. Это показательно.

Ц ы г а н к а. Да. И спокойной ночи.

Д ж е н н и ф е р *(тихо)*. Она не взяла денег. Послушай, хотела бы я знать, в каких местах я сегодня с тобой побывала.

Я н. Для дневника? Для записной книжки?

Д ж е н н и ф е р. Думаю, что для записной книжки это не подойдет.

Я н. Свежий воздух тебя протрезвит. Осторожно, тут три ступеньки.

Д ж е н н и ф е р. Два часа утра. А кто это сидит тут на ступеньках? Бедняга, вы не идете спать?

Н и щ и й. Благодарю за заботу. Чего только не вынесет такой бедняга, как Мек…

Д ж е н н и ф е р. Вы актер?

Н и щ и й. …затерянный в этом граде страданий, погруженный в неизбывную муку, последний среди последних. Прошу посильного подаяния для себя и себе подобных.

Д ж е н н и ф е р *(шепотом)*. У меня есть пакетик орешков, два доллара и шарф. Возьмите все.

Н и щ и й. Во имя ничье. И да не воздаст никто. Нас тут слишком много, красавица, в этом городе нищих. Мы никакого цвета. Завидуем цвету кожи и белых и черных. Конечная станция Боуэри. Но вам с вашим кавалером надо в надземку, пока ее не снесли. Здесь вонь стоит до небес. Станция налево за углом. Приятных сновидений.

Д ж е н н и ф е р. Спасибо. *(Глотнув воздух, идут дальше.)* Мой кавалер… Я слишком устала, чтобы ехать домой. Пошли.

Я н. Но самое позднее в десять я должен… Про-

сти. Пойдем в первую попавшуюся гостиницу. Хочешь?

Д ж е н н и ф е р. Скажи мне еще что-нибудь про мои глаза!

Я н. По-моему, дальше нет смысла искать. Уже так поздно.

Д ж е н н и ф е р. Или про мои губы. Как это было? Ты коснулся соломинкой моих губ, а своим коленом моих колен. И сказал:

Я н. Pas d'histoire[2].

Д ж е н н и ф е р. Нет.

Я н. Ну, так я сейчас тебе говорю, что был бы очень обязан, если бы ты не устраивала никаких историй.

Д ж е н н и ф е р *(зябко)*. Давай идти дальше — долго, долго идти.

Я н. Деточка, скоро уже утро. Что ты обычно делаешь в это время?

Д ж е н н и ф е р. Сплю. Но по субботам, когда бывают вечеринки, я вот так же долго не ложусь. И Артур целует меня на прощание, или Марк, или Трумен. Ты не видел Трумена? Он тогда был со мной. Очень, очень милый. Ты тоже должен меня сейчас поцеловать и пожелать спокойной ночи.

---

[2] Примечания: 2
Только без историй *(франц.)*.

Я н. Это пусть делают Трумен или Марк.

Д ж е н н и ф е р. Да нет, конечно, ты не должен. Смотри не проболтайся.

Останавливаются.

Господи, чего тебе здесь нужно, в этом кошмарном доме?

Я н. Не дури.

Входят в дом.

Ж е н щ и н а *(сонным, неприятным голосом).* Что угодно?

Я н. У вас есть свободная комната?

Ж е н щ и н а. Только вот здесь, внизу. Номер первый. Плата вперед. Ключ. Освободить до обеда.

Они проходят, не говоря ни слова, по коридору, он отпирает дверь в комнату и затем запирает ее за собой.

Д ж е н н и ф е р. С незнакомым человеком нельзя заходить в гостиницу, верно?

Я н. А, знаем мы эти разговорчики.

Д ж е н н и ф е р. Какой тут ужасный воздух. Даже нет вентилятора.

Я н. Ну и что тут такого ужасного?

Д ж е н н и ф е р. Да ничего. Но не могу же я прямо сейчас… здесь… понимаешь, не могу. Я же ничего о тебе не знаю. О, пожалуйста, расскажи мне что-нибудь о себе. Давай поговорим, подумаем.

Я н. Раздевайся!

Д ж е н н и ф е р *(плаксивым голосом)*. Бедные мои руки. Бедные, бедные мои руки. Ты только погляди на них.

Я н. Разве не ты сама меня во все это втравила? У меня и в мыслях не было причинять кому-нибудь боль.

Д ж е н н и ф е р. Если бы еще хоть комната не была такой грязной и темной — это ведь жилье для мух, для тараканов. И я тут тоже грязная от сладкого, липкого воздуха. Ты чувствуешь вкус сиропа во рту?

Я н *(потеплевшим голосом)*. Сладкая Дженнифер… Не думай ни о чем, закрой глаза… *(Вдруг меняет тон, с иронией, хотя и едва заметной.)* Ой, что я сказал — «сладкая»?

Д ж е н н и ф е р *(вся дрожа)*. Да.

Я н. Я хотел сказать совсем другое. Вообще-то, знаешь, при этом ни о чем уже больше не думаешь. А на самом деле я подумал о том, что утром мне надо в пароходное агентство.

Д ж е н н и ф е р. А что сказала цыганка?

Я н. Иное, чем графолог, который подходил к нашему столу до нее. Твои слишком энергичные палочки и хвостики свидетельствуют о чувственности, мои слишком узкие заглавные буквы — о том, что я что-то скрываю, а размашистые черточки над «т» — о смелой фантазии. При наличии доброй воли и соответствия знаков зодиака возможность гармонического союза не исключена. Но, сладкая моя Дженнифер, какую короткую ночь мы проведем, не подозревая даже, какие долгие ею закончились дни!

Д ж е н н и ф е р *(глухо)*. Выключить свет?

Я н. Выключай. И поверь мне — я так бы хотел засыпать тебя снегом, чтобы ты стала еще прохладней, чем есть, и еще больше бы обо всем сожалела. Я, может быть, тоже буду обо всем сожалеть — или в лучшем случае обо всем забуду. Заранее ничего не знаешь. Да и потом тоже. Одна ночь — это так много и так мало.

Д ж е н н и ф е р *(как будто не слушает его)*. Можно было бы включить радио. Сейчас как раз должна быть ночная музыкальная программа. Когда я возвращаюсь домой, я всегда еще слушаю музыку перед сном. Это так здорово.

Я н. Музыку? Моя милая Дженнифер, сейчас

ты не будешь слушать музыку… *(и все-таки начинается тихая музыка)* потому что я этого не позволю.

Д ж е н н и ф е р *(сквозь слезы)*. Не позволишь? Ты ужасен. Почему? Зачем ты это делаешь? Зачем, зачем, зачем?

Я н. А зачем ты меня целуешь? Зачем?

Музыка становится громче, потом умолкает, и несколько мгновений стоит тишина.

Я н. Дженнифер! Прошу вас.

Д ж е н н и ф е р *(сквозь сон)*. А который час?

Я н. Двенадцать. Мне надо было бы давно уже…

Д ж е н н и ф е р *(все поняв)*. Давно уже. Разумеется.

Я н. Это только здесь похоже на ночь. Окно чуть ли не под землей. Светлый двор без луча света. Кстати, вы были правы насчет грязи.

Д ж е н н и ф е р. Идите же. Я не просила меня дожидаться. Вы не купите билета и прозеваете корабль.

Я н. Не говорите так со мной, Дженнифер. Вы были восхитительны, и я вам очень благодарен.

Д ж е н н и ф е р *(меняя тон, искренне)*. Омерзительно, правда?

Я н. Что?

Д ж е н н и ф е р. Проснуться в темноте и так глубоко, глубоко внизу. С этим вкусом во рту.

Я н. Мы сейчас пойдем позавтракаем, и вы почувствуете себя лучше.

Д ж е н н и ф е р. Никуда я не пойду — и ничего больше не почувствую.

Я н *(сдавленным голосом, осторожно)*. Может быть, ты оденешься, ежик. Мы могли бы тогда спокойно оба всем поговорить. Уйти бы поскорей отсюда!

Д ж е н н и ф е р. Подайте мое платье. Можете к нему прикоснуться, не бойтесь. И можете не отворачиваться. *(Холодно.)* К какой новой вежливости и сдержанности вы хотите меня приучить?

Я н. Мне очень жаль.

Д ж е н н и ф е р. Хоть я и была так восхитительна?

Я н *(тепло)*. Прости, пожалуйста. Мне пора было бы это понять.

В дверь стучат.

Ж е н щ и н а *(снаружи)*. Вы освобождаете комнату или остаетесь?

Я н. Мы уже выходим.

Ж е н щ и н а. Ну так живей, живей. *(Удаляет-*

ся.) Когда еще убирать надо. Наглость какая! Уже первый час. Вот надо было бы…

Г о л о с а.

ИДИТЕ ТОЛЬКО НА ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ
ДОВЕРЬТЕСЬ НАМ ПРИЗНАЙТЕСЬ НАМ
НАСЛАДИТЕСЬ И НЕ РАСКАЕТЕСЬ
СКАЖИТЕ ВСЕМУ МИРУ СКАЖИТЕ ВСЕМ
СТАНЦИЯ СОЛНЦЕ КРЕДИТ НА ЛУНЕ
ТОПЛИВО СНОВ ЯРЧЕ И ЖАРЧЕ
ПОСЛЕДНЮЮ РУБАШКУ ПУТЬ ВСЕХ ВЕЩЕЙ
К ЧЕМУ ВИНИТЬ ВО ВСЕМ ДРУГИХ
ВЗБАДРИВАЕТ ПОДХЛЕСТЫВАЕТ ОПЬЯНЯЕТ
ШАГАЙТЕ В МИР ГЛЯДИТЕ ВДАЛЬ
ПОМНИ ПРИ КРАСНОМ СВЕТЕ СТОЯТЬ
ОБ ЭТОМ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ

Я н. Письмо от белки?

Д ж е н н и ф е р *(решительно).* Никакого письма от белки.

В зале суда.

Д о б р ы й б о г. Вот так это началось.

С у д ь я. А похоже как раз, что кончилось.

Д о б р ы й б о г. Вы не понимаете. Только сейчас-то и появилась опасность, и я ее сразу почуял — ну, думаю, опять началось. И лишь с этого момента я принялся за преследование.

С у д ь я. Но что же тут было преследовать? Я не вижу ничего необычного в том, что молодой человек во время путешествия *(откашлявшись)* ищет повода завязать интрижку и находит его. Обычная история. Поведение не очень достойное, несколько легкомысленное. Но в общем-то — случай как тысячи других.

Д о б р ы й б о г. Не случай! День настал. Ночные видения растаяли.

С у д ь я *(осторожно, будто нащупывая вывод)*. Вы моралист? Вы этим возмущены?

Д о б р ы й б о г. О нет. Я ничего не имею против людей легкомысленных, скучающих или одиноких, время от времени нарывающихся на неприятность. Я их понимаю — надоело быть одному, хочется убить время. Но неужели вы не заметили, что здесь началось оно? И послушайте, как началось. Он сказал: «Письмо от белки?», потому что в нем была еще легкая неуверенность. Ему не следовало так спрашивать. Она же ответила: «Никакого письма от белки». И он — потому что ей ни в коем случае нельзя было так отвечать! — спросил дальше:

Дальше — снова в гостинице.

Я н. Ты проголодалась?

Д ж е н н и ф е р *(неуверенно)*. Разве это имеет какое-нибудь значение?

Я н. Да.

Д ж е н н и ф е р. Проголодалась.

Я н. Чего хочешь — свежего кофе или тостов с апельсиновым соком?

Д ж е н н и ф е р. Всего хочу. Я жутко проголодалась.

Дальше — снова в зале суда.

Д о б р ы й б о г. При этих словах она снова на него взглянула, и день настал.

С у д ь я *(перелистывая бумаги)*. Итак, они пошли завтракать. Из кафетерия он позвонил в пароходное агентство, где его попросили позвонить завтра или послезавтра, поскольку они пока еще не могли гарантировать ему место на «Иль-де-Франсе».

Д о б р ы й б о г. День настал. На всех магистралях города забила жизнь, и грянул снова яростный гимн — работе, зарплате, доходу. Трубы гудели, возвышаясь, подобно колоннам воскресших Ниневии и Вавилона, и тупые и острые черепа небоскребов касались серого тропического неба, сочившегося влагой и нависшего над крышами, подобно омерзительной бесфор-

менной губке. Рапсоды гигантских типографий ударили по наборным машинам, возвещая о свершившемся и провозвещая грядущее. Тонны капустных голов покатились на рынки, и сотни трупов в домах скорби, насурьмленные и наманикюренные, воздвиглись в стеклах витрин.

Под давлением тысяч атмосфер уничтожались отбросы минувшего дня, и покупатели рылись в универсамах в поисках новой пищи и клочьев завтрашней моды. По конвейерам плыли пакеты, и эскалаторы поднимали и спускали людские гроздья сквозь клубы сажи, отравы и выхлопных газов.

Буйное лето швыряло новые краски на кузова автомобилей и на шляпки женщин, колышущиеся над бульварами, на блестящие упаковки для риса и меда, для индейки и краба. И люди ощущали себя живыми, куда бы ни шли, — и чувствовали себя частицей этого города — единственного изобретенного и возведенного ими для всех своих потребностей на земле. Этого города городов, который в своей агонии, в своей лихорадочной гонке поглощает всех и в котором процветает все, все! Даже это.

С у д ь я. Преступление. Убийство.

Д о б р ы й б о г *(как бы отстаивая свою мысль)*.

Я думал еще и о другом.

С у д ь я *(отрывисто)*. Ну хорошо. Итак, оба после телефонного разговора покинули кафетерий и отправились подземкой на сто двадцать пятую стрит в Гарлем. Там они зашли в бар, где выпили коктейль и прихватили с собой две пластмассовые мешалки на память; потом заглянули в церковь, где тоже прихватили два картонных веера с изображением эпизодов из жития святой Катарины Сиенской. В магазине граммофонных пластинок их застали за тем, что они слушали популярные мелодии в обществе нескольких негров; а затем, следуя напутствиям туристического бюро, они отправились на Лексингтон-авеню и сняли комнату в отеле «Атлантик».

Д о б р ы й б о г. Тут есть еще одна маленькая деталь, которую мне не хотелось бы упустить из виду. Это история с этажом. Уж если вы действительно заинтересованы в прояснении всех обстоятельств…

С у д ь я. История с этажом?

Холл отеля «Атлантик».

П о р т ь е. Есть еще номер триста седьмой на седьмом этаже. Окна во двор, так что очень спо-

койно.

Д ж е н н и ф е р *(Яну, тихо)*. Так и ни одного с видом на улицу? Повыше?

Я н *(портье)*. И ничего нельзя сделать? Действительно ничего?

П о р т ь е. К сожалению, нет. Если вы останетесь на более долгий срок, я могу взять вас на заметку, — вдруг освободится номер повыше, с видом на улицу. Заранее ведь ничего не знаешь.

Я н. Да мы тоже не знаем... будем ли мы еще здесь. Но имейте нас в виду. *(Отходя, Дженнифер.)* Ты расстроилась?

Д ж е н н и ф е р. Нет. Может, так оно и лучше. Чтобы меньше думать.

Б о й - л и ф т е р. На подъем, пожалуйста.

Лифт поднимается.

Д ж е н н и ф е р *(сквозь шум лифта, блаженно)*. Подъем! Какой подъем! Чувствую его в ушах. А наверху — сейчас увидишь — будет вентилятор с холодным воздухом, воды сколько хочешь и чистота до блеска.

Лифт останавливается. Они идут по коридору к своему номеру.

Я н. Вот будет здорово — ты с мокрыми волоса-

ми, с каплями на губах, на ресницах. Ты будешь вся светлая, белоснежная и разумная, и мы ни в чем не будем упрекать друг друга.

Д ж е н н и ф е р. Если твоему кораблю надо будет отплывать, он отплывет. Если мне надо будет помахать, я помашу. Если мне позволено будет поцеловать тебя в последний раз, я сделаю это вот так, быстро-быстро, в щеку. Отпирай.

В номере седьмого этажа.

Я н. Да, смышленая, старательная Дженнифер. Но, поскольку я такой недоверчивый, испытание будет продолжено. Скажи: когда будет завтра?

Д ж е н н и ф е р *(отчеканивая)*. Не ранее чем завтра.

Я н. А сегодня?

Д ж е н н и ф е р. Не позднее чем сегодня.

Я н. А сейчас?

Д ж е н н и ф е р *(медленно, обнимая его)*. Вот сейчас.

В зале суда.

С у д ь я. Итак, дело все-таки снова кончилось интимностями.

Д о б р ы й б о г. Нет, нет! Об этом не может быть и речи! Оставьте эти глупые фразы. Это

была взаимная договоренность с соблюдением дистанции.

С у д ь я. Перейдем к делу!

Д о б р ы й б о г. Но эта дистанция не может быть соблюдена до конца. Она то и дело нарушается. Вот, к примеру, этот смех. Да, строго говоря, с него все и началось. *(Мрачно.)* С той непостижимой улыбки. Как поглядишь на них — смеются совсем без причины.

С у д ь я. Кто смеется?

Д о б р ы й б о г. Те, с кем это начинается.

С у д ь я. Бред.

Д о б р ы й б о г *(энергично поддакивая)*. Бред! Вот именно! Смеются у всех на глазах — и все же не видят никого. Или улыбаются прохожим — просто так, еле заметно, как заговорщики, которые не хотят показывать другим, что правила игры вот-вот будут отброшены. Эта улыбка витает как знак вопроса, но знак вызывающий, бесцеремонный.

С у д ь я. Ну и что? От этого никому нет вреда.

Д о б р ы й б о г. Не скажите! Они, как тлеющий кончик сигареты в ковре, начинают выжигать дырку в заскорузлом, очерствелом мире. Этой своей неотрывной улыбкой.

С у д ь я. К делу!

Д о б р ы й б о г. Около полуночи они встали. Конечно же, в это время встают одни грабители, буфетчицы да ночные сторожа. И они пошли к Бруклинскому мосту.

С у д ь я. Верно. К мосту. Зачем?

Д о б р ы й б о г. Низачем. Пошли — и стали там, прислонясь к балкам, чтобы помолчать минутку. А потом заговорили снова.

На мосту.

Я н *(шутливо, весело)*. Если ты пойдешь со мной в китайский город, я куплю тебе рубашку с драконом.

Д ж е н н и ф е р. И дракон охранит меня.

Я н. Если ты пойдешь со мной в Вилледж, я украду для тебя лестницу, чтобы ты могла спастись, когда начнется пожар. Потому что я хочу любить тебя долго.

Д ж е н н и ф е р. И любовь спасет меня.

Я н. Если ты пойдешь со мной в Гарлем, я куплю тебе темную кожу, чтобы никто тебя не узнал. Потому что я один хочу любить тебя, и любить долго.

Д ж е н н и ф е р *(выпадая из роли)*. А как долго?

Я н. Ну играй же, Дженнифер! Не спрашивай: как долго? Скажи: и любовь защитит меня.

Д ж е н н и ф е р *(глубоко вздохнув).* И любовь защитит меня.

Я н. А если ты пройдешь со мной по Боуэри, я подарю тебе долгие линии жизни с ладоней нищих, потому что я хочу любить тебя и старой и дряхлой.

Д ж е н н и ф е р *(с прорвавшимся ликованием в голосе).* Письмо от белки! Наконец-то снова письмо от белки!

Я н. А что в письме?

Д ж е н н и ф е р. «Смотри не проболтайся! Сегодня ночью Дженнифер будет ждать тебя на Бродвее под водопадом из пепсиколы, рядом с пеной брызг, у колодца Нежданной Удачи».

Я н. Я не проболтаюсь.

Д ж е н н и ф е р. Ты придешь?

Я н. Иди ко мне! Я уже пришел.

В зале суда.

Д о б р ы й б о г. Это они играли. Игра называется — любовь. Они играли в нее повсюду — на темных углах улиц и в мутных барах Бродвея, в пляске неоновых колец перед кинотеатрами на сорок второй стрит, под ливнем лучей из искусственных солнц и комет. Но с игрой у них вышло то же, что и со смехом. Они нарушили все

ее разумные условия, все, что в ней можно было с пользой употребить.

С у д ь я *(педантично)*. Около пяти часов утра они вернулись в отель.

Д о б р ы й б о г. Усталые, будто полинявшие от этого опьянения, от этого забвения всего и вся. Шли рядом друг с другом и глядели прямо перед собой, более отдалены друг от друга, чем в игре, в смехе, во сне. Потом, наверху, — немые объятия, немое действо долга, вершимое еще без бунта, еще под гнетом закона. Но час был недалек. Уже недалек.

С у д ь я *(недовольным тоном)*. Углубление в такие частности абсолютно бессмысленно. Я не вижу мотива. События ни о чем мне не говорят. А я хочу в конце концов знать ваш мотив. Возмущение? Нет. Зависть?

Д о б р ы й б о г. Дайте же мне время! Разве я не проявляю добрую волю?

С у д ь я *(холодно)*. Как и положено Доброму богу.

Д о б р ы й б о г. Я долго проявлял добрую волю, и тогда тоже. Вы не поверите, но я дал им шанс.

На третий день у портье все еще не появилось никакого другого свободного номера. После обеда они катались на упряжке в Центральном парке

и с разгону чуть не врезались в парад. Впереди вышагивали тамбурмажор-девицы, взметая ножки к небу, — вечно юные и бравые балерины асфальта, выкидывающие свои антраша в пользу жертв войны и фабрикантов войны. Лентами были украшены кроны деревьев, покрышки машин и головы людей; визжали дети, и белки восседали на остатках газонов. Они очертили границы своих владений выплюнутой ореховой скорлупой, а там, где киоски и автоматы столпились вокруг водяных лилий в пруду, были сколочены подмостки, натянут занавес, и за пять центов каждый мог пойти туда и насладиться представлением, равного которому нет. Кукольниками, державшими марионеток за нитки, были Билли и Фрэнки, обе мои белки. Потому что мои хрипатые кровожадные капитаны больше всего на свете любят в свободное время разыгрывать перед людьми жуткие спектакли в прекрасных фразах, которые сочинили для таких случаев наши поэты.

Как только собиралось около дюжины зрителей, за ними задергивали занавес. Две другие белки вцеплялись когтями в полотно и повисали на стволах. Живые крючки. Внутри было темно, мерцал лишь пол маленькой сцены, покрытый

фосфором, приготовленный для трупов, а программу с комментариями возвещали оба актера, чьи голоса раздавались из-за кулис.

В театре.

Ф р э н к и. Всего за пять центов! Люди и страсти! Пять самых знаменитых любовных историй мира!

Б и л л и. Орфей и Эвридика.

Ф р э н к и. Тристан и Изольда.

Б и л л и. Ромео и Джульетта.

Ф р э н к и. Абеляр и Элоиза.

Б и л л и. Франческа и Паоло.

Ф р э н к и. Всех их к чертям собачьим! В преисподнюю!

Б и л л и. Молчи, дурак! *(Громко.)* Прослушайте краткое содержание первой пьесы. Эвридика, возлюбленная Орфея, превращается в камень и трагически кончает свои дни в царстве мертвых. Орфея, певца, разрывают на части осатанелые вакханки. В конце звучит горестная жалоба осиротелой природы.

Ф р э н к и. Насмерть! В клочья! Конец!

Б и л л и. Тристан и Изольда! Пьеса о златовласой королеве и ее герое, о воздействии колдовского напитка, о черном парусе, появляющемся

в нужный момент, и о долгой мучительной смерти.

Ф р э н к и *(все больше входя в раж)*. К чертям собачьим! В преисподнюю!

Б и л л и. Да это же будет позже, дурак! Далее будет показана история трогательной смерти прекрасного Ромео и его Джульетты в мрачной Вероне. Со склепами, древними стенами, месяцем и непримиримой враждой в качестве передвижных декораций.

Ф р э н к и. Браво! Не забудь про кинжалы!

Б и л л и. Вслед за тем перенесемся в средневековую Францию. Абеляр и Элоиза.

Ф р э н к и *(разражается тихим, жутким смехом)*. О, Билли, про этих двоих я просто не могу играть всерьез. Бред какой-то, а не любовь. Как начнет Элоиза тосковать — просто сплошное неприличие. Я уж и так еле терплю, когда гордая Титания начинает обнимать осла. А тут еще хлеще. Помереть можно. К чертям их! В преисподнюю!

Б и л л и. Да преисподняя же будет в самом конце!

Ф р э н к и. Знаю, знаю: Паоло и Франческа. Но уж больно охота поразвлечься.

Б и л л и. Дамы и господа! Двое влюбленных,

снова в далекой Италии, соблазнительное чтение как фон и ад как трагическая развязка.

Ф р э н к и. Ну, а что я говорил? В преисподнюю их!

Б и л л и. Просим не пугаться — в нашем представлении будет много крови, которую вы сможете проверить на цвет, на запах и на вкус. Вопли, клятвы…

Ф р э н к и. И преисподняя!

Б и л л и. И вы сможете заглянуть прямо в саму преисподнюю. Такова наша скромная программа на сегодняшний вечер. Анонс на завтра: кровавые истории любви и смерти некоторых других пар, почерпнутые из старинных хроник, знаменитых трагедий и газет, со всех концов мира — из индейских мертвых долин, из кровожадных рейнских провинций и из вонючей Венеции, создававших превосходный фон для развертывания прекрасных чувств.

Ф р э н к и. Итак, смотрите все, внемлите все!

Звучит музыка, как для начала спектакля.

В парке.

Д ж е н н и ф е р. Как они стараются и как забавно играют. Тебе не понравилось?

Я н. Нет, почему же. Но не прислала ли нам

белка еще письма?

Д ж е н н и ф е р. Я не видела. Они ведь это делают тайно. Дай-ка я загляну в сумочку. *(Открывает сумочку.)* Есть! Записка! А в ней написано…

Я н. «В преисподнюю их!»

Д ж е н н и ф е р *(хохочет)*. Да нет же! В ней написано *(шепотом)*: «Пошли домой, пожалуйста».

В зале суда.

Д о б р ы й б о г. И каждый раз они возвращались в этот номер. И четыре стены все это терпели.

С у д ь я. Стены возводятся и для этого тоже. Чтобы естественное и здоровое чувство…

Д о б р ы й б о г. Вы хотите сказать — нашло выход? Но в нем нет ничего естественного и ничего здорового! Они обнимали друг друга и уже думали о следующем объятии. Они уступали желанию, которое не мог таким задумать творец, и уступали с легкостью, которая серьезнее всякой серьезности; они клялись настоящим и больше ничем, и одна эта клятва была в каждом их взгляде, в каждом судорожном вздохе, в каждом прикосновении к этой самой тленной материи мира, к этой плоти, что была горькой на вкус от пропитавшей ее печали, к этой плоти,

у которой они были в плену — в пожизненном, вечном плену.

В номере седьмого этажа.

Я н. Ты меня слушаешь?

Д ж е н н и ф е р *(устало)*. Да.

Я н. Я знаю, я уже близок к тому, чтобы пообещать тебе писать письма после моего возвращения. Но ты мне не верь. Хочешь знать текст?

Д ж е н н и ф е р. Да.

Я н. «Любовь моя, я все обдумал и взвесил… ты стала для меня такой дорогой, такой необходимой… напиши мне сразу, лучше всего до востребования, потому что… но это я объясню тебе позже… напиши сразу же, вспоминаешь ли и ты об этих — тра-та-та — днях… через все расстояния обнимаю тебя, моя маленькая, ненаглядная — тра-та-та-та… мы должны обязательно снова встретиться, мы должны… найти дорогу… мы обязаны, мы сумеем вопреки всем расстояниям. Напиши мне!»

Д ж е н н и ф е р *(встрепенувшись, наивно)*. Ты в самом деле будешь мне писать?

Я н. Нет. Я пошутил. И боюсь, что больше уже не буду расположен к шуткам — после всего этого.

Д ж е н н и ф е р. Я… не совсем понимаю тебя.

Я н. Скоро поймешь. *(Продолжая цитировать, нарочито патетическим тоном.)* «Я пьян тобой, любовь моя, и изнемогаю от жажды по тебе. Ты как вино в моей крови и принимаешь образ из бредовых видений и грез, чтобы погубить меня».

Д ж е н н и ф е р. Что это такое?

Я н. Слова, слова.

Д ж е н н и ф е р. Для твоих чувств?

Я н. Мои чувства я снял с себя и швырнул на пол вместе с одеждой.

Д ж е н н и ф е р. Это твоя душа говорит со мной?

Я н. Моя душа! Я усердно искал все эти годы, но никого не встретил в своей душе.

Звонит телефон.

Д ж е н н и ф е р. Алло… Да… Понятно… Спасибо. Хорошо. *(Пауза.)* Тебе заказано место на корабле. Ты можешь уезжать.

Г о л о с а.

ПОДУМАЙ ОБ ЭТОМ ПОКА НЕ ПОЗДНО
ПРЕДОСТАВЬ ГОСПОДУ ШАНС
И СКРАСЬ СЕБЕ ЖИЗНЬ
ПОБЕЖДАЙТЕ И ЗАКАЛЯЙТЕ СТАЛЬ
НЕ СКУПИТЕСЬ ДЕЛАТЬ ДОБРО
ДИАНА ДВЕСТИ КИЛОМЕТРОВ В ЧАС

НЕБЫВАЛЫЙ УСПЕХ
МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВЫ
ЗАГЛЯНИ В СЕБЯ ОГЛЯНИСЬ НАЗАД КРЕПИСЬ
ЭТОГО ТЫ С СОБОЙ НЕ ВОЗЬМЕШЬ
НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕСЬ ПРОХОДИТЕ
ИДИТЕ НА ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

В номере седьмого этажа.

Д ж е н н и ф е р. Я готова. Мой чемодан уложен. Он такой легкий. Будто пух внутри. Багаж для полета. Что я должна теперь тебе сказать? Прощай?

Я н. Не говори, Дженнифер. Если можешь, скажи: все было легко, все было прекрасно. Это нетрудно.

Д ж е н н и ф е р *(повторяя)*. Все было прекрасно.

Я н. А я лучше ничего не буду говорить.

Д ж е н н и ф е р. Ты уйдешь первым? Или я? Ты можешь потом проверить, не забыла ли я чего-нибудь, платочка например. Я всегда их забываю. Платочек, чтобы потом им помахать. В нем несколько капель духов, никаких слез.

Я н. Может, выйдем вместе?

Д ж е н н и ф е р. Нет.

Я н. До выхода на улицу.

Д ж е н н и ф е р *(равнодушно).* Как хочешь. Это уже не имеет значения. Не так ли?

Я н. Да, это так.

Они открывают дверь, проходят к лифту, спускаются.

Б о й - л и ф т е р. Первый этаж?

Я н. Первый.

Д ж е н н и ф е р *(про себя).* Это нетрудно, это нетрудно.

Я н. Мне нужно еще оплатить счет.

Д ж е н н и ф е р. Я пошла вперед... Я пошла. *(Начиная бежать.)* Я пошла.

Шум улицы, и, перекрывая его, —

Г о л о с а.

НЕ СТРАШИТЕСЬ ПОНЕДЕЛЬНИКОВ И ВТОРНИКОВ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ДЛЯ ЦАПЕЛЬ И ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ

ЭТОГО ТЫ НЕ ВОЗЬМЕШЬ С СОБОЙ

РУКИ ПРОЧЬ ОТ СЕРДЕЦ И ПЕЧАТЕЙ

ЧУВСТВУЙТЕ САМИ СМОТРИТЕ САМИ

СЛУШАЙ И СЛЕДУЙ ПРОХОДИТЕ

БЛИЖЕ К НЕМУ НЕ БЛИЖЕ НИ К ЧЕМУ

ПОМНИ ОБ ЭТОМ СОЗИДАЙ И ВЕРЬ

На улице.

Я н *(громко, все громче, уже с отчаянием).* Дженнифер! Дженнифер! Дженнифер!

П р о д а в е ц г а з е т. Встреча ветеранов…

Встреча баранов…

Встреча старых барабанщиков…

Я н *(продавцу газет).* Она должна была пройти здесь, с чемоданчиком. В розовом и белом, с кудряшками. И взгляд такой, будто спрашивает: ну как я вам?

П р о д а в е ц г а з е т *(передразнивая).* Видел, видел… Никого я не видел. В розовом и белом? Да все они такие, со мной это тоже случалось. Ушла, поминай как звали. Попробуйте спросить вон того полисмена. Да, того. Со шлемом на голове и дубинкой в руке.

Я н *(подбегая к полисмену).* Она не могла уйти далеко. Выглядит как все, и все-таки…

П о л и с м е н. Вы родственник?

Я н. Я сразу рванулся за ней, когда понял, в чем дело. Она была уже метрах в ста.

П о л и с м е н. Подумаешь, метрах в ста! Вы очень милый молодой человек, но сначала я должен перевести вот этих детей через улицу. После

этого поговорим. Верно, детки?

Д е т и. Веди нас! Неси нас! Дяденька Буратино! Милый, добрый дяденька полисмен!

Я н *(идет дальше, зовет громко, гулко)*. Дженнифер! Дженнифер! Дженнифер!

Когда зов его замирает, наступает тишина, а потом —

Д ж е н н и ф е р *(без малейшего удивления)*. Ты?

Я н *(еле переводя дыхание)*. Дай твой чемодан.

Д ж е н н и ф е р. Ян!

Я н. Ты с ума сошла? Стоит себе, дует на ладони и еще откидывает волосы со лба. Пошли назад.

Д ж е н н и ф е р. Да?

Я н. Как ты могла вот так просто сбежать? Никогда тебе этого не прощу.

Д ж е н н и ф е р. Ян…

Я н. Вздуть бы тебя у всех на глазах, и я тебя-таки вздую…

Д ж е н н и ф е р. Да, да.

Я н. Будешь в следующий раз убегать, если я тебя прогоню?

Д ж е н н и ф е р. Нет.

Я н. Скажи мне, ты поняла, где твое место, хоть ты и совсем сошла с ума?

Д ж е н н и ф е р. Я только не знаю, где теперь наше место. Но если ты его знаешь, то узнаю и я.

Я н. Я его знаю. Нет, это действительно был знак свыше.

Д ж е н н и ф е р. Да, да.

Я н. Когда я попросил счет, я услышал, что освободился номер наверху, с видом на улицу, на тридцатом этаже. Как же тут было не задержаться? Я решил, что надо тебе об этом сообщить. Ну разве это не знак, скажи?

Д ж е н н и ф е р. О да. Да.

Я н. Ты же ведь так этого хотела, а я еще не выполнил ни одного твоего желания, не сделал тебе ни одного подарка.

Д ж е н н и ф е р *(медленно)*. Обними меня. Поцелуй прямо здесь, у всех на глазах. На глазах у вот этой витрины с апельсинами и ананасами. На глазах у этого креста «Скорой помощи», у этого вот циркача, что ведет дромадера. На глазах у этих персиковых и финиковых косточек, выплюнутых мулатами.

Я н. И ты не боишься потерять свое лицо — здесь, на улице, у всех на глазах?

Д ж е н н и ф е р. Нет. И знаю почему.

Я н. Ну скажи!

Д ж е н н и ф е р. Потому что все уже видят, что

я скоро стану совсем потерянной, и все чувствуют, что гордости во мне уже нет и я жажду позора; что я сейчас позволила бы тебе казнить меня или отшвырнуть меня, как куклу, после любой игры, что пришла бы тебе на ум.

Я н. Как ты, наверное, когда-то была горда, и как я сейчас горжусь тобой. *(Вдруг встревоженно.)* Дженнифер!

Д ж е н н и ф е р. Ничего, ничего. Но как вдруг все у меня закружилось перед глазами. Оттого, что ты однажды любил меня, или оттого, что ты однажды снова будешь меня любить. Поддержи меня.

Я н. Не говори ничего больше! Мы сейчас придем. Ты ляжешь на чистые простыни, я дам тебе попить, положу лед на лоб, и мы выкурим по сигаретке. Ни слова больше!

Д ж е н н и ф е р. Кажется, у меня был обморок. Прости. Вот уж не знала, что бывают такие обмороки.

В зале суда.

С у д ь я. Ах, значит, и попить? И сигаретку?

Д о б р ы й б о г. Только глоток воды.

С у д ь я. Тридцатый этаж — это, конечно, лучше, чем седьмой, а то и другое лучше, чем первый.

Особенно здесь.

Д о б р ы й б о г. Везде. Наверху воздух разреженный. Городской шум опадает, стекает вниз по стенам. Все на глазах опадает, возвращается в это русло, в этот поток, на поверхности которого плавают щепки: прежние привязанности, давние грузы, утлые лодчонки на час. Повседневность в миниатюре — презабавное зрелище. Здравый смысл, когда смотришь на него из отдаления, становится таким мизерным и жалким, так безнадежно схожим с крупицей тупости.

С у д ь я *(опрометчиво)*. Те двое, судя по всему, уже его утратили, этот здравый смысл.

Д о б р ы й б о г *(медленно, раздельно)*. Вот вы как заговорили.

С у д ь я. Пытаюсь вжиться в ситуацию.

Д о б р ы й б о г. Да? Что ж, нечто и в самом деле есть еще на высотах, где не живут орлы. Есть там такая бесчинная сила, что завладевает этой фалангой влюбленных и слепо ее защищает. Оттого-то, пока я мыслю, я неотступно следую по пятам за этой цыганкой, что пришла ниоткуда и, сама без дома, покровительствует этим одичалым гнездам, — за этой цыганкой, что там, внизу, пробирается сгорбившись, украдкой, а потом вдруг взметнется и воспарит над асфальтом, и

взлетает все выше, чтобы не оставляли следов ее ноги, — если угодно, я бы мог сказать: за Любовью — за Ней, что никогда не дается нам в руки, за Ней, что схватить мы не в силах и привлечь к ответу не в силах.

Неуловима. Непостижима. Только что была вот здесь — и снова неуловима.

И я готов поклясться, что она — та, что вчера еще любила этих двоих, и зажигала для них пламя кактусового цветения, и вздымала в ночную тьму тополиные стрелы, — что сегодня она уже любит двух других и для них наполняет трепетом ветки мимозы,

что она и бровью не поведет — только подтянет туже свой черный корсаж, взвихрит свой красный подол и снова затмит кому-нибудь белый свет своими глазами, бессмертными от вековой печали!

С у д ь я. Непостижимо. Привлечь к ответу не в силах. Конечно. Но что постижимо — это факты. *(Перелистывая бумаги.)* Что там происходит на тридцатом этаже?

Д о б р ы й б о г. Комната светлее самого дня. Вернувшись с покупками, там жарят на плите рыбу с пресными круглыми глазами, стирают пару чулок и пару носков в ванной, вешают их

на стальную перекладину, которая могла бы служить и вместо турника, если бы нечем было больше заняться. Все это уже называется — «дома». Время от времени там высовываются из окна, вырывают соломинки и тростинки из рекламы новых метел и наклеивают на стены, чтобы номер все больше походил на гнездо. Два раза поворачивают ключ в двери, а в третий раз встают еще проверить, заперта ли она. На улицу выходят все реже и реже. Но вот кончились сигареты, один из двоих хочет выйти купить, потом решают пойти вместе.

С у д ь я. А как насчет писем от белок?

Д о б р ы й б о г. Целый воз. Почта накапливается. А Билли и Фрэнки скачут по коридору и время от времени заглядывают в замочную скважину.

В коридорах отеля.

Б и л л и *(кривляясь, напевает)*. Не узнать вам, я клянусь…

Ф р э н к и. Коль нельзя узнать, чего горевать.

Б и л л и. Заткнись, слабоумный! Тоже мне поэт! Скажи лучше — что ты надумал для девчонки?

Ф р э н к и. К чертям! В преисподнюю!

Б и л л и. А для него?

Ф р э н к и. Он хитер, но и его прихватило. Ловкач, хитрец, свету конец!

Б и л л и. Ну скажи уж!

Ф р э н к и. Испанскую пытку!

Б и л л и. Испанскую?

Ф р э н к и. Ты помрешь со смеху. По сравнению с этим растягивание суставов — тьфу. Раскаленные иглы под ногти — забава для колониальных чиновников. Экзекуция по сравнению с этим — блаженство. Я скажу тебе на ушко.

Шепчет что-то непонятное.

Хо-хо?

Б и л л и. Ого!

Ф р э н к и. Пойдет?

Б и л л и. Пойдет. Если согласится наш строгий начальник.

В зале суда.

С у д ь я. Мы же не в средневековье.

Д о б р ы й б о г. Нет. На заре новой эры. Или на ее закате. Как угодно.

С у д ь я. Невыносима эта жара. Да и смеркается уже.

Д о б р ы й б о г. Я полагаю, что вы, как и все в наше время, за массовое уничтожение, а не за

индивидуальное. Я же ради индивидов, желающих самоустраниться, вынужден был наладить несколько старомодную процедуру и потому едва ли заслужил в ваших глазах снисхождения.

С у д ь я. Какого снисхождения? И для чего?

Д о б р ы й б о г. Должен уточнить одну деталь. Разнузданную фантазию своих подручных я лишь направлял и использовал; моей трезвой натуре она претила. Подобные извращения свойственны лишь плебеям. Кровожадность мне чужда.

С у д ь я. Вы отрицаете?..

Д о б р ы й б о г. Они лишь получили по заслугам.

С у д ь я. Вы отрицаете? К чему тогда эти разговоры о снисхождении?

Д о б р ы й б о г. Ну что ж, коли так — никакого снисхождения.

Г о л о с а.

ХОРОШИЙ СВЕТ ПОЧТИ ЧТО ДАРОМ
СДЕЛАЙ ИЛИ УМРИ! ЗА БЕСЦЕНОК
НЕТ СНИСХОЖДЕНИЯ ДЛЯ СОЛОВЬЕВ
ПОМНИ ОБ ЭТОМ ЧТО Б НИ СЛУЧИЛОСЬ
ПРОХОДИТЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ ВПЕРЕД
ШАКАЛЫ И ВОЛКИ ВСЛЕД
МИР НИКОГДА НЕ ПРИХОДИТ ОДИН
НИКАКОГО СНИСХОЖДЕНИЯ ПОКА НЕ ПОЗДНО

ЖЕСТКИЕ МЕРЫ ЕЩЕ ЖЕСТЧЕ
ДОЛОЙ ВСЕ БАРЬЕРЫ
ЭТОГО ТЫ НЕ ВОЗЬМЕШЬ С СОБОЙ
СТОП ПРИ СВЕТЕ ПРИ СВЕТЕ ДНЯ СТОП

В номере тридцатого этажа.

Д ж е н н и ф е р. Спаси меня!

Я н. И это ты? Вот чем ты стала? Ты, румяная девочка с дневниками и Труменом, поцелуями на сон грядущий и поцелуями в автомобиле, с исписанными тетрадями под мышкой, — приличная милая девочка с вопросом во взгляде: ну как я вам? Для чего укреплены пожарные лестницы на всех домах? Чтобы можно было спастись, когда начнется пожар. Для чего стоят огнетушители во всех номерах? Чтобы можно было затушить его и спастись.

Д ж е н н и ф е р. Спаси меня! От тебя и от меня. Давай не будем терзать друг друга, давай я стану тихой перед тобой.

Я н. Ты собираешься плакать? Ну плачь!

Д ж е н н и ф е р. Ты думаешь, мы сошли с ума?

Я н. Может быть.

Д ж е н н и ф е р. Ты презираешь меня?

Я н. Слегка. Ровно настолько, чтобы не переставать удивляться тебе. Но я и себе удивляюсь.

Д ж е н н и ф е р. Ты сегодня уедешь?

Я н. Нет.

Д ж е н н и ф е р. Но я же знаю, что это всего лишь отсрочка, снова и снова отсрочка. Зачем?

Я н. Не спрашивай! Может быть, затем, что еще не все пережито. Но куда девалось твое любопытство? Ты хотела задать мне совсем другие вопросы и дать ответы на те вопросы, которых ты ждешь от меня.

Д ж е н н и ф е р. Да, да. Давай поговорим, давай полежим спокойно. Рассказывай.

Я н. Что-нибудь из детства? Истории из деревенской и городской жизни, с родителями, тетями и дядями? Из школьных лет? О строгих учителях, сражениях мелками и сданных экзаменах? Я был рожден, и потом уже, в сущности, сразу было поздно.

Д ж е н н и ф е р. Да. Наверное, это глупо… но мне кажется, что я должна знать все как было.

Я н. Тогда я мог бы тебе еще рассказать, какие идеи и убеждения я перепробовал, сколько я сейчас зарабатываю на безыдейности и каковы мои виды на будущее. Или описать тебе страну, ее горы, яблони и новые границы. Но вы тут знаете только одно: Европа, европейцы. Зачем же мне быть мелочным, говорить о наших яблонях

и обижать своим вниманием пинии и пляжи, которые ведь тоже где-то есть. Да и вообще все это теперь так далеко, и ни на чем нет больше надписей для меня.

Д ж е н н и ф е р. А… Но…

Я н. Еще что-нибудь?

Д ж е н н и ф е р *(тихо)*. А другие… которые у тебя были? И что значу теперь я?

Я н *(после короткого раздумья)*. Неужели я так тебя запугал, что ты только сейчас об этом спрашиваешь? Неизбежный, излюбленный вопрос. Я был готов к нему. Но чего ты хочешь им добиться? Положим, я что-нибудь тебе расскажу, о немногих женщинах или о многих, о разочарованиях — так это вроде бы называется? — или о незабываемых мгновениях. Я вполне владею этим словарем, и для своего прошлого я составил несколько версий. Какие в голову приходили — подряд. Есть версия трагическая, и есть легкомысленная, версия с красной нитью и версия с голой статистикой. Но не лучше ли будет, если ты избавишь меня от необходимости их излагать?

Д ж е н н и ф е р. Избавлю. Просто, когда ты говорил о письме, которого ты мне не напишешь, ты сам сказал: «Пиши мне лучше до востребования, потому что… но это я объясню тебе позже».

Я н. Я, видимо, хотел себя выдать. Потому что на самом деле там сейчас есть кто-то, кто ждет меня. Нас всегда кто-то ждет. Или уж не стоило вообще начинать. А так — тебя передают из рук в руки, одна связь сменяет другую, и ты кочуешь из постели в постель.

Д ж е н н и ф е р. Что же ты скажешь, когда вернешься?

Я н. Ничего.

Д ж е н н и ф е р *(дрогнувшим голосом)*. Будто ничего и не случилось?

Я н. Этого я не сказал. Я даже не хочу сказать всем этим, что я вообще туда вернусь. Но так или иначе — говорить вообще нечего.

Д ж е н н и ф е р. Потому что так проще. О, все так просто, так просто!

Я н. Ну поплачь! Но не забывай, что ты и сама сказала: смотри не проболтайся!

Д ж е н н и ф е р. Да. Потому что так написано в письмах от белок.

Я н. Уж они наверняка знали, что писать.

Д ж е н н и ф е р. А если не знали?! Значит, я тебя так никогда и не узнаю.

Я н. Разве тебе бы полегчало, если бы ты узнала о моих слабостях и о двух-трех счастливых днях, которые случайно мне перепали? Вот я ничего не

хочу о тебе знать, я хочу вывести тебя за скобки твоих историй. Когда ты ходишь, двигаешься, смотришь, когда ты идешь за мной, уступаешь и не находишь больше слов, ты удостоверяешь себя так, как не может удостоверить тебя ни одна бумага, ни одно удостоверение. Мне не страшно за твою достоверность. *(Изменившимся тоном, презрительно.)* Но мы могли бы найти приемлемую основу для совместного существования, если тебе это так важно.

Д ж е н н и ф е р. Не говори так! Не говори так!

Я н. Например, что ты знаешь об интерференциях и автоматизации, о квантовых переходах и интерсубъективной верификации?

Д ж е н н и ф е р. Не говори так!

Я н. О нуклеарных изменениях, психопатологии и палеолите?

Д ж е н н и ф е р *(боязливо)*. Пожалуйста, не надо…

Я н. Об этом, стало быть, разговора не выйдет.

Д ж е н н и ф е р. Нет…

Я н. Может, о чем-нибудь другом?

Д ж е н н и ф е р. О чем хочешь… Я постараюсь.

Я н. Для чего стараться?

Д ж е н н и ф е р. Чтобы… подтянуться до тебя.

Я н. Ты будешь высказывать мнения?

Д ж е н н и ф е р. Какие?

Я н. Это я тебя спрашиваю.

Д ж е н н и ф е р. Разве это так важно?

Я н. Нет. Но раз уж мы дошли до этой точки, я хотел просто констатировать, что получится, если ты, не имея никаких мнений, будешь стараться и все такое.

Д ж е н н и ф е р. Не отталкивай меня так…

Я н *(все оживленнее и ироничнее)*. Есть и другие возможности коммуникации. Можно ходить по театрам и в антрактах обмениваться впечатлениями о прекрасно имитированном заклинании огнем.

Д ж е н н и ф е р. Это ты о какой пьесе говоришь?

Я н. О той, которую я никогда с тобой не увижу. А как насчет музыки? В свободное время мы послушаем знаменитый фортепьянный концерт, главные части которого можно будет с полным основанием квалифицировать как блистательные и о глубокой органичности которого можно будет сказать, что она покоряет.

Д ж е н н и ф е р. Это ты о серьезной музыке?

Я н. А если это не пойдет, то посетим с тобой музеи и будем напряженно всматриваться в шедевры, постигая цветовые гаммы. А если и

это не пойдет, ты научишься стряпать и будешь ублажать меня омлетами, соусами и десертами. Выход по вечерам — кино. Уставимся дружно на экран и расслабимся. Можешь быть уверена — уж что-нибудь да найдется, чтобы нас связать. Например, дети, заботы, плохая погода. Можешь быть уверена!

Д ж е н н и ф е р. Мне все равно что.

Я н *(зло)*. Мне тоже.

Д ж е н н и ф е р. Ты становишься таким красивым, когда злишься.

Я н. Я не злюсь. Я хотел бы только вырваться из всех лет и из всех мыслей всех лет, и до основания снести ту постройку, что называется моим «я», и стать другим, каким я никогда не был.

Д ж е н н и ф е р. Вот сейчас ты такой красивый, каким никогда не был.

Я н. Я тебе еще что-то скажу: невозможно, чтобы это с нами случилось — ты моя, я твой, доверие за доверие; подумаем о будущем; быть хорошими друзьями; держаться друг друга, стоять друг за друга; быть утешением.

Быть утешением! Ты первый человек, у которого я не ищу утешения. Своих друзей и своих врагов я мог выносить, даже если они меня сковывали и злоупотребляли моим терпением. Все я

мог выносить. Тебя не могу.

Д ж е н н и ф е р. Как ты красив, и как я боготворю тебя. Я целую твои плечи и не думаю ни о чем. Скажи — это и есть безутешность?

Я н. Да. Но это лишь первый приступ, первый удар по цепи, которая не хочет рваться. Но послушай: она уже звенит, и под конец, если она вдруг беззвучно порвется, ты снова не будешь ни о чем думать. Но тогда, может быть, над нами уже не будет тяготеть и закон бытия.

В конторе Доброго бога.

Б и л л и. Они уже долго не протянут. Уже закатывают глаза. Бессмысленно глядят в пустоту. Богохульствуют.

Ф р э н к и. Давай сюда картотеку. Что там говорит последняя бумажонка? Что говорит начальник?

Б и л л и. Ждать. Еще подождать.

Слышен скребущий звук.

Не царапай шкаф с патронами. Начальник как даст тебе по лапам.

Ф р э н к и. Они у меня уже просто чешутся!

Б и л л и. Может, еще им письмо послать?

Ф р э н к и. Но такое, чтобы подстегнуло пульс,

подняло давление. К чертям их собачьим!

Б и л л и. Так что мы напишем?

Ф р э н к и. «Смотри не проболтайся».

Б и л л и. Это само собой.

Ф р э н к и. Гм — дальше ничего в голову не приходит. Прямо хоть за хвост себя кусай.

Б и л л и. Ну и кусай!

Ф р э н к и. Ой! Ой!

Б и л л и. Придумал?

Ф р э н к и. Да!

Б и л л и. Надеюсь, что-нибудь толковое.

Ф р э н к и. Надо загнать их еще выше!

Б и л л и. Не морочь голову, а то получишь по зубам.

Ф р э н к и. Сам получишь по зубам! На последнем этаже должен оказаться свободный номер. Дай-ка сюда картотеку. Кто там сейчас поджаривается?

Б и л л и. Наверху? На пятьдесят седьмом? *(Начинает перебирать картотеку.)* Это, значит, последний…

Ф р э н к и. Я сказал — дай сюда! Ага. Мистер Миссисмистер. Что ж, попробуем.

Б и л л и. А как?

Ф р э н к и. Его надо вытурить. Мы к нему подбегаем. Я одним прыжком бросаюсь ему на грудь.

Он тут же кидается укладывать чемоданы — от ужаса.

Б и л л и. Ну хорошо. Он выселяется, мы вселяемся. А потом?

Ф р э н к и. Они будут как в состоянии невесомости. Кругом разреженный воздух. Ощущение, что уходит почва из-под ног. Они почувствуют головокружение. И тогда они плюнут. *(Плюет.)* Плюнут на небесную землю. *(Снова плюет.)*

Б и л л и. Гениально. Так оно быстрее пойдет.

Ф р э н к и *(ликующе)*. Не узнать вам!..

Б и л л и *(подхватывая)*. Не узнать вам, я клянусь,

Шустрым Билли…

Ф р э н к и. Резвым Фрэнки…

Б и л л и. Робкой, резвой…

Ф р э н к и. Шустрой белкой я зовусь!

В зале суда.

С у д ь я. Действительно, на последнем этаже по той или иной причине жилец освободил номер.

Д о б р ы й б о г. Портье вспомнил о чаевых, которые он получил от обоих, и переселил их. Из номера наверху открывался странный вид. Внизу лежал мир, будто оброненный в полете. С одной стороны уже поднимался месяц, с другой

еще заходило солнце. Море отчетливой дугой изгибалось вдали и стаскивало корабли и дым от их труб за горизонт, в другие части света.

С у д ь я. Что за странный маневр — эта история с переселением! Вы, вероятно, рассчитывали, что там, наверху, сможете действовать более незаметно?

Д о б р ы й б о г. Нет, более быстро. Я просто подгонял события, которые уже невозможно было остановить. А потом — я и жалел их, потому что у них уже почти кончались деньги. Я хотел избавить их от мелочных забот. Вы же знаете, как дороги номера наверху.

С у д ь я *(пренебрежительно)*. Еще и жалость. Знаю, знаю. *(Перелистывая бумаги.)* Верно ли, что мы подходим к последней ночи?

Д о б р ы й б о г. К ночи самой последней перед последним днем. С невыносимой, горячечной жарой. Вентилятор был бессилен.

С у д ь я. Сегодня тоже как тогда.

Д о б р ы й б о г. Лед таял в стакане, прежде чем они успевали поднести стакан к губам.

С у д ь я. И они ничего не заподозрили?

Д о б р ы й б о г. Они получили письмо и поверили на слово.

В номере пятьдесят седьмого этажа.

Д ж е н н и ф е р. Надо же. Опять намек. Опять знак. *(С нежностью.)* Милые, дорогие белки.

Я н. Вечернее переселение. Вселение в саму ночь.

Д ж е н н и ф е р. Я положу свою щетку для волос рядом с твоей. Расставлю твои книжки. Повешу твою куртку рядом со своей юбкой. Мне хотелось бы разложить и расставить все так, как будто это навек. Какой миг! И я хочу запомнить навек: тихая ночь и влажный зной, сияющий остров, над которым мы вознесены, и свет, который мы будем здесь жечь, чтоб еще добавить ему сияния, — ни в чью честь.

Я н. Иди ко мне! Выброни все, что держишь в руках. Выброни все навек. Я чувствую, что никогда не буду знать лучше, чем в этой комнате, случайной из случайных, на каком меридиане и на какой параллели я нахожусь, и знать, на какой основе зиждется все. Именно здесь ощущаешь, что все-таки есть места, где мало земли. Здесь царит простор. И ты укрываешь меня, чужака.

Д ж е н н и ф е р. Издалека он пришел и далеко держит путь, и я стелю ему постель и ставлю кружку с водой.

Я н. Но он еще бредет на ощупь и не совсем вышел из тьмы. Он еще вызывает насторожен-

ность, потому что акцент его жёсток, и он еще не внушает доверия. Если бы у меня была карта, которая меня бы тебе объяснила! Желтым цветом — все мои пустыни, белым — тундры и еще не изведанные пространства. Но есть на ней и новый зеленый цвет, и он свидетель, что море холода в моем сердце исчезает, уходит в землю.

Д ж е н н и ф е р. Наконец-то. Наконец-то.

Я н. И если бы еще была такая книга, из которой я узнал бы все, что в тебе происходит! Узнал бы про климат, растительность и фауну, про возбудителей твоих болезней и их немых заклятых врагов в твоей крови и про те мельчайшие живые существа, которые я вызываю своими поцелуями. Мне хотелось бы увидеть, что есть сейчас, вечером, когда тело твое будто все освещено и готовится встретить торжественный, радостный праздник. И я уже вижу: прозрачные плоды и драгоценные камни, кизил и рубин, мерцающие минералы. Феерии артерий. Вижу их. Гляжу на них.

Вскрылись все пласты. Покровы твоей плоти, шелковистая белая кожура, облекающая твои суставы, твои расслабленные мускулы, мраморные полированные кости и лак обнаженных чресл. Дымный свет в твоей груди и крылатый рисунок

ребер. Гляжу на все. Вижу все.

Д ж е н н и ф е р. О, если бы я могла сделать еще больше — вскрыть себя всю для тебя, и перейти во владение твое, каждой своей жилкой, как и положено — телом и душой.

Я н. И еще хочу слушать. Приникнуть ухом к тебе, — потому что нет в тебе тишины, будто поднимаются и стихают порывы ветра в твоих легких. Слышать стук немолчного поршня в твоем сердце, робкий звук твоих глотков, призрачное потрескивание в суставах.

Д ж е н н и ф е р. Вслушивайся в меня — у меня нет от тебя тайн.

Я н. Но я узнаю их все? О, тогда ревность охватит меня и не отпустит до тех пор, пока я не изучу все мистические цвета внутри тебя, потайные ходы сквозь лабиринт клеток, соли, осевшие в тканях, маски и лампионы, мозаичные полы с изображением сцен из забытых мифов. Все поры мозга. Все это расточительное устройство, что зовется тобой и чему суждено погибнуть бесследно и бесславно.

Д ж е н н и ф е р. Разве я уже не погибаю? И разве я погибаю не из-за тебя?

Я н. Значит, малый отпущен нам срок на этой земле. Потому что даже если все уже будет откры-

то и заключено в неколебимые рамки формул, вкрадчивый глянец твоих глаз и золотистый ворс твоей кожи еще не будут постигнуты мною. Если даже все будет познано, создано и разрушено снова, — я еще буду блуждать в лабиринте твоих взглядов. И рыдание, что вырвется из твоей трахеи, как в первый раз, потрясет меня.

Д ж е н н и ф е р. Такой малый срок. Слишком малый отпущен срок.

Я н. И потому я не перестану обнимать даже твой скелет и слышать звон вот этого ожерелья на твоих позвонках, и не будет тому конца. Истлевшими устами я буду глотать ту пригоршню праха, какою станет твое истлевшее сердце, и задохнусь этим прахом. Ты превратишься в ничто, но и в нем будет безраздельно царить мое ничтожество. С тобой я хочу быть до конца всех дней, с тобой опуститься на дно той бездны, что разверзлась перед нами. Если конец, то только с тобой. Жажду конца. И жажду бунта против конца любви — отныне и до конца.

Д ж е н н и ф е р. Моего конца. Уж договаривай до конца.

Я н. Есть во всем устройстве мира изначальная подлость, и никакое кощунство не выразит ее размеров. Почему должна лгать нам любовь, почему

угасают ее огненные письмена, лишь только мы приблизимся к ним? Кто это вопил о том, что бог мертв? Что низвергнут в долины громов? Что его больше не существует? Может быть, жалобы эти были слишком ничтожны за этот ничтожный срок? Неужели мы вырываем наши сердца из груди зря, лишь для того, чтобы этой ничтожной жалобой заполнить пустыню мира, — и неужели ради этого ты и умрешь? О нет! Люби меня, чтобы я не заснул и не перестал любить тебя. Люби меня, чтобы нас осенило прозрение. Кто запретит мне удержать тебя, мучить тебя и отчаиваться в мире вместе с тобой? Кто поставит мне срок, до которого мне еще дано удерживать тебя, — если я хочу этого всегда и навеки? Я не хочу покидать тебя, я хочу обмануть тебя миром грез и обмануть себя миром снов. Я хочу того, чего еще никогда не было, — беспредельности. И останется только ложе, на одном конце которого громоздятся айсберги, а на другом конце кто-то раздувает пожар. А по обеим сторонам вместо ангелов — орхидеи юга, глумливый визг попугаев и чахлая зелень голодных стран. Не засыпай, прошу тебя.

Д ж е н н и ф е р. Я больше не засну. Больше тебя не оставлю.

Я н. Так иди ко мне. Я с тобой, против всего и

вся. Время начинает обратный ход.

В зале суда.

С у д ь я. О чем идет речь?

Д о б р ы й б о г. Об ином бытии. О переходе границы. О том, чего ни вы, ни я не учли.

С у д ь я *(сухо)*. Нам тут уже приходилось иметь дело с самыми различными случаями.

Д о б р ы й б о г. Вам сейчас приходится иметь дело со мной. А до них вам нет дела.

С у д ь я. Вы слишком самоуверенны. Не хотите ли вы сказать, что история Эллен Гей, и этого Бамфилда, и всех других, кого вы…

Д о б р ы й б о г. …кого я? Я?

С у д ь я. …кто был убит, — что все эти истории развивались так же?

Д о б р ы й б о г. Этого я не могу утверждать. Каждая история совершалась на другом языке. Развивалась по-другому — вплоть до бессловесности. И время, в котором она протекала, было другое. Но тот, кто этим не занимался, может, конечно, узреть во всех них сходство. Подобно тому как сходны между собой все двуногие. Но у всех участников этих историй было стремление взорвать привычные рамки, чтобы утратить опору в мире. Не сказано ли, что иной раз оказываются

виновными не убийцы, а убитые?

С у д ь я. Не пытайтесь перевернуть вещи с ног на голову! И не играйте словами.

Д о б р ы й б о г. Я и не пытаюсь. Я просто хочу разъяснить вам, что те двое уже ни во что больше не верили, а мною двигала глубокая вера.

С у д ь я. Вами!

Д о б р ы й б о г. Хотите мой символ веры? Я верю в порядок для всех и навсегда, порядок, в согласии с которым люди жили бы каждый день.

Я верю в великую условность и в ее великую силу, оставляющую место для всех мыслей и чувств, и я верю в смерть ее врагов. Я убежден, что любовь принадлежит к ночной стороне мира и что она пагубней любого преступления, любой ереси. Я убежден, что там, где она возникает, поднимается смерч, как перед первым днем творения. Я убежден, что любовь невинна и ведет к гибели; что ею лишь множится вина, вовлекающая все инстанции в дело.

Я думаю, что любящие заслуженно взлетают в воздух и всегда взлетали. А там, возможно, им отводят место среди созвездий, — пускай. Не вы ли сказали: «Он ее даже не похоронил?» Не вы ли сами?

С у д ь я. Да.

Добрый бог. А я это только повторяю. Не похоронил, понимаете? Отвел ей новое место. Среди созвездий.

Судья *(спокойным тоном)*. Вы болезненный фантаст. Любой человек по собственному опыту назовет вам десятки счастливых пар. Подруга детства, вышедшая впоследствии замуж за врача. Соседи по даче, уже нажившие пятерых детей. Двое студентов с явно серьезным чувством друг к другу.

Добрый бог. Я согласен с вами — им нет числа. Но кого интересуют люди, которые, дерзнувши однажды отбиться от стада и вкусить свободы, вернулись назад, повинуясь безошибочному инстинкту? Люди, обуздавшие и без того скудное изначальное пламя и сделавшие из него целебную процедуру против одиночества, — дружеский союз и совместный экономический интерес? Создавшие себе приемлемый статус в обществе? Все в равновесии, все в порядке.

Судья. Ничего другого быть не может — и не бывает.

Добрый бог. Потому что я все это искоренил! Я уничтожил их всех, для того чтобы воцарились в мире покой и надежность; для того чтобы и вы могли сидеть здесь спокойно и разглядывать

свои ногти; чтобы остался неприкосновенным порядок вещей — тот, который нам удобен.

С у д ь я. Не может быть двух судей — как не может быть двух миропорядков.

Д о б р ы й б о г. Тогда, значит, вы мой союзник, и я просто этого еще не знаю. Тогда, вероятно, вы собрались не обезвредить меня, а просто выслушать наконец вещи, о которых не принято говорить. И, стало быть, есть не два блюстителя порядка, а всего лишь один.

Г о л о с а.

ОДНО СОЗВЕЗДИЕ ЕЩЕ НЕ ДЕЛАЕТ НЕБА
СОВЕТУЕМ БЫТЬ ОСМОТРИТЕЛЬНЕЙ И ХИТРЕЙ
КОПИТЕ НАСИЛИЕ ПРО ЗАПАС
РАКЕТЫ ИГРИСТЕЙ БОМБЫ ВЫДЕРЖАННЕЙ
ТЯЖЕЛАЯ ВОДА ЗНАМЕНИТЕЙ
ЗАБУДЬТЕСЬ РАССЛАБЬТЕСЬ ЗАБУДЬТЕ МИР
ГОНГ ПРОБЬЕТ НОЛЬ ЧАСОВ НОЛЬ МИНУТ
ПОД УДАРАМИ ВЗДЫМАТЬСЯ И ОПУСКАТЬСЯ
ПОМНИ ОБ ЭТОМ ТЫ НЕ МОЖЕШЬ
КОНЧАЙ ЛЕГКО И МГНОВЕННО
ВЫНЕСИ ВСЕ С УЛЫБКОЙ — СТОП!

В номере пятьдесят седьмого этажа.

Я н. Ты согласна? Ты вынесешь? Хотя это — прощание, и слов у нас больше нет.

Д ж е н н и ф е р. Меня страшит только то, что ты все еще здесь и я должна смотреть на тебя в эти последние секунды. Меня уже скоро не станет. И поскорей бы. Чтобы не было боли. Чтобы не было меня. Можно мне все сказать?

Я н. Все. Говори все!

Д ж е н н и ф е р. Не прикасайся больше ко мне. Не приближайся ко мне. Иначе я могу вспыхнуть, и будет пожар.

Я н. На сколько мне отойти?

Д ж е н н и ф е р. Отойди к двери. Но не берись еще за ручку.

Я н *(издали)*. Я…

Д ж е н н и ф е р. Не разговаривай со мной. И не обнимай меня напоследок.

Я н. А я?!

Д ж е н н и ф е р. Нажми теперь на ручку и уходи не поворачиваясь. Чтобы только не спиной ко мне. Хотя я закрою глаза и не буду больше видеть твоего лица.

Я н. Но я не могу.

Д ж е н н и ф е р. Не причиняй мне боли. Не тяни.

Я н *(приближаясь к ней)*. Я уже не могу уйти.

Д ж е н н и ф е р. Нет. Не прикасайся ко мне!

Я н. Не буду. Посмотри на меня. Не буду.

Д ж е н н и ф е р *(падая на колени, глухим голосом)*. О, это правда. Не будешь.

Я н *(с ужасом)*. Что ты делаешь? Не делай этого!

Д ж е н н и ф е р. Не лежать у твоих ног и не целовать их? Нет, я теперь только это и буду делать. И куда бы ты ни пошел, я пойду за тобой, на три шага сзади. И пить буду не раньше, чем напьешься ты. Есть не раньше, чем ты наешься. Бодрствовать, пока ты спишь.

Я н *(тихо)*. Встань, любовь моя... Я сейчас открою окно и впущу в эту комнату небо. Ты подождешь здесь и не будешь плакать, когда я уйду, — я пойду всего лишь сдать билет, и пускай себе корабль отплывает. Я возьму огненно-красное такси, оно едет всего быстрее.

Мне все теперь ясно.

Я знаю теперь только одно — что я хочу жить и умереть здесь, подле тебя, и на новом языке говорить с тобой; что для меня уже не может быть никакой профессии, никакого занятия, никакого полезного дела, — я со всем этим порву, я уйду от всех людей. И даже если я навсегда утрачу вкус к миру, это произойдет оттого, что я буду послушен только тебе и твоему голосу. И на новом языке по доброму старому обычаю я объяснюсь тебе в

любви и назову тебя «душа моя». Я еще ни разу не слышал этих слов, а сейчас я нашел их, и нет в них обиды для тебя.

Д ж е н н и ф е р. О, смотри не проболтайся…

Я н. Моя душа, мой дух, я схожу с ума от любви к тебе, и это единственное, что я знаю. Это начало и конец, альфа и омега…

Д ж е н н и ф е р. Добрый старый обычай: если ты объясняешься мне в любви, я делаю ответное признание. Душа моя…

Я н. Бессмертна наша любовь или нет, но после этого «да» уже не будет никакого другого.

В зале суда.

Д о б р ы й б о г. Да, они должны были сгинуть, сгореть дотла, ибо ничему и никому нельзя было подходить к ним близко. Они как те редкие элементы, которые время от времени отыскиваются на земле, те ферменты безумия, сильнее испепеляющих лучей, которые разлагают все и вся и расшатывают скрепы мира. Одна даже память о них, как чума, отравляет места, по которым они ступали.

Нынешний суд может стать беспрецедентным. Если меня осудят, все навек лишатся покоя. Эти любящие должны погибнуть — иначе их будто

и не было вовсе. Они должны быть затравлены до смерти — иначе они будто и не жили. Мне скажут: их чувство пройдет, все образуется. Но это и не чувство вовсе — это сама гибель! И ничто не образуется.

А ведь надо избежать этого, надо как-то приспособиться, выжить! Отвечайте же — ради всего, что свято для вас. Отвечайте!

С у д ь я. Да.

Д о б р ы й б о г. После этого «да» не должно быть никакого другого. После этого «да» — я бы снова пошел туда и снова сделал это.

В номере пятьдесят седьмого этажа.

Д ж е н н и ф е р. Войдите.

Д о б р ы й б о г. Вы одни?

Д ж е н н и ф е р. Да.

Д о б р ы й б о г. Я хотел бы отдать вот этот пакет. Его передали для вас.

Д ж е н н и ф е р *(не двигаясь с места)*. Я ничего об этом не знаю.

Д о б р ы й б о г. Это сюрприз.

Д ж е н н и ф е р *(в голосе ее слабо затеплилась радость)*. Подарок, да?

Д о б р ы й б о г. Позволите поставить вот здесь? И вы не будете слишком любопытны и дождетесь,

когда вернется ваш друг?

Д ж е н н и ф е р. О, конечно. Я не любопытна. Теперь я могу ждать. Ждать…

Д о б р ы й б о г *(изменившимся тоном)*. Он сейчас вернется.

Д ж е н н и ф е р. Да, сейчас. Он… он вышел только на минутку, он спешил, хотя спешки уже никакой нет. Ведь сегодня — день сюрпризов. *(Помолчав.)* Сегодня, знаете, особенный день. Спасибо вам.

Пауза.

Большое спасибо. Вы не уходите?

Д о б р ы й б о г *(не двигаясь с места)*. Вы благодарите меня?

Д ж е н н и ф е р. Да. *(Шепотом.)* Но мне теперь надо остаться одной. Понимаете? Ведь сегодня вечером отплывает корабль, который его у меня уже не отнимет, и потому мое платье разорвется от счастья.

Пожалуйста, уходите. Мне ни с кем нельзя говорить. Я люблю. И я вне себя. Я сгораю от любви и сжигаю время ожидания, переплавляя его в любовь. Я жду его до последнего мгновения, и я люблю его.

Уходите же, наконец, не смотрите на меня так.

Не дышите больше этим воздухом — он мне нужен. Я люблю. Уходите прочь. Я люблю.

Д о б р ы й б о г. Что слышно от белок?

Д ж е н н и ф е р. Великий боже!

Д о б р ы й б о г. Письмо от белки. В нем написано: «Смотри не проболтайся».

Д ж е н н и ф е р *(страшным, тихим голосом)*. Это вы не проболтайтесь. Вы. Не говорите никому.

Д о б р ы й б о г. Никто не узнает.

Д ж е н н и ф е р. Никто.

Стук захлопываемой двери.

Музыка.

В баре на сорок шестой стрит.

Я н *(входя)*. Добрый день.

Б а р м е н. Что прикажете?

Я н *(вздрогнув)*. Не знаю. Что вы посоветуете?

Б а р м е н. Наверное, двойное виски. Со льдом доверху.

Я н. Да. Только поскорей. Который, собственно, час? Мои часы идут так медленно. Я хочу сказать, они, наверное, вот-вот остановятся, потому что я уже несколько дней их не заводил.

Б а р м е н *(за стойкой)*. Чертовская жара сего-

дня, верно? *(Ставит стакан на стойку.)* Скоро должны передавать точное время. Я сейчас настрою приемник.

Я н. Спасибо.

Б а р м е н *(настраивает приемник)*. Бейсбольный матч уже кончился. Как всегда, реклама.

Г о л о с а и з п р и е м н и к а *(очень тихо)*. НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕСЬ ПРОХОДИТЕ

Я н. Мне надо идти.

Б а р м е н. По сорок шестой вы дальше не пройдете. Все разрыли. Отвадили всех моих клиентов. Вам надо идти назад целый квартал.

Я н. А-а. В самом деле, здесь так пусто.

Г о л о с а *(тихо)*. ПОДУМАЙ ОБ ЭТОМ ПОКА НЕ ПОЗДНО

Я н. Еще двойное, пожалуйста. Знаете… Я бы хотел… Я вас не задерживаю?

Б а р м е н. Что вы, что вы. Я все понимаю. Мы ничего не знаем.

Я н. Да нет, не это. Но приятно хоть с кем-то поговорить. Просто так.

Б а р м е н. Вы очень симпатичный молодой человек. *(Ставит перед ним стакан.)*

Я н. Это… сегодняшняя газета?

Б а р м е н. Конечно. Возьмите.

Я н. Только заглянуть… Ведь я уже несколько

дней не брал в руки газет. *(Разворачивает газету.)*

Г о л о с а *(тихо)*. НЕТ ВРЕМЕНИ ДЛЯ ПОЩАДЫ

Я н *(встрепенувшись)*. Время! Не могли бы вы поискать другую программу?

Б а р м е н. Давайте попытаемся. *(Пытается найти другую станцию.)*

Г о л о с а *(вырываясь из приемника, в сопровождении шумов)*.

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПОДУМАЙ ОБ ЭТОМ

СТОП ПРИ СВЕТЕ СТОИТЕ СТОП

Б а р м е н. Попытаемся.

Крутит регулятор дальше. Раздается громкая музыка, затем — глухой взрыв и тишина.

В коридоре пятьдесят седьмого этажа.

Ф р э н к и. Ух, взлетели! Ух, сгорели!

Б и л л и. Но он-то. Не пришел. Не взлетел. *(Плаксиво.)* Свинство какое.

Ф р э н к и. Я опалил себе шкурку. Тоже чуть не взлетел. Что мы доложим?

Б и л л и. Взрыв основательный, но расчет плохой. Одного мертвеца не хватает. А шеф ждет внизу в холле. Ему хотелось послушать.

Ф р э н к и *(жеманничая)*. Мне сейчас неудобно к нему. Я себе шубку опалил.

Б и л л и. Тише! Они уже идут. Зеваки. Спустимся по наружной стенке. Перепрыгнем через комнату — и в окно. Быстро!

Ф р э н к и. Фи, ну и видик тут! Черно, как в преисподней. Все обгорело. Еще дымится. *(Закашлявшись.)* Не узнать вам, я клянусь…

В зале суда.

С у д ь я. Она умерла одна.

Д о б р ы й б о г. Да.

С у д ь я. А почему? *(Сразу продолжая, более уверенным тоном.)* Потому что он внезапно, когда жребий уже был брошен, почувствовал желание побыть одному, спокойно посидеть с полчаса, подумать, как он думал прежде, и поговорить, как он говорил прежде, — в местах, до которых ему не было дела, и с людьми, до которых ему тоже не было дела. Он впал в рецидив, и прежний порядок на мгновение захватил его в лапы. Он стал нормальным, здоровым, порядочным человеком, который любит пропустить стаканчик перед ужином и который заглушил в себе шепот возлюбленной и пьянящий аромат, — человеком, чьи глаза оживляются при виде типографского шрифта и чьи руки ложатся на грязную доску трактирной стойки.

Д о б р ы й б о г. И был спасен. Земля снова обрела его. Сейчас он наверняка уже давно дома и еще долго проживет — с другим настроением и умеренными взглядами.

С у д ь я. И, может быть, никогда не забудет. Да.

Д о б р ы й б о г. Вы полагаете?

С у д ь я. Да.

Д о б р ы й б о г. Итак, мы подошли к концу?

С у д ь я. Идите. По коридору до лифта. Там вы найдете боковой выход. Вас никто не задержит.

Д о б р ы й б о г. А обвинение?

С у д ь я. Остается в силе.

Д о б р ы й б о г. А приговор? Ваш приговор — я так его и не узнаю? Что за молния сверкнула у вас в глазах, ваша милость? Что вы утаивали про себя, когда меня допрашивали, и что утаиваете сейчас, когда мне отвечаете? *(Пауза.)* Молчание? И так до конца?

Уходит, и дверь захлопывается за ним.

С у д ь я *(оставшись один)*. Молчание.

Перевел А. Карельский.

Мария Луиза Кашниц
СВАДЕБНЫЙ ГОСТЬ

Действующие лица и голоса

Свадебный гость
Бьянка
Габриэла, ее мать
Франц, ее отец
Георг, ее дядя
Пуки, ее сестра
Дитер, ее брат
Вебер, камердинер
Тереза, служанка
Учитель
Маг
Матушка Земля }
Эол }
Агнета } духи
Бургомистр }
Корнет }
Сневелин }
Кристина } семейные портреты
Ада, подруга Пуки

Фредди, друг Дитера
Музыканты
Гости

С в а д е б н ы й г о с т ь *(немолодой уже человек)*. Я хочу рассказать вам про свадьбу Бьянки, а заодно и объяснить, почему я все-таки туда отправился, хотя в дороге я задержался и легко было предположить, что празднество уже на исходе, а молодожены уехали. Дело в том, что я любил Бьянку, когда она была почти ребенком, и вот теперь, заведомо не надеясь ее застать, я, несмотря на опоздание, все же решил пойти разузнать, за кого она вышла замуж, и что думают по этому поводу родственники, и как они смотрят на ее будущее. Я сразу вспомнил знакомые места: и лесопильню на берегу маленькой быстрой речки, и горы, грозно нависшие над ней, и, конечно же, этот двор под развесистой липой, и этот старый особняк. В тот вечер я вошел не широкой парадной лестницей, что с двух сторон ведет к дверям, — несколько позже я видел на этой лестнице весьма необычно одетых людей, они сидели и разговаривали. Я предпочел боковой вход, миновал кухню и буфетную, где прислуга разбирала посуду — тарелки и бокалы. Оттуда я проник в зал, потом в столовую, после — в маленький

салон. В столовой я застал странную компанию за игрой в карты, той же ночью, но уже позже, там одиноко сидел некий старый господин и пытался произнести речь. В зале танцевали, а по двору в это время слонялись дети, младший брат Бьянки вместе с другим мальчуганом из родственников. Никто из этих людей меня не узнал. Возможно, они забыли обо мне, а может быть, думали даже, что меня давно нет в живых. Они беседовали друг с другом, но ко мне не обращались, и, если эта ночь показалась мне ночью кошмаров, если мне померещилось, что по дому свободно разгуливали самые невероятные посетители, то, видимо, виной всему мое одиночество. О Бьянке говорили довольно много, но все как-то пугливо и невпопад, а подчас и вовсе невразумительно. Что же до жениха, то его, похоже, вообще никто не видел, да-да, как будто она вышла замуж за человека-невидимку, за господина Никто. И вот что любопытно: казалось, все только о том и думали, что, пока они здесь разыгрывают непринужденное веселье, с молодоженами, отправившимися в свадебное путешествие, непременно должно произойти что-то неладное. А между тем именно здесь, в доме, все катилось навстречу какой-то чудовищной неразберихе. Лица теряли очерта-

ния и расплывались, повсюду клубилась пыль, со стен падали праздничные украшения.

Слышно звяканье тарелок, перезвон бокалов, плеск воды в мойке. Вдалеке шаги и голоса многих людей.

Т е р е з а. Господин Вебер, там гирлянда свалилась.

В е б е р. Иду, сейчас иду, Тереза.

Т е р е з а. Да это не к спеху. Лучше вот помогите мне сперва отнести бокалы.

В е б е р. Одну минутку. У меня руки мокрые. Как вам нравится свадьба, Тереза?

Т е р е з а. Не хотела бы я так выходить замуж. Без венчания. Без фаты. Без венка.

В е б е р. Да, вот мать Бьянки, та еще венчалась в церкви. Ветер был как сегодня, и, когда она выходила из экипажа, ее фата тихо развевалась. Парни из деревни выстроились в цепочку, и жених должен был выкупать невесту. А ребятишки из школы водили хоровод.

Т е р е з а. Красиво было, наверное.

В е б е р. Все меняется. Никаких тебе церемоний. Никаких застольных речей. Одна музыка.

Т е р е з а. Но музыка сегодня хорошая. Парни все молодые. Студенты. Только на вид какие-то

отощавшие.

В е б е р. А нынче все молодые так выглядят. Посмотришь на них — словно за ними кто гонится: все несутся куда-то опрометью и никак не могут угомониться. *(Пауза.)* Ну вот, Тереза, я собрал бокалы. Где подносы?

Т е р е з а. Вот один, а еще два в буфете. А барышня уехала уже?

В е б е р. Да, они уже уехали. Я им помог, чемоданы снес. Велено было, чтобы никто ничего не знал. Даже жене моей — и то не разрешили сказывать.

Т е р е з а. О чем же они говорили, молодые, когда уезжали?

В е б е р. Барышня спрашивала, достаточно ли бензина в баке. А потом они говорили о стеклоочистителях.

Т е р е з а. О стеклоочистителях?

В е б е р. Да. Что он как рука, отирающая слезы. Только, мол, все это без толку, потому что сразу набегают новые.

Т е р е з а. Не очень-то веселый разговор для новобрачных.

В е б е р. Раньше они тогда тоже так не уезжали, тайком. Тогда все гости стояли на лестнице и махали им. А молодые люди забрасывали их рисом,

и смеялись, и кричали вслед. *(Пауза.)* Но, знаете, Тереза, не сказать, чтобы Бьянка была особенно печальной. Нет. Она мне руку подала и просила привет передать кое-кому в деревне.

Т е р е з а. Кому же это?

В е б е р. Старому лесничему. И еще парализованной портнихе.

Т е р е з а *(изумленно)*. Да они же померли давно.

В е б е р. Наверное, Бьянка об этом не подумала. Со старым лесничим она, когда еще девочкой была, часто ходила в горы, а портниха вроде бы сказки ей рассказывала.

Т е р е з а. Пять, шесть, семь. Еще одну тарелку с тюльпанами кокнули.

В е б е р. Надо пойти повесить гирлянду на место. Сбегай, глянь, я никому там не помешаю?

Т е р е з а. Да в зале никого нет, одни музыканты. Гости все в столовой у стойки. Пуки в дверях стоит, с кем-то разговаривает, только я его не знаю. Господин гуляет в саду.

В е б е р. Он-то сейчас переживает больше всех.

Т е р е з а. А ведь все время ссорился с барышней.

В е б е р. Тебе этого не понять, Тереза. А вот я понимаю, потому что у меня у самого есть дети.

Все время думаешь, что они не выказывают тебе достаточно любви. Ну пойдем. Я возьму большой поднос.

Т е р е з а. А все-таки чудно, что эта Бьянка велела передать привет покойникам.

С в а д е б н ы й г о с т ь. Как сейчас, помню все это: и голоса, и дребезжание бокалов, и шум воды. Вот они проходят мимо меня, старик и маленькая служанка, со своими подносами, на которых горкой — чистая посуда. Я следую за ними в зал, тут у дверей стоит сестра Бьянки — Пуки. Я бы ее, вероятно, даже и не узнал, до чего она выросла за это время, совсем почти девушкой стала. Вероятно, она сейчас даже старше, чем Бьянка была тогда. Но на сестру она ничуть не похожа. Она нахальная и напористая, уже по голосу можно догадаться, что сумеет за себя постоять. Сейчас она намеревается проводить в гардероб нового гостя, господина в цилиндре и с двумя элегантными саквояжами.

Помещение. Отдаленный гул голосов.

П у к и. Проходите вот сюда, раздевайтесь.

М а г. Разрешите представиться…

П у к и. Да я знаю. Вы — маг. Родители вас пригласили для оживляжа.

М а г *(шокированно)*. Простите, для чего?

П у к и. Ну да, для оживляжа. Понимаете, на таких празднествах после полуночи обычно скучища жуткая. Вы когда-нибудь выступали на свадьбах?

М а г. Откровенно говоря, нет.

П у к и. Ну вот, а я что говорила? Полный бред. Это идея моей матери. Что вам понадобится?

М а г. Если вас не затруднит, я бы попросил столик. Маленький и не слишком тяжелый. И еще один стол, побольше, чтобы ставить на него ненужные предметы. Позвольте узнать, с кем имею честь?

П у к и. Меня зовут Пуки, я сестра невесты. А что вы умеете делать?

М а г. Я могу превращать обыкновенную водопроводную воду в ликер любого сорта. Могу заклинать людей и потом снова расколдовывать их. Могу сделать так, что любая вещь исчезнет прямо на ваших глазах и появится совершенно в другом месте. Могу вынуть часы из кармана инспектора криминальной полиции так, что он ничего не заметит, а потом еще во время представления получит их в запечатанном пакете заказной бандеролью. Ну и помимо этого всякие другие трюки. Отгадывание карт, растаптывание

дамских часиков, извлечение голубей из цилиндра. Если желаете, могу показать отзывы прессы на мои выступления. Вот, пожалуйста. Брюссель. Рим. Люцерн. Меня знают в разных странах мира. Вот, почитайте: «Новый Калигари».

П у к и *(смеется)*. На фотографии вы выглядите очень глупо.

М а г *(обиженно)*. Но, видите ли…

П у к и. Совсем как моя сестра, когда она колдует.

М а г *(без интереса)*. Ваша барышня, пардон, ваша сестра тоже занимается волшебством?

П у к и. Ага. Ночью, когда раздевается. Перед зеркалом. Я ее пару раз за этим застукала. Еще вчера вечером.

М а г. Простите, я не совсем понимаю.

П у к и. А вам и не понять. Моя сестра становится перед зеркалом и пытается состроить такое лицо — совсем пустое, глупое. Как у человека, для которого все хорошо, все спокойно и весь мир в полном порядке. Такой круглый, глупый шар, который сонно поворачивается.

М а г. Ну и…

П у к и. У нее это не всегда сразу получается. Иногда ей приходится снова вылезать из постели. Со свечой, чтобы меня не разбудить.

М а г. Ну, и если у нее получается, тогда…

П у к и. Больше ничего. Все. Тогда она спокойно идет спать.

М а г *(холодно)*. Очень интересно.

П у к и. Да. Вероятно, это интересно. Каждый человек интересен. Рассказать вам одну вещь?

М а г. Прошу вас.

П у к и. Я однажды видела выступление одного знаменитого мага. Я была с родителями. Знаменитый маг хотел показать карточный фокус и просил кого-нибудь из публики вытянуть карту. Никто не вызвался, пока наконец мой отец не вышел на арену, ему было неудобно за мага. И вот мой отец вытянул одну карту, потом еще одну, а маг отгадывал, только все время неправильно. И тогда маг отвел моего отца за кулисы и там застрелил его. Тремя короткими выстрелами. Бах. Бах. Бах.

М а г. Надеюсь, барышня, вы не испугались. Это ведь только отвлекающий маневр. Трюк такой.

П у к и. Разумеется. Сразу после этого отец целый и невредимый вернулся в зал через боковую дверь. Только, к сожалению…

М а г. Что к сожалению?

П у к и. А то, что на самом деле он никогда не вернулся. На самом деле он так и не вернулся

к нам.

С в а д е б н ы й г о с т ь. История, которую вы только что слышали от маленькой Пуки, довольно-таки невразумительна. Возможно, она только хотела поважничать. А возможно, намекала на одиночество своего отца. Поразительно, до чего дети наблюдательны, особенно по части родителей. Сплошь и рядом они замечают за родителями такое, о чем те даже и сами не догадываются. А потом снова разыгрывают из себя святую невинность, трясут своими гривами, как пони, и разражаются издевательским хохотом, как вот Пуки сейчас, когда она уводила за собой мага по коридору к черной лестнице. А тем временем музыканты, которые обосновались в углу большого зала, уже начали настраивать инструменты. Их было четверо, еще совсем молодые люди…

Слышно, как настраивают струнные инструменты, обрывки музыки.

1-й м у з ы к а н т. Дует здесь зверски. Дай-ка мне «ля».

2-й м у з ы к а н т. Не к спеху. Гости заняты у стойки. Что там у нас теперь по программе?

3-й м у з ы к а н т. Свадебный марш из «Лоэнгрина» в ритме медленного вальса. Потом

«Мы сплетем тебе венок, свадебный венок» — в джазовой обработке. *(Он начинает наигрывать, остальные подхватывают.)* Эй ты, виолончель, давай работай!

4-й м у з ы к а н т. У нас, по-моему, еще перекур.

3-й м у з ы к а н т. А ты, конечно, без своего романа просто жить не можешь.

4-й м у з ы к а н т. Брось болтать. Это физика на завтра. Они нам выпить-то хоть принесли?

2-й м у з ы к а н т. Да. Вот твой стакан. Странный дом.

1-й м у з ы к а н т. А на свадьбах все дома странные. Всегда все вверх дном перевернуто. И всегда видишь то, что меньше всего хотел бы видеть.

3-й м у з ы к а н т. А что ты хотел бы видеть меньше всего?

1-й м у з ы к а н т. Всех этих предков на портретах, вон там.

3-й м у з ы к а н т. Но они-то, наверное, всегда там висят.

1-й м у з ы к а н т. Да. Но сегодня они какие-то агрессивные. Вот-вот выпрыгнут из рам. И облизываются. Вон та чахоточная девица. И карлик тоже…

4-й м у з ы к а н т. Дамы и господа! Высокочти-

мые покойнички! Ваше здоровье.

1-й м у з ы к а н т. Входные двери настежь. Ветер свищет, как уличный мальчишка. Деревья стонут, как плакальщицы. Чего только не услышишь на природе.

2-й м у з ы к а н т. Наверное, они тут тоже вокруг бродят.

4-й м у з ы к а н т. Чего? Кто бродит?

2-й м у з ы к а н т. Русалочки, кто же еще. Невесты ветра.

1-й м у з ы к а н т. Слушай, хватит сказки рассказывать. Дай-ка мне лучше «ля» еще разок.

3-й м у з ы к а н т. Такая весна — прямо клад для аптекарей и торговцев плащами. Сколько мы тут получим?

4-й м у з ы к а н т. Да уж, наверное, все вместе никак не больше, чем фокусник, который только что изволил прибыть.

2-й м у з ы к а н т. Как это фокусник? Теперь, после отъезда новобрачных?

4-й м у з ы к а н т. Именно теперь. Настроение-то у гостей киснет.

1-й м у з ы к а н т. У меня настроение тоже не сахар.

2-й м у з ы к а н т. У этого фокусника, как я слышал, вещи сами собой могут улетучиваться,

а потом глядишь — и они на месте. Если ты как следует его попросишь, он поколдует немножко и доставит тебе сюда невесту. Если тем временем почтенный господин супруг распилил ее на части, он тебе ее склеит и вернет целой и невредимой.

1-й м у з ы к а н т. Мне? Ты что, с ума сошел?

2-й м у з ы к а н т. Ты же влюбился в невесту. Думаешь, никто не заметил? Пиликал ей на своей скрипке прямо в ухо, как цыган.

1-й м у з ы к а н т. Она сама так хотела. Одну и ту же мелодию.

4-й м у з ы к а н т. О чем вспоминают девушки в день свадьбы, это только богу известно. Выпьем. За твою свадьбу, Жорж.

1-й м у з ы к а н т. Я не хочу жениться. Я бы хотел выразить все это, положить на музыку.

3-й м у з ы к а н т. Что?

1-й м у з ы к а н т. Все, что здесь делается. Беспорядок, и шум, и суматоху. Чахоточную девицу на портрете и твою русалочку, что бродит за окнами.

Слышны шаги и голоса.

2-й м у з ы к а н т. А… вот и насытившиеся хищники. Придется их немножечко погонять.

Снова настройка инструментов. Голоса, смех, теперь уже совсем близко, потом танцевальная музыка.

С в а д е б н ы й г о с т ь. Слышите музыку? Сейчас должны быть танцы, но никто не хочет начинать. Возможно, это из-за музыкантов: они, видно, решили позабавиться и совсем нехитрую мелодию нарочно коверкают диссонансами и рвут ритм: то он у них стремительно-бесноватый, то усыпляюще-ленивый. Гости постарше, которые только еще стекаются в зал со своими бокалами в руках, находят, что музыка прямо-таки дьявольская. Матери Бьянки, между прочим, среди них нет. Она стоит со своим братом на веранде, на которую по случаю праздника внесли пару стульев, столик и торшер. На ней красное платье с декольте, но выглядит она усталой и расстроенной.

Та же танцевальная музыка, но теперь в некотором отдалении.

Г е о р г. Иди сюда, Габриэла. Присядь на минутку. Быть матерью невесты — занятие утомительное.

Г а б р и э л а. Я не настоящая свадебная мама. Платье на мне не из серого шелка и без кружева.

На голове у меня нет серебряного убора, и я не плачу. Надо бы что-то сделать, Георг.

Г е о р г. Что сделать?

Г а б р и э л а. Чтобы было повеселее.

Г е о р г. В свадьбах нет ничего веселого. Приходит куча ненужных гостей, а нужные подлаживаются к ним и не могут найти верный тон. *(Слышен стук ставни.)* Что это?

Г а б р и э л а. Ветер.

Г е о р г. Странно. Здесь всегда начинается ветер, когда происходит нечто особенное. На крестины — ветер, на свадьбы и на похороны — ветер. Ненастье, и дождь, и запах фиалок. Даже в декабре.

Г а б р и э л а. Я так не хотела, чтобы они ехали через горы. Дорога скверная. По такой погоде там наверху умереть можно от страха.

Г е о р г. Влюбленные от страха не умирают.

Г а б р и э л а. Бьянка вовсе не влюблена.

Г е о р г. Это ты себе внушила. У каждого поколения свои представления о любви и свои способы ее выражать.

Г а б р и э л а. Ничего я себе не внушала. До последней минуты я была уверена, что она от него сбежит.

Г е о р г. Теперь она уже этого не сделает.

Г а б р и э л а. А почему бы и нет? Выйдет из машины и побежит домой. И вдруг объявится здесь, босая, в разорванном платье.

Г е о р г. Пойдем. Съешь лучше бутерброд. Куда ты?

Г а б р и э л а. Я хочу перегнуться через перила и посмотреть вниз. Когда мы были маленькие, мы всегда так смотрели на гостей, помнишь?

Г е о р г. Еще бы. Помню, как будто это было вчера.

Г а б р и э л а. Мы были не такие, Георг.

Г е о р г. Не такие, как Бьянка?

Г а б р и э л а. Не такие, как вся нынешняя молодежь. Я бы просто умерла, если бы мне не разрешили выйти замуж за Франца.

Г е о р г. Ты думаешь? Я не уверен. А где он, кстати, твой Франц?

Г а б р и э л а. Гуляет в саду. Под дождем. Знаешь, Бьянка даже не хотела со мной попрощаться.

Г е о р г. Я вполне ее понимаю.

Г а б р и э л а. Почему? Потому что я виновата?

Г е о р г. Пожалуйста, успокойся. Виновата — в чем?

Г а б р и э л а *(тихо)*. Буду виновата, если все это плохо кончится. Бьянке надо было бы стать

художницей или женщиной, озабоченной своей карьерой. Или садовницей, страстно увлеченной своим ремеслом. Я предлагала ей целый мир и старалась показать его ей как нечто необыкновенное. Ей постоянно приходилось все любить и всем восторгаться. Людьми, вещами, деревьями в саду. И работа у нее должна была быть особенная, и муж — особенный.

Г е о р г. А почему ты уверена, что муж Бьянки…

Г а б р и э л а *(резко)*. Да вовсе я не уверена. Я вообще ни и чем не уверена. Я его не знаю. Я уже и Бьянку не знаю. Она ничего не говорит. Все только о своих платьях и о том, что ей еще может понадобиться. Как-то раз, когда я ее спросила, любит ли она его, она выбежала из комнаты и хлопнула дверью. Как будто все это вообще меня не касается.

Г е о р г. Что ж, может быть, это и впрямь нас не касается.

Танцевальная музыка звучит громче.

С в а д е б н ы й г о с т ь. Не правда ли, стало шумно? Мать Бьянки еще много о чем хочет рассказать, но я уже не разбираю ее слов. Теперь уже все гости собрались в зале, кто не танцует,

просто стоит в сторонке и наблюдает. В столовой остались только двое: старый господин, сидящий перед своей полупустой тарелкой и бокалом, и молоденькая девушка, которая составляет ему компанию неохотно и только из вежливости. Но тот ничего не замечает. Он любопытен и благодушен, как дитя.

Музыка снова звучит приглушенно.

У ч и т е л ь. Теперь, когда мы остались одни, милая девушка, вы мне, если это вас не затруднит, кое-что объясните. Я здесь никого не знаю. Кто все эти люди? Вот вы, например?

А д а. Мое имя — Адель, но все зовут меня просто Ада. Я — подруга невесты. Вот та дама в красном платье — ее мать. Господин, который беседует с матерью Бьянки на лестнице, — ее дядя. А молодежь — это все знакомые, они живут по соседству.

У ч и т е л ь. Покажите мне семью жениха, то есть я имел в виду — мужа.

А д а. Семья жениха? А ее и нет вовсе. Это такие люди, они только едят и пьют, да и то больше от смущения.

У ч и т е л ь. Вы хотите сказать, что и жених?..

А д а. Вот-вот, совершенно верно. У него нет

лица. Никто не может запомнить, как его зовут. Если вы о нем спросите, одни вам скажут, что он противный, другие — что он очень хорош собой. Никто не может понять, что в нем Бьянка такого нашла. Конечно, его родственники думают о нас точно так же. Они тоже не могут уразуметь, почему он выбрал именно Бьянку, а ее семья им чужда до противности.

У ч и т е л ь. Мне еще очень интересно было бы узнать, какую профессию...

А д а. А вы и вправду почти ничего не знаете. Кто же вы?

У ч и т е л ь. Я учитель Бьянки. Когда она была в восьмом классе, мы часто шли из школы одной дорогой. Нам было по пути. Она ждала меня у выхода. Я рассказывал ей об Ахилле.

А д а. Об Ахилле?

У ч и т е л ь. И о Гекторе, и об Агамемноне, и о Елене. Бьянка все очень хорошо понимала. Она, правда, бывала иногда несколько рассеянной, но я не думаю, что она вступила в брак, не имея правильного представления о героях Гомера. Она знала причины раздоров в лагере осажденных и маршрут огненной почты Агамемнона.

А д а. А это еще что такое?

У ч и т е л ь. Мы сидели на скамейке в парке, и

я рисовал палочкой на песке. Побережье Греции. Тут замок и там замок, тут башня и там башня. Факел, факел, факел. Таким способом передавались в ту пору известия. Скажите, Бьянка еще помнит наизусть шестую песню «Энеиды»?

А д а. Этого я не знаю. В последнее время она работала в бюро и к вечеру так уставала, что обычно шла в кино.

У ч и т е л ь *(явно этого не слышал).* Не будете ли вы возражать, милая девушка, если я произнесу маленькую речь?

А д а. Мне кажется, что сейчас для речей уже не совсем подходящее время.

У ч и т е л ь. Ничего, я постучу по бокалу…

А д а. Но посмотрите, вас же никто не будет слушать…

У ч и т е л ь. Тогда я произнесу мою речь перед вами.

А д а *(терпеливо).* Да, господин учитель.

У ч и т е л ь. Дорогие родственники, дорогие друзья! Мы собрались здесь, чтобы отпраздновать свадьбу. Но знаем ли мы, что сие означает? Что означает сие испокон веков? Кражу невесты, уважаемые господа. Кражу невесты, и не что иное, как это. Аид выходит из глубин, черный и неведомый…

А д а. Кто выходит?

У ч и т е л ь. Я вижу, что не все здесь приобщены к классическому образованию. Дозвольте мне объяснить, кто такой Аид.

А д а. Извините, господин учитель, кажется, меня кто-то зовет…

У ч и т е л ь. Идите, милая барышня, идите. Персефону тоже кто-то позвал, когда она рвала нарциссы. Была весна, и на белом лугу среди цветущих нарциссов вдруг возникла пара черных коней и неизвестный мужчина. Он пригласил ее сесть в свою колесницу, и Персефона, видимо, ничего не имела против. В ее глазах это была жизнь, но в глазах оставшихся это было смертью. Я хотел бы только подчеркнуть, что этот миф иногда совершенно ошибочно истолковывается как миф о смене времен года…

П е р в ы й м о л о д о й ч е л о в е к. Смотри-ка, тут вон сидит один и сам с собой разговаривает. Что, старикан, принял лишнего?

В т о р о й м о л о д о й ч е л о в е к. Послушаем, что он скажет. Закрой-ка дверь. *(Дверь закрывается, музыки почти не слышно.)* Дальше! Продолжайте, пожалуйста!

У ч и т е л ь. Высокочтимые дамы и господа! Видите ли, я в замешательстве. Я говорил о

Персефоне и, собственно, обращался к ней. Ибо она — это невеста kat exochen[3]. Сила зачатия, которой она отдается, всегда темна и всегда означает порабощение. Брошенная обратно, в земное лоно, она обретает нечто такое, что нам не дано постигнуть. Так поднимем же наши бокалы…

Второй молодой человек. Будьте здоровы, господин профессор. За вашу Персефону.

Свадебный гость. Видите, так-то вот оно и бывает на семейных торжествах. Собственно, кто-то всегда должен быть в центре — невеста, крестник или покойник. Но стоит копнуть поглубже, и сразу выясняется, что каждый занят только своими мыслями, своими воспоминаниями или своими мечтами. Попробуйте сами, встаньте в танцевальном зале где-нибудь у стенки, и вы услышите многое в этом роде. Обрывки фраз все время из разных уст, то ближе, то дальше, в кружении танца, в наплывах музыки.

Современная танцевальная музыка, шарканье ног по паркету. Не заглушаемые музыкой, поочередно звучат разные голоса, говорящие друг с другом, — это танцевальные пары, они словно

---

[3] Примечания: 3
Kat exochen — как таковая, по самой сути своей *(греч.)*.

проходят мимо, одна за другой, возле стоящего в стороне безмолвного наблюдателя.

М у ж ч и н а. Стрелец с Девой. Скорпион с Тельцом. Весы с Водолеем. Надо знать гороскопы. Не только год, но и день, и даже час рождения нужно знать точно. Под каким созвездием и когда кто родился. Совсем не все друг другу подходят.

Музыка.

Д е в у ш к а. Это, наверное, еще и от разочарования. Любил, но не слишком сильно. Ушел, но не слишком далеко.

Музыка.

М у ж ч и н а. Она была так хороша в своем белом платье. Но ее руки были холодны. Глаза у нее были строгие. Она все время так смотрела, словно мы сделали нечто неподобающее.

Музыка.

Д е в у ш к а. Все вы такие, рыцари Грааля, а когда вам начинают задавать вопросы, вы сразу нервничаете, сразу в кусты.

Музыка.

Д е в у ш к а. Тут был такой старичок, он гово-

рил о Персефоне. Кто такая Персефона?

Музыка.

М у ж ч и н а. Мы производим детей и водородные бомбы. Веселенькое получается соревнование. Жизнь человека продолжается семьдесят лет. Кто сумеет протянуть больше, тому повезло.

Музыка.

М у ж ч и н а. Мы любим по любви, а вот женимся из страха. Боимся одиночества. Зеркала. Боимся возвращаться в пустую квартиру.

Музыка.

Д е в у ш к а. Эти белые голуби, которые вылетают из пыльного цилиндра фокусника, они такие красивые. Они так сильно бьют крыльями, что воздух колышется. Подумать только. Десять белых голубей из одного старого цилиндра. Крылья…

Музыка.

М у ж ч и н а. Квартира очень важна. Меблированные браки надежней всякого романа. Кухонный шкаф. Стеллаж. Счет за газ. Это очень объединяет.

Музыка.

Д е в у ш к а. Обещай мне, что у нас это будет совсем иначе. На лыжном курорте. Или в винном погребке. С неграми. Только не так.

Музыка.

М у ж ч и н а. Мы уже выдохлись. Вечер — еще куда ни шло. Уик-энд — ладно. Несколько дней каникул на худой конец. Но целую жизнь…

Музыка.

Д е в у ш к а. Как, разве вы не друг жениха? Десять лет с ним не виделись? На войне? Только, пожалуйста, не рассказывайте мне ничего о войне.

Музыка.

М у ж ч и н а. А я бы и не хотел вовсе, чтобы моя жена бросила работу. Вечно сидеть дома и ждать, а когда муж возвращается, все ей не нравится, все ей не так.

Музыка.

М у ж ч и н а. Когда начинаешь выбирать, где тебе жить, сначала ничего не нравится. Но когда уже выбрал, то постепенно можно убедить себя,

что лучше места на целом свете нет. С женитьбой примерно то же самое.

Музыка.

Д е в у ш к а. А все-таки немножко странно, что эта Бьянка свой последний танец танцевала одна. С закрытыми глазами. Совсем одна.

Музыка.

М у ж ч и н а. Выпивки мало, вот что я скажу. Еще бы пару стаканов виски — и жизнь была бы прекрасна.

Музыка.

Д е в у ш к а. А за кого, вы думаете, в конце концов выходят замуж? Вовсе не за самого красивого. И не за самого умного. И не за самого богатого. За того, кто больше любит.

Музыка.

Музыка звучит все тише, потом замолкает совсем.

С в а д е б н ы й г о с т ь. И так далее, и так далее. Возникают и потом исчезают вновь лица, слова, бесконечные движения, бесконечный разговор. Когда музыканты перестают играть, все при-

нимаются хлопать в ладоши, и все начинается сначала. Но нельзя же все время там оставаться. Голова идет кругом, хочется на воздух, хочется хотя бы на минутку присесть на каменной лестнице, и тут-то, может быть, оттого, что не сразу приходишь в себя, начинаешь видеть то, чего вовсе не существует, и слышать разговоры людей, которые совсем и не говорят, а если и говорят, то совсем другими голосами, голосами воды и ветра.

Двор. Слышен плеск воды в фонтане и шум ветра. Дух воды — Агнета. Матушка Земля. Дух воздуха — Эол.

Дух воды Агнета *(еще почти ребенок)*. Двери открыты, матушка. Иди ты вперед.

Матушка Земля. Мне сперва нужно подготовиться. Дай-ка я присяду здесь, на лестнице. Постели свой плащ, Эол. Агнета, подержи мое опахало.

Агнета *(восхищенно)*. А-а-ах!

Дух воздуха Эол *(молодой человек, раздраженно)*. Что это еще такое за «ах»?

Агнета. Люстра так и сияет. И пахнет горячим пуншем. Хорошо бы сейчас посидеть на софе.

Матушка. Мы сюда пришли не для того, что-

бы на софе рассиживать, Агнета. Подержи лучше мне зеркало. Опахало положи.

А г н е т а. А для чего мы пришли?

М а т у ш к а. Вечно ты все забываешь. Чтобы произнести наши заклинания.

Э о л. Эти наши заклинания — сплошная тоска. Всегда одно и то же.

М а т у ш к а. Потому что они всегда хороши. Не оригинальничать — в том-то наша и сила. Начинай, Агнета.

А г н е т а *(монотонно бубнит)*. Вечно струиться воде, изливаясь в лоно земное… *(Прерываясь.)* Не хочу сейчас. Я музыку слушаю.

М а т у ш к а. Тогда ты, Эол.

Э о л. Я тоже не хочу, матушка. Я часто себя спрашиваю, до каких пор это будет продолжаться.

М а т у ш к а. Что будет продолжаться?

Э о л. Долго ли мы еще будем, как бедные родственники, таскаться на семейные торжества. И надевать эти дурацкие костюмы.

М а т у ш к а. Кто вам сказал, что у нас дурацкие костюмы? Это древние и почтенные одеяния.

А г н е т а. Эол прав. Они не современны.

Э о л. Они смешны. Твоя шляпа с розами, и хлебными колосьями, и птичьими гнездами, и еще чего только на ней нет. Твоя юбка из буко-

вых листьев, твои башмаки из коры. Агнета в ее драной мантии и с венком из водяных лилий. Я сам в этом всклокоченном парике.

М а т у ш к а. Не знаю, что это на вас сегодня нашло. Вы выглядите так же прекрасно, как всегда.

Э о л. Дело не только в этом, матушка. Нас уже давно больше никто не слушает. Они специально включают свои громкоговорители, лишь бы заставить нас замолчать. Куда ты пошла, Агнета?

А г н е т а. Я хочу взглянуть на невесту.

Э о л *(строго)*. Ты останешься здесь. Послушай, матушка. Мы живем в атомном веке.

М а т у ш к а. Как, как ты сказал?

А г н е т а. Где мы живем?

Э о л. Вам этого не понять. Ты, матушка, слишком добродушна, а у Агнеты рабская душа.

М а т у ш к а. Я не добродушна, дитя мое.

Э о л. Тогда ты равнодушна. А это в данном случае одно и то же. Напомнить тебе, что означают наши глупые заклинания?

М а т у ш к а *(тихо)*. Призыв к любви. К сохранению жизни. К сохранению рода.

Э о л. Совершенно верно. И именно поэтому они уже давно не годятся для этого времени. Раз уж мы все равно здесь, нам надо исполнить что-нибудь другое.

М а т у ш к а. А что?

Э о л *(тихо наигрывает на струнном инструменте дьявольскую мелодию, притопывает ногами и поет. Свист ветра и треск ломающихся сучьев).* Брум-брам-шаранг-варанг-вах-бу-бу…

А г н е т а *(радостно смеясь и подхватывая).* Шаранг-варанг, шаранг-варанг…

М а т у ш к а. И что это все должно означать? Я ни слова не разберу.

Э о л. А означает это нечто прямо противоположное всем твоим благочестивым пожеланиям. Нелюбовь. Нежизнь. Конец. Хана. Финиш.

Оба они продолжают некоторое время полу пародийными выкриками и топотом имитировать хаотический разгул стихий.

М а т у ш к а *(строго).* Сейчас же прекратите. Угомонитесь! Сейчас же, кому я говорю.

Эол и Агнета умолкают.

Вон идет пара…

А г н е т а *(восхищенно).* Вон идет пара…

М а т у ш к а. Встаньте! Дайте мне руки. Поклонитесь. Агнета, начинай.

А г н е т а *(уже не монотонно, а тихо и проникновенно).*

Вечно струиться воде, изливаясь в лоно земное,

Вечно играть в берегах, устремляясь к безбрежному морю.

Крови — по жилам кружить, а сокам — вздыматься по стеблю.

Деве же вечно бродить у ручья, вздыхать и плакать ночами.

Любите друг друга, жизнь сохраняя святую.

Э о л *(так же).*

Вечно ветру будить свежим дыханием семя,

Чтобы оно проросло, впитав плодоносную влагу,

И пробивалось на свет, расставаясь с утробой.

Вечно по ветру лететь душе, окрыленной желаньем.

Любите друг друга, жизнь сохраняя святую.

М а т у ш к а З е м л я *(так же).*

Вечно пребудет земля, укрывая, кормя,

насыщая

И принимая в себя все, что опустят в нее.

Губы, что целовали, руки, что знали объятья, —

Все превращает она в гниль и в ракушки улит,

И лишь нелюбившее сердце — в морскую траву.

Земля, всекормящая мать, прислонилась к горным вершинам,

И глубоко и спокойно вздыхает она над полями сражений.

Любите друг друга, жизнь сохраняя святую.

Э о л *(зло)*. Ну вот, полюбуйся, матушка. Они и знать нас не желают. Они уходят обратно в комнату.

А г н е т а. Они нас не поняли.

Э о л. Они нас даже не заметили.

С в а д е б н ы й г о с т ь. Неужели все это было наяву? Кто это? Ряженые? А быть может, это только шелестели ветви липы и журчали струи фонтана, ведь они выглядят так призрачно в

пятнах света, что падает из окон, искусственного света? Вероятно. Но сейчас, сейчас тут действительно кто-то есть. Два маленьких мальчугана, они улизнули из дома, причем не по парадной лестнице, а через заднюю дверь. Одного из них я знаю по имени. Это младший брат Бьянки Дитер. Он бежит первым.

Д и т е р *(8 лет)*. Где ты там, Фредди? Тут никого нет. Иди сюда!

Ф р е д д и *(9 лет)*. Если они нас застукают, нам влетит.

Д и т е р. Они про нас забыли. Они думают, что мы давно спим. Давай, быстро. Через двор. А потом через конюшню в сарай.

Ф р е д д и. Там крысы.

Д и т е р. Они ничего нам не сделают. Ты хочешь его увидеть?

Ф р е д д и. Кого?

Д и т е р. Который там скачет.

Ф р е д д и. Сейчас, ночью?

Д и т е р. Только ночью. На белом коне. А если встать у него на дороге, он проезжает через тебя насквозь.

Ф р е д д и. Чушь какая-то. А кто он такой?

Д и т е р. Мой прадедушка.

Ф р е д д и. Ври больше.

Д и т е р. Я не вру.

Ф р е д д и. Ну, тогда ты с приветом. Мама говорит, что у вас здесь все с приветом.

Д и т е р. А что это значит — с приветом?

Ф р е д д и. Не совсем нормальные. Вы поэтому и свадьбу настоящую не устраивали.

Д и т е р *(изумленно)*. Как это — настоящую свадьбу?

Ф р е д д и. В церкви. И на невесте должна быть длинная белая мантия. А маленькие девочки осыпают ее цветами. Ну, и священник звонит в колокола.

Д и т е р. Священник? С каких это пор священник звонит в колокола?

Ф р е д д и. Конечно, священник. Он нажимает на кнопку. Электрическую.

Д и т е р. У нас не так.

Ф р е д д и. А кто же у вас звонит?

Д и т е р. Ребята. Ну, те, что постарше. Они повисают на канате и раскачиваются взад и вперед как сумасшедшие.

Ф р е д д и. Брось болтать.

Д и т е р. Не веришь? Мы можем туда сходить. Это в двух шагах. Я знаю, где спрятан ключ от колокольни. Пошли, это вон там. Через сад, к реке.

Ф р е д д и. Тише! Смотри, там кто-то есть.

Д и т е р. Это отец. Он нас не видит. Он просто ходит. Туда-сюда.

Ф р е д д и. Как часовой. У вас вся семья какая-то чудная. Ты видел, как она уезжала?

Д и т е р. Моя сестра? Нет.

Ф р е д д и. А я вот видел. Из окошка в ванной. Они поехали наверх, на гору. Правая задняя шина, по-моему, спускала.

Д и т е р. Я однажды тоже ездил туда на автомобиле вечером. Жутко много кошек и лисиц было на дороге. А глаза у них светятся.

Ф р е д д и. Опять ты загибаешь. Покажи мне вашу лесопилку.

Д и т е р. Туда нельзя. Там сторож и злая собака. Пойдем лучше здесь, через кладбище. Там за последней могилой лежит ключ от колокольни. А это правда?

Ф р е д д и. Что?

Д и т е р. Что когда звонят колокола…

Ф р е д д и. Что тогда?

Д и т е р. Ну что тогда свадьба по-настоящему?

С в а д е б н ы й г о с т ь. Мальчуганы перелезли через изгородь и ушли. Что у них на уме? Глупая проделка — у одного, что-то вроде спасения фамильной чести — у другого, так ведь всегда у детей, ни один другому не уступит, если нужно

что-то доказать. Теперь на дворе уже никого не осталось, кроме темной фигуры, вон она ходит туда и обратно. Это отец Бьянки, я бы и хотел к нему подойти, да страх не пускает. Лучше заглянем снова в дом. Там сейчас маг как раз готовит свое выступление. Все гости устроились на лестнице и с любопытством вытягивают шеи, смотрят туда, где недавно мать Бьянки беседовала со своим братом. Там сейчас маг поставил свой столик и возится с бокалами и пестрым покрывалом, в столовой уже темно, тут остались только старые фамильные портреты да еще вот я, одинокий свадебный гость, который устал, хочет присесть и уже почти спит.

В тишине — шепот голосов, неестественный и монотонный.

К о р н е т. Господин бургомистр…

С н е в е л и н. Господин корнет…

Б у р г о м и с т р. Фрейлейн Кристина…

К р и с т и н а. Господин Сневелин…

Б у р г о м и с т р. Собираемся, как всегда…

С н е в е л и н. Незваные, как всегда…

К р и с т и н а. Невидимые, как всегда…

Б у р г о м и с т р. Собираемся вокруг стола, которого не существует…

К о р н е т. Перекинуться в карты, которых нет…

К р и с т и н а. Которые никто не тасует…

С н е в е л и н. Которые никто не снимает…

Б у р г о м и с т р. Которые никто не сдает…

Пауза.

К о р н е т. Ваш ход, господин бургомистр. Поставьте на кон вашу правильную жизнь, ваш благоустроенный брак, ваше налаженное семейное счастье и безупречный порядок в ваших бумагах. Ваши хождения к обедне по воскресеньям мимо слепой каменной богоматери, ваши набожные молитвы в Страсбургском кафедральном соборе. Но не забудьте…

Б у р г о м и с т р. Мою жажду власти. Мое высокомерие. Мои непотребные сны. Боязливые взгляды моих подчиненных и то, как вместе с моим возвращением домой по вечерам умолкали радостные крики моих детей.

С н е в е л и н. Ваш ход, фрейлейн Кристина. Поставьте на кон вашу несчастливую любовь, ваше одиночество на балах, ваши слезы в ложе оперного театра, ваш озноб, вашу болезнь, вашу покинутость. Но не забудьте…

К р и с т и н а. То, как я прислушивалась к звуку

приближающихся шагов, к лаю собак, к звяканью колокола у садовой калитки. Счастье моей тоски. Счастье моей надежды. И стук каштановых ветвей с большими, набухшими почками в мое окно в час моей смерти…

Б у р г о м и с т р. Ваш ход, господин корнет. Поставьте на кон лихой испанский поход…

К о р н е т. Веселье моих биваков, красоту моих возлюбленных, мой галоп по залитому лунным светом плато Кастилии. Мои легкомысленные коленопреклонения перед черными мадоннами. Мою гордость при виде знамени императора Наполеона.

Б у р г о м и с т р. Но не забудьте и ваш рев, звериный рев, бычий рев, там, в толедской бухте. Ваш ужас при виде крови, которая вытекала из вас неудержимо, вашу жажду, ваш страх, ибо вокруг никого не было, кроме мертвецов…

К р и с т и н а. Ваш ход, господин Сневелин. Поставьте на кон…

С н е в е л и н. Мою внешность хилого, горбатого карлика, которого пугались крестьянские девушки. Мою злобу, мое одиночество, мою алчность к деньгам. Штольни, которые я прорубил в глубь гор, в самые недра, чтобы найти серебро, вскрыть бледные жилы земного лона. И мое

явление в вечер святого Иосифа, 19 января, в Вегштеттенской долине, когда огненный шар ринулся на меня с высоты и поднял в воздух и понес меня над вершинами, и я был прекрасен, я был ангелом, я был властителем этого мира…

Бургомистр. Мы приготовим невесте ложе из снов…

Корнет. Из воспоминаний о жизни, которая покинула нас…

Сневелин. Из страхов, которые мы побороли…

Кристина. Из печалей, что умерли вместе с нами…

Бургомистр. Ваш ход, маленький господин Сневелин, загадайте карту…

Корнет. Лучше погадаем на свинце, что там — корабль или лилия, это трудно истолковать…

Кристина. Дальняя дорога…

Свадебный гость. Дальняя дорога… Слова эти, прозвучав во мне, заставили меня встрепенуться. Я сразу подумал о Бьянке, о том, что она сейчас в дороге и, может быть, уже давно пытается что-то говорить и рассказывать, а может быть, уже зовет, зовет на помощь, потому что все вокруг такое чужое, но никто ее не слушает и не слышит.

Никто, кроме одного человека. Ее отец, он сейчас там, в саду, и мне нужно было пойти к нему и оставаться поблизости, хотя он и не подозревал о моем присутствии. Он ходил взад-вперед, курил сигареты и при этом разговаривал, очень тихо, но я все же вполне мог его расслышать. Я даже мог разобрать ответы, которые он получал.

В саду. Шаги по гравию.

Ф р а н ц *(тихо)*. Бьянка, где вы сейчас?

Б ь я н к а *(шепотом)*. Далеко, отец, далеко. Мы проделали уже долгий путь.

О т е ц. По старой дороге. Вверх по ущелью.

Б ь я н к а. Потом лесом.

О т е ц. К скале приора.

Б ь я н к а. И к старой лесосеке. Там-то это и было.

О т е ц. Что было?

Б ь я н к а. Поперек лежал ствол. Молодое дерево, вывороченное с корнями. Оно упало прямо на дорогу.

О т е ц. Вам пришлось его убрать?

Б ь я н к а. Отец, оно было тяжелое и холодное. Как труп. Бенно растирал мне руки снегом.

О т е ц. А потом?

Б ь я н к а. А потом начался ураган. Мы как

раз ехали по гребню, и ветер сотрясал нашу маленькую машину. Мы слышали, как бились друг об друга и ломались сучья. В конце концов мы остановились, потому что опасно было ехать так дальше. Бенно вылез посмотреть дорогу и сразу же исчез в снежной мгле. И я очень боялась за него. Я думала, что он уже никогда не вернется.

О т е ц. А потом, дитя?

Б ь я н к а. Что-то случилось с аккумулятором. Фары светили еле-еле. Туман застилал нам путь. Мы раздавили животное.

О т е ц. Что за животное?

Б ь я н к а. Собаку, папа. Она была еще живая. Бенно пытался сделать ей перевязку, но она издохла у меня на коленях. Я таких собак в этих местах никогда не встречала. С желтыми глазами и голубой длинной шерстью. Мы вылезли и закопали ее в снегу.

О т е ц. А потом, Бьянка?

Б ь я н к а. Мы поехали дальше. Искали, где переночевать. На дороге попадались дома, но, когда мы стучали, в них все по-прежнему было тихо и темно. В конце концов мы нашли большой стог, навеса над ним не было, его сорвало ветром. Мы забрались в него, и нам стало тепло. Когда мы уезжали, Бенно притащил из машины инструменты

и прибил навес на место.

О т е ц. А потом?

Б ь я н к а. Под гору дело пошло легче. Мы проехали какое-то селение. В домах было пусто, но у дороги стоял ребенок.

О т е ц. Ребенок?

Б ь я н к а. Наверное, он ждал первого автобуса. Он не махал нам, но стоял у самого края проезжей части и смотрел прямо на нас. Мы затормозили.

О т е ц. Чтобы подвезти его?

Б ь я н к а. Место, куда он хотел, было нам не по пути. Пришлось сделать крюк. Мы ехали медленно, чтобы не мешать ребенку спать. Когда он проснулся, он стал говорить с нами. Он ни о чем не рассказывал, просто показывал на все вещи и называл их самыми невероятными именами. Когда мы доехали до его деревни, нам показалось, что он стал гораздо старше. Он ушел не оглядываясь, и нам от этого сделалось грустно.

О т е ц. А сейчас, Бьянка?

Б ь я н к а. Сейчас мы спустились с гор. Мы подъезжаем к городу, в нем много огней. Снега уже нет. Пахнет землей, и ветер такой же теплый, как дома.

О т е ц. А мы тут еще все вместе, Бьянка. День еще не наступил. Они танцуют и играют. Тебе

хочется вернуться?

Б ь я н к а. Нет, папа. Мы уже далеко. Что-то вырастает вокруг нас. Растения, каких я никогда не видела. Звезды, каких никогда не было. Наш мир.

О т е ц. Я не могу ничего разобрать, Бьянка. Ты говоришь слишком тихо. Ты спросила обо мне? Я в данный момент в саду. В деревне темно, только на колокольне горит свет. А сейчас я что-то слышу. Они звонят в колокола.

Слышны отдельные удары колокола.

С в а д е б н ы й г о с т ь. Я тоже слышал. Сперва это было несколько отдельных ударов, а потом очень сильный, хотя и неумелый, звон. Я, конечно, сразу понял, что там творится, но все равно это звучало жутковато и вызвало в доме немалый переполох. Но не сразу. Маг давал свое представление, и все старались разгадать его фокусы и тем самым его разоблачить. Когда я снова вошел в дом, он как раз вытряхивал из своего цилиндра кучу всяких вещей, которых, надо полагать, раньше там не было.

Слышны дружные аплодисменты.

М а г *(громко)*. А теперь, уважаемые дамы и

господа, могущество чужой воли, триумф сверхъестественного, волшебство иллюзии. Господин концертмейстер, не могу ли я попросить вас?

П е р в ы й м у з ы к а н т *(скрипач, со смехом)*. Ради бога. В интересах науки.

М а г. И фрейлейн Пуки.

П у к и. Только не я. Я во все это не верю. Я вам все испорчу. Иди ты, Тереза.

Т е р е з а. Нет, нет, что ты, Пуки. Я стесняюсь.

М а г. Идемте, идемте, не бойтесь. Садитесь, прошу вас. Вот сюда, рядом с молодым человеком, который так замечательно играет на скрипке. Вы же слышали, как он играет.

Т е р е з а *(тихо)*. Да, я слышала.

М а г *(таинственно)*. Но тогда вы еще не были так утомлены, не правда ли? И вам не было еще так жарко…

Т е р е з а. Я устала. Я сейчас зевну. *(Громко зевает.)*

С к р и п а ч. Что-то правда стало очень жарко.

Г о с т и *(перешептываются)*. Он снимает пиджак. Тереза расстегивает блузку.

М а г. Сейчас в разгаре лето. Розы благоухают…

Т е р е з а *(восторженно)*. Ах!

М а г. Вы сидите на скамейке на берегу моря. Вы жених и невеста.

Г о с т и *(перешептываясь)*. Они придвигаются друг к другу. Сейчас они обнимутся.

Пауза, потом дружный одобрительный смех и аплодисменты.

Ж е н с к и й г о л о с. Я нахожу все это ужасно бестактным. Совершенно незнакомые люди, а изображают такую любовь.

П у к и. Да они же ничего вокруг не замечают. Смотрят друг на друга глупыми глазами.

М а г. Но это был всего лишь небольшой эксперимент. А теперь, высокочтимые дамы и господа, кое-что для всех вас. И у вас сейчас тоже лето. И вы тоже видите море. Вы слышите…

Снова слышны отдельные удары колокола.

Г е о р г. Да. Я что-то слышу. Странно.

А д а. Колокола.

П е т е р. Церковные колокола.

Д е в у ш к а *(восторженно)*. С сотни колоколен.

У ч и т е л ь. Из-под воды. Из Винеты, из затонувшего города.

Г а б р и э л а. Пуки, но ведь и действительно звонят. Разве ты не слышишь?

П у к и. Да, мама. Но только один-единственный колокол. С нашей колокольни, в деревне.

М а г *(раздраженно)*. Дамы и господа, посторонний шум отвлек ваше внимание и ввел вас в заблуждение. Начнем сначала. Итак, сейчас самый разгар лета…

П у к и. Мама, скажи ему, чтобы он перестал. Наверное, что-то случилось.

Э г о н. Что ты там говоришь, Пуки?

А д а. Она считает, что звонят по-настоящему, взаправду. Что это никакой не фокус.

П е т е р. Вот видите, господин учитель, ваша Винета тут ни при чем.

У ч и т е л ь. Как знать, как знать. Нынче все колокола звонят так, будто это было вчера. Как из затонувшего города.

Э г о н. Или так, словно это будет завтра. Как пожарная тревога.

Г е о р г. Может быть, где-нибудь и вправду пожар?

Г а б р и э л а *(взволнованно)*. В деревне. При таком ветре он обязательно перекинется сюда. Где дети? Разбудите их и приведите сюда.

В е б е р. Дети на улице, госпожа. Я их видел. Они пошли через двор к кладбищу.

Г а б р и э л а. Ты говоришь, к кладбищу, Вебер?

В е б е р. К колокольне. Дверь-то вон открыта. И свет горит.

П у к и *(со двора)*. Я вижу их, мама. Это они звонят. Они повисли на канатах, тени их так и носятся в разные стороны.

Ж е н с к и й г о л о с. Тут что-то неладно.

Г е о р г *(раздосадованно)*. Да, глупейшая проделка. Вся округа сбежится. Пожарники приедут. *(Кричит)*. Прекратите! Прекратите немедленно!

Внезапно наступает тишина. Пауза. Звонит телефон.

Г а б р и э л а *(испуганно)*. Франц, где ты?

Ф р а н ц. Я здесь, Габи.

Г а б р и э л а. Что это было, Франц?

Ф р а н ц. Телефон звонит. Наверное, хотят выяснить, где горит. Я подойду.

Г а б р и э л а. Нет, лучше я, Франц. *(Подходит к телефону, который еще несколько раз пронзительно звонит.)* Да. Кто это? Кто? *(Тише.)* Ах, это ты, Бьянка. Тебя так плохо слышно. Ты только хотела сообщить… *(Пауза.)* Да. Да. Нет-нет, теперь я тебя хорошо слышу, дочка.

Г о с т и *(наперебой)*. Это Бьянка… Что она говорит? Как там она? Мы тоже хотим с ней поговорить. Да, все мы.

П у к и. Мама, чур, я первая.

Г а б р и э л а. Она повесила трубку. Они уже за

перевалом…

С в а д е б н ы й г о с т ь. Ну вот, на этом, пожалуй, все более или менее завершилось — этот праздник, это ночное бдение со всеми его странными голосами, беспокойствами, страхами. Потом еще пили кофе и, если память мне не изменяет, танцевали заключительный танец. Я перемолвился с родителями Бьянки, которые тут же меня вспомнили, побеседовал с несколькими гостями и музыкантами, очень милыми молодыми людьми. Мы говорили о том, какой славный получился праздник и какое радостное оживление царило на нем. Под конец я еще выпил несколько рюмок водки и, уходя, поцеловал маленькую Пуки. Но, проделывая все это, я уже знал, что непременно должен буду кому-нибудь рассказать, что я пережил в эту ночь и как все было на самом деле. Обязательно рассказать, пока сам еще не забыл.

Перевел М. Рудницкий.

Дитер Веллерсхоф
МИНОТАВР

Furious at the crossroads,
striking at what I do not know.
***Delmore Schwartz*[4]**

Действующие лица

Мужчина
Женщина

Звук шагов по лестнице жилого дома.

О н. Хильда, вероятно, он попросит деньги вперед. Заплати ему. Мы при этом ничем не рискуем. Тебе страшно? Если страшно, попытайся смотреть на весь этот процесс как бы со стороны. И на себя тоже. Как на нечто объективное. Понимаешь, что я имею в виду? Это простой прием, но он очень помогает. Когда будешь возвращаться, дай у подъезда два звонка. Я сразу спущусь.

---

[4] Примечания: 4

Неистовствуя на перекрестках,
Решаю судьбу наугад.

Делмор Шварц (англ.).

Они выходят на улицу.

Иди сюда, вот такси.

Думай о том, что скоро все это будет уже позади. Учти, если бы это было опасно, я бы ни за что тебя туда не послал. Ну, до скорого. Я подожду пока у тебя в комнате. *(Шоферу.)* На Бергерсхоэ, пожалуйста.

Захлопывается дверца, машина трогается. Снова звук шагов по лестнице.

Ну, слава богу, уехала, через два часа она уже вернется, и, насколько я ее знаю, она вряд ли будет об этом долго распространяться. Но и слез тоже не будет. Наверняка сделает вид, как будто все это в порядке вещей.

Он входит в комнату. Внезапно — шум ярмарочного гулянья. Звонит колокол, слышна карусельная шарманка: одна и та же музыкальная фраза в очень быстром темпе. Нарастающий вой сирены.

З а з ы в а л а. Внимание, внимание, внимание! За тридцать пфеннигов — полет вокруг земного шара.

О н. Опять эта карусель.

З а з ы в а л а. Милости прошу, уважаемые!

О н. Куча обормотов в соломенных шляпах. Далась им всем эта центрифуга!

З а з ы в а л а. Путешествие вокруг света и к тайнам океанских глубин!

Звон колокола.

О н. Уже в третий раз в этом году! Можно подумать, что во всей округе нельзя найти другого места для ярмарки. *(Закрывает окно. Тишина. После непродолжительной паузы.)* Теперь все наладится. Ей надо будет лечь, поесть, наверное, чего-нибудь, выспаться. Субботу и воскресенье отлежится, а в понедельник на работу пойдет. Да нет, в понедельник это у нее не получится. И спешка тут совсем ни к чему. Но это хорошо, что у нее какие-то планы. Она очень цеплялась за эту мысль — в понедельник непременно снова пойти на работу. Понедельник, вторник или там среда — какая разница. Главное, все это будет уже позади.

Однако жарища тут. И дождя не предвидится. А окно не откроешь из-за этого балагана на улице.

Хорошо бы все-таки пошел дождь. Провались ты пропадом, все это… это… Хильда обязательно бы сказала: «Как его там»… Она всегда так говорит, если ей ничего не приходит в голову.

Малейший затор в извилинах, и пожалуйста, вместо любого слова у нее «как его там». Полезно и удобно всегда иметь дома «как его там». Нет, не так. «Всегда под рукой», вот как это должно правильно звучать. «Всегда под рукой как его там». *(Нервничает.)* Ну, хорошо, все хорошо, все уже хорошо. Чушь собачья.

Насвистывает сквозь зубы какую-то размытую, стертую до неузнаваемости мелодию. Потом снова начинает говорить.

«Под молочно-стеклянным небом встреча с огненной дамой». Вот, хорошо, теперь хорошо. Parlando![5] Речитатив. Все странное — речитативом. Современное стихотворение не декламируют, его просто произносят. Возникновение образа в тишине.

«Old-fashioned Romeo
told me something
about a burning lady»[6].

Точка. Абзац. А теперь образ, реальный и оша-

---

[5] Примечания: 5
Пение речитативом.

[6] Примечания: 6
Старомодный Ромео сказал мне нечто об огненной даме *(англ.)*.

рашивающий.

«В толчее среди загорелых курортников

этот чиновник смотрится как покойник...»

Ну как, хорошо? *(Неуверенное, брезгливое бурчание. Неожиданно громко.)*

Да хватит наконец! Довольно! *(Снова начинает ходить по комнате.)*

Нет, плакать она не будет. Она же приняла мою формулировку. «Нежелательное». Вот так, коротко и ясно: нежелательное! Это ее собственное решение. Ведь я что ей сказал? Никто не может тебя заставить, дорогая. Но, пожалуйста, учти, что потом, когда ты еле ноги будешь таскать, уже ничего нельзя будет сделать. Я боялся, что с течением дней ее сопротивление будет расти, что оно будет расти вместе с нежелательным в ней. Сперва колебания, потом проволочки, а потом вдруг — разъяренная тварь в своем гнезде, с которой уже особенно не поговоришь. Тварь с распущенными перьями, бац в лицо, бац в глаза, так-то вот. Только сделай одно неловкое движение, только попробуй — и сразу на тебя кинется что-то стремительное, клекочущее, бьющее кры-

льями. Наседка, защищающая свой выводок. Да, в один прекрасный день так бы все и было. За этой ее покорностью, за всей этой ее пассивностью что-то крылось, казалось, что-то в ней там собирается, накапливается. А ведь посмотреть на нее, и не подумаешь, что она на такое способна. Но я-то чуял это, я старался не пускать ее вглубь, держать на поверхности, я глушил все это разговорами и говорил, говорил, говорил, господи, целых два месяца я только об этом и говорил. Когда она на меня смотрела, лицо у меня становилось как каменное. С этим надо было кончать, самое время.

Ну а потом, вдруг бы он сказал, что сделать уже ничего нельзя? Что для вмешательства уже слишком поздно? Я и так хотел ее обмануть, послать на три недели раньше. Но это бы ее насторожило, она бы не поверила. Нет, это было бы неправильно… и подло. А у меня хватило бы мужества? Как у нее?

Давай, давай, как мужчина мужчине. Ты же можешь ответить что угодно. Потешь свое самолюбие, скажи: да! Вот так, это я понимаю, это звучит гордо, не правда ли? Или скажи: нет! Тебе же льстит, что ты можешь быть таким циничным наедине с собой. И так и эдак, что в лоб, что по лбу. Это все только мыслительные процессы, голуб-

чик, а она-то тем временем давно уже в такси.

Она выглядела такой беспомощной за стеклом. Как в клетке. В неволе, но зато с избытком снабжена в дорогу моими речами. Транспортируйте ваших любимых в специальных контейнерах с автоматическими замками. Надежно, удобно и всегда к вашим услугам. А на лоб я ей наклеил табличку с точным адресом: «Бергерсхоэ». Для доставки.

Вообще-то нарядный дом. Построен в начале тридцатых годов, тогда все почему-то любили красить двери в лимонный или небесно-голубой цвет. И район очень миленький. Когда мы наконец раздобыли адрес и она туда пошла с ним договариваться, я остался ждать в скверике, возле клумбы. Маленький фонтан, правда выключенный, газон, цветы, кустики подстрижены, елочки, ракитник, все безупречно ухожено, просто мечта для отставных чиновников, им ведь вынь да положь их Баден-Баден прямо у крыльца. И я подумал — вдруг сейчас появится такой вот пенсионер, влача с собой итоги жизни, трость и таксу, и подсядет — «Извините, я не помешал?» — и заведет разговор, кивнув в сторону двух дроздов на газоне: «Милые птички, но в прошлом году у меня на участке клубники как не бывало». И тут

я увидел ее, она шла ко мне своей слегка шаркающей походкой, и правое плечо у нее опять было опущено. Боже мой, я же ее совсем забыл, и теперь она шла ко мне через улицу ожившим воспоминанием, роковой тенью прошлого, дама тринадцати месяцев, которые давно миновали, чужая фигура на тротуаре, вот она переходит улицу, вот уже шуршит гравий под ее ногами, она приближается к клумбе, и тут меня что-то подбрасывает со скамьи, словно заводную куклу, и мы встречаемся как раз около елочки. «В субботу в три», — сказала она. Он почти не задавал вопросов. «Двести пятьдесят марок». Прямо диву даешься, бывают же такие люди, подходят и сразу выкладывают: вот так-то, мол, такой-сякой. А почему? Может, потому, что сидишь на скамейке, которую тебе указали, и всем видом показываешь: я здесь, я жду? И никаких тебе колебаний, куда там, одни только точные сведения: двести пятьдесят марок, в субботу в три.

А, вот и ты, ну и хорошо, ну и прекрасно, теперь все снова будет в порядке. Я ненавидел ее из-за этого опущенного правого плеча, я только и думал об этом плече — тупо, ожесточенно, яростно: нет, ты посмотри на себя! Ради бога, ты только посмотри на себя! Ты только посмотри на свое

плечо! Это же самая чудовищная расхлябанность, какую можно придумать. Я понимаю, была бы какая-нибудь причина, физический недостаток там или еще что-нибудь. Ничего подобного. Уж лучше бы физический недостаток. Так нет же, она его просто опускает, опускает и все. Это же самое обыкновенное неуважение ко мне, ведь я же ей сколько раз говорил: пожалуйста, следи за своим плечом, сколько можно тебе повторять, ты же знаешь, при всей моей вежливости и любви, да-да, любви, как это меня бесит. И это женщина, с которой я живу уже тринадцать месяцев. Господи, как я это ненавижу. Хорошо же, в субботу в три, говорил я себе, в субботу в три. И я не знаю, какой смысл я вкладывал в эти слова: в субботу в три.

Пауза. Вдали звучит сирена.

Ужас, до какой мерзости можно докатиться.

Непродолжительная пауза.

Двести пятьдесят марок. Совсем неплохой приработок. Конечно, спору нет, он многим рискует. Наверняка превосходный знаток людей: с первого взгляда должен определить, с кем имеет дело. Хильда сказала, среднего роста, обрюзгший, лет

шестьдесят с небольшим, в очках, теплые мягкие руки, прямо как лапки, он их прячет в карманах халата. Жена ему ассистирует.

Неужели она так и сказала — «лапки»? У нее приступы высокомерия.

Так вот он, значит, какой — Минотавр. Толстый и меланхоличный, потому что жертвы сами обивают порог. Сидит в паутине слухов: этот вот делает, он поможет, он сделал, паутина растет, а в центре — Минотавр, прячущий свои лапы. Интересно, сколько их к нему приходит в год? Как они выглядят в твоем кресле, и после — на твоей кожаной кушетке? Ну-ка, покажи свои лапы. Я знаю, знаю: ты странный гибрид, ты знаток людей и друг людей, не так ли? Ну, что ты думаешь обо всем этом? Тебя интересуют мотивы? Уже давно безразличны, да? Индивидуальное повторяется. «Тут еще одна, в субботу в три», — говоришь ты жене, а она в это время ставит на стол сливовый пирог. «Садись, пожалуйста». Учиться нужно только деловитости, больше ничему.

Когда люди стареют, интересно, о чем они могут говорить друг с другом. О времени трапез и о времени года, о том, что на столе и что за окном. А еще? «Чтобы речь вышла хорошей, прекрасной, разве разум оратора не должен постичь истину

того, о чем он собирается говорить?»[7] Федр и Сократ беседуют под платаном о Лиссии и об искусстве красноречия — вот жили люди.

А что я всегда говорил? Ничего не имею против тех чудаков, которые пытаются растолковать нашему брату историю человеческой мысли. Разрешите представиться: студент философии. Но это ничего не значит. В моем случае это был только сложный обходный путь к одной простой фразе: «Что к лучшему, что к худшему — все дело случая». Минотавр, у тебя еще есть убеждения, прочные и всеобъемлющие? Когда мне исполнилось пятнадцать, я начал читать по ночам, этакий сонник в двенадцати томах, и я как сейчас помню гирлянду слов на переплетах: А — БАРОККО, БАРОМЕТР — ВИКТОРИЯ, ВИКУНЬЯ — ГЕРМАНАРИХ, ГЕРМАНИИ — ДЕМОС, ДЕМОСФЕН — ИНДИАНА, ИНДИВИД — КОНТИ, КОНТИНЕНТ — ЛЕСНИЧЕСТВО, ЛЕСНИЧИЙ — МЯТЕЖ, МЯТЛИК — ОРЕШНИК, ОРИГЕН — ПОЛЬЦИН, ПОЛЬША — СТИЛОДЫ, СТИЛТЬЕС — ЯЯ. Бессмысленно, но располагает к грезам. Что к лучшему, что к худшему — все дело случая в этом мире, и единственная достоверная система — ал-

---

[7] Примечания: 7
Платон. Соч. в 3-х т., т. I. М., «Мысль», 1970, с. 197.

фавит. Ампула, ампурдан, ампутация. Советую попробовать. Поразительные встречаются сочетания, такие глубокомысленные и всегда новые, ведь начало и конец вы выбираете сами. Амрит, амрита, амритцар, амрун. Чем не заклинание? А означает: камень есть камень, вода есть вода. Или, говоря проще: предмет ваших размышлений прекрасно обойдется и без вас.

Да, вот еще что: особи, которые утверждают, что после десяти вечера они совершенно не в состоянии думать, не в состоянии делать это и до десяти. «Что-то тут не так», — твердят они. Где — тут? Вот тут, тут, тут у них что-то не так.

В свое время знал я одну даму, она была куропатка серая, но считала себя жаворонком. Ее все тянуло ввысь, ввысь, ей все хотелось чего-нибудь легонького «Принеси мне почитать что-нибудь легонькое из библиотеки. Ну что ты принес, я ведь это уже читала». Как будто ей не все равно, как будто она читает не одну и ту же засаленную дребедень, пока он там в командировках и, наверное, с другой женщиной. Как же, имелся ведь еще папаша, он пропадал целыми неделями, объезжал клиентуру, с собой брал саквояж с образцами, а в нем — коробка конфет за пять марок. До сих пор помню, как он однажды сказал:

«Ты же тут с мальчишкой» — и взял чемодан, Это было неподражаемо сказано. «Ты же тут с мальчишкой», — так давай пили его, глодай, жми из него все соки, он у тебя для утехи и потехи. Хочешь, я принесу тебе почитать что-нибудь легонькое? «Храброе сердце», — это она любит, а еще «Счастье ждет тебя, маленькая Эрика». Да, тут-то уж у счастья дел по горло. Согласились бы вы, если бы вы были счастьем… и так далее. И опять у нее были эти ее колики, и я шел на почту посылать телеграмму тете Френцхен: «Мама очень больна. Пожалуйста, приезжай немедленно». Я так одинока, храброе сердце. Но счастье ждет тебя. Счастье выглядит как Валентино[8]. Картинка-шарада: найдите черного человека. Ты его не видишь? А он орудует в нашем районе. Он — охотник Шроффенштайн, он стреляет из арбалета, балет тут ни при чем, но прекрасный принц у тебя будет, его зовут Валентино, он тебя утешит, придет и утешит, — почитать тебе что-нибудь легонькое до прихода тети Френцхен? Но тут уж она заговорит на тему «если мать для тебя еще что-то значит» или «вот когда меня уже не будет». Если — то. Когда — тогда. Когда она

[8] Примечания: 8

Валентино Рудольфо — американский киноактер, герой-любовник многих голливудских фильмов 20-х годов.

это говорит, тогда у меня «вот тут, внутри» — и она непременно прижмет руку к груди, — «вот тут, внутри» что-то должно шевельнуться. Она замучила меня придаточными, она все надеялась этими придаточными выудить из меня золотую рыбку, на которой написано: «Любовь». Вот когда меня уже не будет, тогда… Вот когда тебя уже не будет, тогда… Ну и что, что тогда? Ладно, ладно, все хорошо, все снова наладится. Тут, тут, тут что-то не так, что-то, что она впитывает в себя вместе с улыбкой Валентино и голосом Рихарда Тауфера: «Никто тебя не любит так, как я». Она умерла от колики. Мне, пожалуйста, что-нибудь легонькое, — но ведь так недолго и обмануться. Эта каракатица в брюхе, этот кашалот, разрывавший ей внутренности, — нет, дудки, «никто тебя не любит так, как я» эта зверюга петь не будет, это уж точно, или у нее колоссальное чувство юмора. А впрочем, почему бы и нет? Вполне можно себе представить. Все эти простецкие души только и знают что распевать: «Ах, быть бы мне пичугой малой». Итак, во-первых, ты ноль без палочки, а во-вторых, тебя надуют. Это как пить дать. С ними же можно делать все что угодно, их голыми руками можно брать, потому что они, видите ли, лелеют надежды, они тешат себя сказками,

а потом из кожи вон лезут и удивляются: что-то, что-то, что-то тут не так. «Только, пожалуйста, что-нибудь легонькое», — Карл Фридхельм, этот мальчишка, весь в поту от страха, мой несравненный Федр с лицом как три круга сыра, тоже так говорил. Я должен растолковать ему неправильные глаголы, и вот его благожелательные, благо-состоятельные, благовоспитанные господа родители с тоской взирают на свое произведение: «Он же ничего не понимает». Разумеется, он ничего не понимает. А вы что-нибудь понимаете? Что же вы понимаете? Вы, наверное, думаете, что вот вы — глагол действия? Возможно, так оно и есть. Но вот это самое непостижимое возьмет да и проспрягает вас в трех временах — и привет! Карл Фридхельм, объясняю еще раз, слушай внимательно, ибо я начисто лишен педагогического эроса. С гораздо большим удовольствием я продаю соковыжималки, вот эта работа мне по душе. Значит, так, против атеросклероза: чесночный сок, сок из шпината, лимонный сок, сок из цветной капусты, хреновый сок, господи, вот гадость-то! У вас пропал аппетит? Пожалуйста: огуречный сок, сок из капусты, из редьки, из сельдерея. Я готов хоть всю флору превратить в сок. Позвольте представиться: незаменимый

помощник на кухне. Я всегда говорил: «Пейте ваши овощи! Это материнское молоко для любого больного». Сегодня все верят в соки.

Пауза.

Ты меня слушаешь, Минотавр? Я бы охотно поболтал с тобой еще. Ты-то уж, во всяком случае, не юморист, ты терпеть не можешь, когда тебе рассказывают сказки, на тебе все сказки кончаются. «Только не рассказывайте мне сказки» — так ведь ты говоришь? Я ее тоже предупреждал: «Только не рассказывай ему сказки, Хильда, смотри на дело трезво, будь трезва как стеклышко». А она кивала. Ради бога, ну что все это значит? Ты что, не хочешь? Тогда объясни, в конце концов, чего ты хочешь? Два месяца я только об этом и говорил, я уже оскомину набил, а она все отмалчивается. Ходит себе и кивает, соглашается, да, конечно, у нас нет денег, мы не можем себе этого позволить, значит, ничего не поделаешь, так тому и быть. Да нет же, этого вообще не должно быть, пойми это раз и навсегда. Ну что ты из себя строишь? Или, может, ты возомнила себя носительницей всеобщей идеи? Хоть один сколько-нибудь серьезный аргумент ты можешь предъявить? «Берегите зеленые насаждения»

или что-то еще в этом духе, да? Или: случайность как проявление необходимости? Из-за того, что я стоял у окна и случайно обернулся, а ты в это время случайно оказалась на кровати, — из всего этого с необходимостью вытекает продолжение рода вплоть до дедушки, который баюкает своего внучка? А как на это посмотрит моя шляпа, что висит на вешалке? Как-нибудь вечером или утречком она тоже мне заявит: «Что к лучшему, что к худшему, все едино, давай пройдемся, красавчик, а там видно будет». Как прикажешь ей отвечать? Что это не полагается, поскольку я должен жить согласно общепринятым представлениям, что по паспорту я такой-то и такой-то? Хорошо, предположим, у меня были бы деньги, что тогда? Чего бы ты ждала от меня? Какие тогда выложила бы аргументы? Ну, поспорь со мной, дорогая, попробуй доказать мне свою правоту, это же интересно. Ведь единственное, чем мы еще держимся, — это спортивный интерес, или ты мне не веришь? А во что ты веришь? Из чего ты исходишь в жизни? Ну-ка, просвети меня насчет твоих экзистенциальных основ, твоего мировоззрения, раскинь передо мной горизонты твоих утопий со всеми их идеальными помыслами и миражами. Очнись, моя спящая красавица,

посмотри вокруг — и все твои воздушные замки разлетятся в дым. Пчела, к примеру, делает четыреста сорок взмахов крылышками в секунду, а для чего, по-твоему, живем мы?

Непродолжительная пауза.

Я знаю: мы это знали.

Это было тогда во всем — в нашем дыхании, в наших руках.

Пауза.

Ладно, ладно, все хорошо. Она уже едет туда, а все остальное безразлично. Откроется лимонная дверь: «Входите, пожалуйста».

Она что-то комкала в руках. Что это было? Платок, наверное.

Сигнал уходящего времени, необычные звуки — как от падающих капель — с продолжительными паузами. Потом — ее голос.

О н а. Надо сосредоточиться, надо загнать все это совсем-совсем глубоко. Мне и нужна-то всего одна минуточка, а потом, когда они мне откроют, я уже ничего не буду чувствовать.

Непродолжительная пауза.

Они попросили меня подождать.

Четыре стула с твердыми спинками, и скамья у стены, и стол посередине, черный стол, четыре стула и скамья у стены, чтобы я могла спокойно подождать. Располагайтесь. Нет, подумать только, никого нет. «Моего мужа вызвали, подождите в приемной, он скоро должен вернуться». На ней была серая вязаная кофта. Она ушла наверх.

Он, наверное, ей сказал: «Эта дама, ну, ты помнишь, эта девушка на три часа, так ты ей скажи, пусть подождет, я, как приду, все сделаю».

Деньги-то я не забыла? *(Роется в сумочке.)* Нет, здесь.

Пауза.

Она, должно быть, вяжет сейчас. Что-нибудь теплое на зиму. Сразу же пошла обратно, к себе наверх. Спицы, а на коленях маленький клубок. Подпрыгивает. Скажи ей, пусть подождет. Подсунь ей журнал. Это простой прием, но он очень помогает. Как ты сказал? «Постарайся смотреть со стороны». Ты же должен был хоть что-то сказать, не мог же ты молчать до бесконечности, вот ты и не выдержал.

Она сидит прямо надо мной. Комната надо мной. А вот стол, это такой прием, гладкий чер-

ный стол.

Наверное, если перестать двигаться, можно сделаться вещью, — очевидно, ты это имел в виду. А все оттого, что ты говорил без умолку, все не мог остановиться; вот тебе и пришлось сказать: не двигайся, представь себя вещью.

Конечно, ты прав. На свой лад, как всегда. Для тебя это только процесс. А после ты будешь беспокоиться, как я себя чувствую. Всему свое время. Ты никогда не собьешься. Это очень удобно, надо только усвоить, что существует одно лишь «сейчас», «сейчас» и все, «сейчас» — и ничего больше, без всякой связи и всегда только «сейчас», и уже никогда не собьешься.

Ну а сейчас? Что ты делаешь сейчас? Газету читаешь?

Лицо, которое прячется за газетой. «Но ведь ты же согласилась со мной, в этом не было ничего особенного…» Где оно — это особенное? Его нельзя ни отличить, ни запомнить, у него нет качества, его нельзя описать или определить точно — ни качество боли, ни качество наслаждения. Пойми, я имею в виду именно качество, точное, определенное, неповторимое качество. Ну попытайся, найди слова, подыщи точное определение, как это было: как водопад, или как

стремнина, или как вспышка молнии? Точное определение качества — где оно? Где оно — то особенное, что заставляет тебя метаться и стонать и так прекрасно преображает твое лицо. В том-то и дело, что оно неуловимо, его нельзя ни удержать, ни запомнить.

Пауза.

А я думала, ты настоящий.

Пауза.

Ты мне сказал: не береги себя, ненавижу, когда берегут себя, и это замечательно, что ты так сказал, потому что я этого хотела, я очень хорошо знала, что хотела именно этого: чтобы все по-настоящему и без остатка. А для тебя, что это значило для тебя? Просто слова? Твоя обычная вступительная фраза, которую нельзя ни удержать, ни запомнить? А что, если сейчас встать, тихо открыть дверь. Там сейчас никого. Большое зеркало, пустая прихожая. Я бы неслышно прошла по коридору, до дверей — и все.

Я ни за что бы не смогла сюда вернуться, это ясно, ну а дальше-то что?

На несколько дней я бы взяла отпуск, это первое. Ну а потом, что бы я сделала потом? Может,

съездила бы к сестре?

Пауза.

Поезд приходит вечером. Мы вместе укладываем детей спать, я для них тетя Хильда, я привожу подарки, я обязательно должна присесть на край кровати и рассказать сказку, «тебе вершки, мне корешки», а потом Ганс Эрих вернется с работы и Барбара вылетит к нему навстречу: «Хильда приехала». «Привет, моя прекрасная невестушка, — он так обычно меня встречает, — по такому поводу не худо бы слазить в погреб за бутылочкой. Красное, белое, мозельское или рейнское? А то у меня еще есть бутылочка превосходного тирольского, если оно тебе больше по вкусу».

Весь вечер они будут рассказывать о детях и покажут свои испанские диапозитивы. Они весной были в Испании, местечко называется Бенидорм, там еще скалы прямо в море, я на открытке видела, они мне послали. Да, они там были, на машине, они жили в мотеле, очень славно, только выйдешь — и сразу пляж. «Представляешь, в каком восторге были наши малютки? Рольфи, конечно, еще мал для таких поездок. Мы отдали его Лило, ну, сестре Ганса Эриха, у нее у самой двое малышей и дом большой. Нет, ты только

глянь на эту пигалицу в соломенной шляпе. А вот Ганс Мартин вместе с Гансом Эрихом плавают на матрасе, настоящие морские львы. Ну что ты скажешь о своем крестнике?» И я, конечно, что-нибудь скажу, а они обязательно дополнят, и, пока Ганс Эрих наливает, я опять вынуждена буду что-нибудь сказать, но они и тут не отвяжутся и не перестанут душить меня своим шумным счастьем.

Нет, эти ничего не упустят, даже самой малости; они не забудут дружно, с двух сторон, мягко взять меня под руки и, нежно подталкивая, отвести в детскую: «Ты только посмотри, как они спят, какие они тихие, милые, прямо три ангелочка». Только не ослаблять натиск. Иначе они не умеют. Они не потерпят. Это невестка, это сестра. Для них это восторг, для них это наслаждение. Им и потом еще нужно будет это обсудить. «Что такое с твоей сестрой?» — начнет он, когда они уже будут в спальне. А она, сидя на кровати и стягивая чулок, ответит: «Сама не знаю, Ганс Эрих. Но это ужасно, правда? Кто-то, наверно, у нее есть, он ей все портит». А он, по порядку, сверху вниз расстегивая все пуговицы на рубашке, ответит: «Замуж ей надо, вот что, найти хорошего мужа, завести детей, как мы». И, наверное, так оно и

есть, и я хочу именно этого, только этого! И хотя их тупое самодовольство мне ненавистно и они мне противны до глубины души, я себя чувствую обездоленной и никчемной и не отрываясь глазею на эту сцену, смотрю на это представление, которое они для меня устраивают, и хотя у меня дух перехватывает от их хамства, я до крови впиваюсь ногтями в ладони, лишь бы не закричать: хочу только этого!

Почему я не ухожу? Почему я тут? Они меня не держат, никто меня не держит, ведь никого нет. Но я должна вернуться к тебе, ты же ждешь в нашей комнате, и я знаю, что ты скажешь. Нет, я не знаю этого точно. Но это будет так же, как тогда, когда я сказала, что жду ребенка, а ты в ответ только глянул на меня: «Что за шутки». Зачем мы потом целых два месяца говорили? Чтобы ты смог наконец предложить мне элегантную формулу? «Нежелательное». Два месяца о нежелательном. Я не знаю, что ты скажешь, если я сейчас к тебе вернусь. Но я уверена, уж ты найдешь что-нибудь такое, обо что я буду биться, как об стенку. Что-нибудь вроде: «Я не позволю себя шантажировать».

Пусть они придут! Немедленно! Пусть они это вынут! И покажут тебе! Тебе и мне: этот малень-

кий сгусток крови! Расковыряй меня, я ничего не почувствую, и я никогда уже ничего не почувствую рядом с тобой, вместе с тобой. У тебя будет механическая возлюбленная, полная свобода и механическая возлюбленная. Она-то уж ничего не помнит, сейчас, только сейчас, вперед, назад, этот танец на месте мы хорошо разучили, всегда на месте, на этом месте уже ничего не растет, оно вытоптано тобой и твоей механической возлюбленной, вперед-назад, неужели ты не видишь, что все так и будет, или, может, ты этого хочешь, наверное, ты этого хочешь, только я не понимаю зачем.

Почему так? Почему я ищу в тебе это — и не могу найти. Это как болезнь, из которой уже не выкарабкаться. Бывают такие жуткие сны, когда снится, будто ты просыпаешься где-то в чужом доме, и за стеной слышишь голос, и не разобрать, что он говорит, но ты знаешь, что это что-то очень важное, что он снова и снова повторяет тебе решение, ответ, выход, — и нужно слушать, нужно во что бы то ни стало понять, пока он не умолк. Ну что, что же, что хочешь ты мне доказать? Ты просишь дать тебе время?

Если бы это было что-то настоящее, я бы смогла. Если бы я знала, что ты просишь просто повре-

менить, я бы смогла сделать это и вернуться к тебе — невредимой. И никто бы не посмел бросить в меня камень. Это твои руки, и я хочу отдать это им, чтобы они наконец знали, что я тоже живой человек.

Пауза. Акустика меняется. Ее голос звучит теперь как бы в отдалении, она говорит чуть невнятно, как в полусне, отдельными фразами. Акустический образ времени теперь звучит чуждо и угрожающе.

Это только водяной знак в воздухе. Это ничто. Время, которое проходит, время, которое никому не нужно. Куст орешника за окном. Не шелохнется. Там, в листве, ничто не шелохнется. Там, в листве, комната с четырьмя стульями и черный стол. Кажется, я узнаю это место. Место, с которого мы так и не сдвинулись.

Какое лицо будет у того, кто ждет меня там, за дверью?

Акустический образ времени еще продолжает звучать несколько секунд. Потом фон меняется, снова музыка карусельной шарманки и вой сирены. Спустя некоторое время начинает говорить он.

О н. Опять эта карусель. *(Закрывает окно.*

Тишина.) Не знаю, о чем она будет думать. Предотвратить это невозможно. Я стоял у окна и смотрел во двор. Очень точно все запомнилось: белье на веревках, мусорные ящики, а напротив, на четвертом этаже, кто-то оставил открытым окно в туалете. Чуть повыше на стене большое темное пятно. Я разглядывал его, казалось, уже целую вечность. Потом обернулся. Она лежала на кровати, легла, потому что у нее болела голова. Субботний вечер. Конторы закрыты. Магазины закрыты. Узники субботнего вечера.

Может, я успел подумать об этом. А может, нет. Она сама меня надоумила. Я подошел к ней, но она меня не так поняла, сказала: «Оставь, не надо», а у меня сперва и в мыслях ничего подобного не было. Или оттого, что вечер был такой мертвый и это было единственное, что пришло мне в голову. Но уже тогда я знал, что это ошибка, что это недоразумение, из которого потом не выпутаешься, раз — и влип, и вот уже руки, плечи, волосы… Субботний вечер, узники субботнего вечера. И уже нельзя было ей ничего объяснить, и вот она уже помогает мне, чтобы скорее, и теперь уже все безразлично, лишь бы скорее, скорее, скорее, как под откос.

Вой сирены, на сей раз сильно стилизованный,

звучит все настойчивей.

И тут я услышал сирену.

Прямо за спиной, нарастающий, все заполняющий вой. Не может быть, что за дурацкая шутка, этот невыносимый вопль, эта шутка, эта воющая спираль и темная точка посередине. Надо встать. Встать и закрыть окно. Осторожно, двери закрываются. Спираль, которая воет, кружит, вгрызается, извивается вокруг черной точки. Теперь светится. Светится изнутри не переставая, прямо феерия, вот она начинается, и вот сейчас — длинный, грохочущий, сверкающий огнями поезд мчится из черной точки, которая стала огромным отверстием, и снова спираль, которая кружит, и гаснет, и белеет, остывая, и вот уже ничего не осталось, кроме этой бездыханной белизны.

Сирена умолкает. Пауза.

Твое лицо исчезло из того лица, что сейчас рядом со мной. Навсегда остаться рядом с этим опустошенным лицом. Как тяжело примириться с возвращением твоего лица, с возвращением этой комнаты, этого субботнего вечера. И ты это знаешь и пробуешь улыбнуться.

Ладно, вот уже и мы. Субботний вечер, узники

субботнего вечера. Я курю сигарету, а ты кипятишь воду для кофе.

Ну давай, где там твое лицо. Будем жить дальше. После кофе пойдем в кино, или, может, хочешь, я выиграю для тебя на ярмарке бумажный цветок?

Вообще-то я бы Мог и поработать, сейчас как раз я очень даже не прочь немного Поработать. Диалектика как многовалентная логика, — только, рада бога, не задавай вопросов. А-а, ты улыбаешься. Примеряешь свое лицо. Тебе идет. Значит, в кино?

Казалось, в этот день она решила просадить все свои деньги. Сначала в кино. После — нет, пожалуйста, только не домой, пойдем куда-нибудь поужинаем. Форель. Ей захотелось форели. Совсем не так просто найти подходящий ресторан, если у человека навязчивая идея. Но в конце концов вот он, слава богу, нашли, тут была форель. Скромный такой храм для гурманов, красное дерево, ковры, маленькие настольные лампы, старомодно, дорого, пусто, почти никого. Официант, весьма распространенная помесь скрытого хамства и хорошего тона, неслышно возникает около нашего столика: «Господа уже выбрали?» И не успел я рта раскрыть, она говорит мне с улыбкой, словно ее только что осенило,

словно это ее случайный каприз, которому она не в силах противостоять: «Знаешь, я, пожалуй, буду форель. А ты?» Нет, она просто рехнулась. Она видела себя на сцене, она была молодой избалованной дамой во время интимного ужина, она требовала, чтобы я ей подыграл. Пожалуйста, сколько угодно. «О, форель, какая превосходная идея, дорогая. Если ты не возражаешь, если ты не сочтешь меня слишком скучным, я с радостью к тебе присоединюсь».

Она сидела, словно ей дали пощечину.

Но почему бы ей не посмеяться? Ведь все эта было более чем нелепо, мы оба были нелепы, нелепа эта форель, и этот ресторан, и этот несколько шокированный кретин официант, и сирена, с которой все началось, тоже чудовищная нелепость. Почему бы ей не посмеяться? Получился бы прелестный вечер. Так нет же, ей обязательно нужно было сделать из этого что-то особенное, она и из меня все время хочет сделать что-то особенное, ей обязательно нужно что-то себе вообразить. Все эти представления, от которых она не в силах отрешиться: счастье, жизнь, какой она должна быть, какой она могла бы быть. Мне, пожалуйста, что-нибудь легонькое, что-нибудь красивое. «Знаешь, я, пожалуй, буду форель. А ты?»

Ведь у нее мягкие карие глаза, красивый спокойный лоб. И нет, она не может понять, что ей это постоянно мешает жить, она сама не знает, как ей это мешает.

Я, видите ли, ей все испортил. Все, это глобальное все, когда речь идет об ужине! Ради бога, ну что все?! Жизнь, счастье, жизнь, она все валит в одну кучу и катит все это на меня, и я должен ударить в ответ, должен. И тогда, я знаю, она замолкает, и ей словно плохо с сердцем, и она должна схватиться за что-нибудь, чтобы не упасть, как будто вот тут, тут, в этом месте у нее что-то смертельно сжимается, и она сдается. И на короткий миг я бываю очень доволен точностью встречного удара.

Она затихла. Она отпала от меня. Опустошенное лицо, тихое и размытое, как под водой, как поди льдом. Но она выберется, она всплывет и будет искать прорубь. «Что это было? Я что-нибудь не так сделала?» Будет искать, искать, и я уже не могу отводить глаза, я вынужден сказать, что ничего такого не было или что это была обыкновенная ерунда, что-нибудь, лишь бы к ней вернулось мужество, лишь бы она пришла в себя, попробовала улыбнуться, — и тогда все начинается сначала: жизнь, какой она могла

бы быть, и эти ее мягкие карие глаза, которые ничему нельзя научить.

Видимо, я так до конца и не понял, что возможна только одна альтернатива: либо покончить с этим, либо продолжать жить так, как жили; либо уложить сразу и наповал, одним ударом, либо кружить и кружить по этой спирали, дальше, дальше, не разжимая этих отчаянных объятий, чувствуя, как ее рука впивается в мое плечо: «Что это? Скажи мне, скажи сейчас же! Что это?» Все дальше и дальше. Узники, дальше по кругу!

Голоса их встречаются, но расстояние между ними как бы растет, их разделяет все большее пространство. Ее голос звучит на переднем плане, совсем близко, настойчиво, не ослабевая, в то время как его голос, хотя все еще различимый, удаляется, отступает и постепенно окрашивается интонациями безудержного, истерического, припадочного веселья.

О н а. Что это? Скажи мне. Что это?

О н. Это недоразумение, мадам. Примите мои извинения, мадам.

О н а. Не понимаю, зачем тебе понадобилось все разрушить.

О н. Это неурядица, мадам. Но в нашей жизни

все еще наладится, мадам.

О н а. Пожалуйста, скажи что-нибудь настоящее. Скажи мне, что это?

О н. Осторожно, двери закрываются.

О н а. И для чего ты меня сюда послал?

Он безудержно смеется.

Почему все так? Неужели ничего нельзя изменить, ведь все могло быть иначе. Почему ты не хочешь, скажи мне, прошу тебя, почему все должно пойти насмарку? Я не понимаю этого.

О н. Мадам, забудьте наш альянс. Мадам, не вышел ваш пасьянс. Такой уж расклад — сплошной разлад! Наша связь — просто грязь! Счастья нехватка — у вас, мадам, слабая хватка!

Пауза. Фон меняется.

Акустический образ времени — с одинаковыми интервалами звуки как от падающих капель. Оба голоса, сменяя друг друга, говорят словно в трансе, монотонно и почти без выражения, через долгие промежутки времени, отдельно, изолированно.

О н а. Я забыла сходить в магазин. Хлеба не хватит. И чай тоже кончился. Ничего, сходит куда-нибудь, поест в кафе.

Сигнал.

О н. Эти двести пятьдесят марок, надо их ей отдать. Обязательно, за это я должен отвечать. Нужно найти какой-нибудь способ. Даже то, что она сама за это платила, — уже свинство с моей стороны.

Сигнал.

О н а. Он может пойти в кафе на углу, поужинает там. Или двумя улицами дальше, там тоже есть кафе, как же оно называется? Ну, как его там, я еще однажды пиво у них брала.

Сигнал.

О н. Переберусь опять к себе, снова засяду за работу. Наконец-то смогу спокойно поработать. Пустая комната, книги, чайник. Наконец-то смогу побыть наедине с собой.

Сигнал.

О н а. Чудно, эта Барбара, у нее никогда никого не было. Она скучная была. К ней и не приставали даже. И повеселиться она не умела. Если приходили гости, то обязательно ко мне, а не к ней. Я всегда думала, что мне и повезет больше.

Сигнал.

О н. Интересно, Лео все еще ходит на лекции? Тот самый Лео, который предполагает, что все мы и не существуем вовсе. Если ходит, тогда это уже его восемнадцатый семестр.

Сигнал.

О н а. «Однажды, когда будет дождик»… Или: «Настанет день, и будет дождик…» Песенка такая. Было слышно из окна, мы даже несколько шагов под нее протанцевали.

Сигнал.

О н. Первый раз я ею заинтересовался, когда она сказала: «Хочу жить сейчас и не думать о том, что будет после». Влетел в нее, как в открытую дверь.

Сигнал.

О н а. Ничто, это ничто. Водяные знаки в воздухе. Время, которое проходит.

Сигнал.

О н. Этот обаятельный кретин Лео: «Вполне вероятно, что мы вовсе не существуем». В одном ты прав, Лео, говорю тебе как другу: живи в

свое удовольствие и не ищи оправданий своего существования. И Гейнц существует, и Беата существует, и все это будет, и их милая присказка тоже: «Тебе не кажется, что я немножечко тю-тю?»

Сигнал.

О н а. Я думала, ты настоящий.

Сигнал.

О н. Может, цветов купить, или это неудобно, цветы? К черту все эти церемонии, я ей благодарен и поставлю цветы, вот здесь, у кровати. Но ей бы давно пора вернуться?! *(Сигнал.)* Ей давно пора вернуться, она уже час назад должна была вернуться! *(Сигнал.)* Ничего не понимаю. *(Сигнал.)* В чем там дело? *(Сигнал.)* Она сейчас придет. Немедленно! Я не допущу никакой мерзости! Вот сейчас, сейчас она придет, сейчас.

Сигнал повторяется еще неоднократно, становится все пронзительнее и обрывается диссонансом. Он продолжает говорить.

Во всяком случае, сейчас она уже едет обратно. Бледная, ее знобит, наверно, но она уже, в такси, это у нее уже позади. Если она не сможет заснуть,

будет разглядывать рожицы на обоях. «Домовые», как она их однажды назвала. «Видишь, это наши домовые». И вдруг тихо шепнула мне прямо в ухо: «Свидетели». Серебристый узор, по всей стене намалеваны эти рожицы, губы возле пылающего уха, шепчущие, лепечущие, но я тогда не разобрал, что она там говорит. Да и что с нас взять, мы были как сумасшедшие, бери, хватай, раз-два, все убийственно точно и безотказно, а эти рожицы смотрели на нас со стены.

Свидетели. Но она тогда еще и знать ничего не знала. Даже и в мыслях быть не могло, это ведь сколько месяцев назад… Она и не думала, что будет вот так тут лежать — маленький холмик под одеялом. Ну и что, что в этом такого?! Всегда так выглядит, холмик под одеялом, а как же еще?! Да мне вовсе и не обязательно тут торчать и глазеть на нее. Она выспится, придет в себя, и я сразу почувствую, что я свободен и могу немножко прогуляться. Так просто, никуда, проветриться, прочистить мозги от всей этой дряни, встать просто вот так, с пустой головой, перед мисс Конни Шутер, этой хорошенькой трубачкой из ансамбля «Midnight Follies»[9], благо ее сейчас можно

[9] Примечания: 9
«Полуночные безумцы» *(англ.)*.

видеть на любой афишной тумбе. Моя голова всовывается в жерло твоей трубы, продуй ее, дунь что есть силы, во всю мочь твоей колоссальной груди, вот хорошо, я слышал самый мощный аккорд на свете, и плевал я на все, моя ласточка, меня на этой мякине не проведешь, я не буду спрашивать, как Беата, тю-тю я или не тю-тю, я не буду спрашивать, как Лео, существую я или нет, я слышал самый громкий аккорд на свете, все, поговорили — и баста, ты меня поняла, плевать я хотел на эти обойные рожицы, плевать я хотел на свидетелей, плевать на «никто тебя не любит так, как я», плевать на «что-нибудь легонькое» и на «что-нибудь красивое», и на то, какой могла быть жизнь, и на то, какой она должна быть, плевать, сегодня покончим, и все будет шито-крыто, и никаких забот больше, и я наконец-то вздохну спокойно, вы даже не представляете, как спокойно я вздохну. Сейчас она должна прийти. Сейчас! Сейчас же! Она сейчас же должна прийти! Сейчас! Я не могу больше ждать! Ты же получил свои двести пятьдесят марок, наличными, прямо в лапы?! О каких же еще сложностях может быть речь? Я ей сказал, что это совершенный пустяк, и я был прав, в чем, в чем, а тут я был прав, уж он-то дело знает, у него умелые лапы, они знают,

за что и как браться, хватка хоть куда. Она даже не почувствует ничего, будет лежать тихо, лицо как под водой, как подо льдом.

Пауза.

Ничего не случится, не может случиться. С тем же успехом она может попасть в аварию, сидя в такси. С точки зрения статистики. Просто поразительно, до чего можно додуматься с точки зрения статистики. Вот они тащат что-то на кушетку. Холмик под одеялом, он не движется. Две фигуры над кожаной кушеткой. Он выпрямляется. Совершенно пустое лицо. Готово. С этим покончено. С этой покончено. Готово, покончено! И он прячет свои лапы, как будто он ни при чем. Но это тебе так не пройдет, ручаюсь, что не пройдет, ты, ты это сделал, не я, а ты, ведь ты там стоишь, а не я! Ведь где она сейчас? Здесь, у меня, ее нет.

Непродолжительная пауза.

Здесь ее нет.

Снова звук уходящего времени. Потом как бы издалека, из пространства, ее голос.

О н а. Это ты, ты идешь по коридору. Ты открываешь дверь, вот твое лицо. Я узнаю тебя. Я не

узнаю тебя. Ты меня не узнаешь. Скажи же хоть что-нибудь. Скажи «здравствуй». «Здравствуй, вот и я».

Его голос — с монотонной тягучестью, как на магнитофонной ленте.

О н. На зеленом на лугу стоит чашка творогу, на зеленом на лугу стоит чашка творогу, на зеленом на лугу…

О н а *(как и прежде)*. Зачем ты дразнишься и почему ты прячешь руки?

О н *(кричит)*. Мои руки тут ни при чем!

Пауза.

Здесь, у меня, ее нет.

Мне надо быть в форме. Торчу тут как пень. Мне надо быть в форме. Полюбуйтесь, вот он я, мужчина, который покупает цветы. Цветы на всякий случай. Что к лучшему, что к худшему, все дело случая. Для того чтобы вставать каждое утро, вовсе не обязательно мнить о себе бог весть что.

Когда она возвращалась с работы и знала, что я ее здесь жду, она, прежде чем подняться по лестнице, звонила три раза, три коротких и резких звонка: иду, иду, иду!

Да, знаю, я тебя видел. Вот сейчас там наверху,

на стенке, затрезвонит звонок — и разом ударит, загремит, застучит в висках!

Но нет, это подходит медленно, подходит исподволь, оно подступает неспешно, тихо урча, оно крадется по коридорам, крадется ощупью, чтобы не упустить меня. Здесь я! Ну же, вот он я! Ждать, ждать, слепо и бессильно. Здесь! Я жду тебя, слышишь, я кричу тебе, здесь я, иди сюда, мгновение истины, я схвачу тебя за глотку!

Пауза.

Ладно, к чему этот шум. Что будет, то будет, так или эдак. Факты есть факты, их надо признавать, и никуда они не денутся.

Проверьте ваше лицо. На правильном лице расстояние между глазами точно соответствует величине одного глаза.

Сигнал уходящего времени — теперь как нарастающая, диссонирующая последовательность звуков, жалобно обрывающаяся в кульминации — в тот момент, когда она входит в комнату.

О н. Хильда! Извини, я ничего не слышал. Ты звонила?

О н а. Нет.

О н. Иди сюда, скорее ложись. Вот сюда, разго-

воры потом, ложись.

Что тебе дать?

О н а. Там чай остался?

О н. Да, сейчас. Но ложись, ради бога. *(Возится с чайником.)* Чай холодный.

О н а. Мне только глотнуть.

Он наливает чай. Она пьет и отставляет чашку.

О н. Почему ты не ложишься? Это неразумно. Послушай, может, тебе что-нибудь нужно. Он не говорил, может, мне нужно за чем-нибудь сходить?

О н а. Его не было.

О н. Прости, как ты сказала?

О н а. Я проездила зря. Его не было.

Пауза.

О н. Если ты думаешь, что я понимаю, что ты там бормочешь, то ты ошибаешься. *(Внезапно.)* Ну что с тобой? Я только сказал, что я не понимаю. Тебя три с половиной часа не было.

О н а. Я не могу больше.

О н. Погоди, погоди. Я и сам докопаюсь. Ты была там три с половиной часа. Но его не было. Значит, он забыл, что назначил тебе? И вот через три с

половиной часа ты наконец приходишь.

О н а *(перебивая его).* Он уехал, его вызвали, и он передал мне, чтобы я подождала.

О н. Ах вот как. И ты не выдержала. Сначала ждала, а потом сбежала.

О н а. Нет, нет.

О н. Но я тебя вполне понимаю.

О н а. Он позвонил и сказал, чтобы я не ждала больше.

Непродолжительная пауза.

О н. И что же теперь?

О н а. Я должна прийти еще раз. Завтра в три.

Пауза. Он закуривает сигарету.

О н. Прости, ты будешь?

О н а. Нет, спасибо.

Он насвистывает сквозь зубы размытую, стертую до неузнаваемости мелодию.

О н. Еще чаю?

О н а. Нет, спасибо.

Он открывает крышку чайника и снова закрывает ее.

О н. Там еще целая чашка! *(Пауза.)* Так гово-

ришь, завтра в три?

О н а. Да.

О н. Пошли отсюда. Нельзя терять ни минуты, мы идем в город.

О н а. Куда ты хочешь идти?

О н. В город, в кино. Какой-нибудь фильм посмотрим. Пойдем, чего ты ждешь? У нас еще двадцать часов времени. Какой смысл сидеть тут и глазеть друг на друга.

О н а. Я хочу знать, кто ты.

О н. Хорошо, хорошо, возьми вот свою кофту. Вечером, наверно, будет холодно.

О н а. Неужели ты пошлешь меня туда еще раз?

О н. Я не могу больше об этом говорить, ты понимаешь или нет? Если ты будешь умницей, если мы сейчас отсюда уйдем…

О н а. Что тогда?

О н. Пожалуйста, возьми кофту. Все уже решено, я больше ни минуты не могу об этом говорить.

О н а. Ты прав.

О н. Что это значит? Что ты на меня уставилась?

О н а. Кажется, теперь я знаю, кто ты.

Перевел М. Рудницкий.

Зигфрид Ленц
ОБЫСК

Действующие лица

Кристина
Электромонтер
Ричард
Генри
Том
Босс
Феликс

Негромкое постукивание молотка в просторной комнате. М о н т е р что-то напевает, держа во рту шурупы. Шаги Кристины все ближе. Тишина. К р и с т и н а — молодая женщина, обладающая тем не менее опытом долгого супружества. По-видимому, она дорожит этим опытом.

К р и с т и н а. Ну вот. Теперь лучше. Теперь розетки больше не опасны.

М о н т е р. До следующего раза.

К р и с т и н а. Что вы имеете в виду?

М о н т е р *(не вынимая шурупов изо рта, с полной откровенностью).* Я уже два раза убирал контакты поглубже, но вам все казалось мало.

К р и с т и н а. Только со временем понимаешь, какие опасные предметы подстерегают тебя дома. Знаете, сколько людей погибает, не выходя из своих квартир?

М о н т е р. Это не по моей части.

К р и с т и н а. Вам-то что: удары электричеством входят, так сказать, в вашу профессию.

М о н т е р. Если быть к ним готовым, ничего не почувствуешь. *(Вынимает шурупы изо рта.)* Или, скажем, почти ничего. Мне обычно просто кажется, что это мой старик трясет меня за руку — он водит каток на строительстве дороги.

К р и с т и н а. Меня розетки прямо притягивают. Если я долго гляжу на эти две дырочки, то невольно растопыриваю пальцы, средний и указательный. Вот так. А потом медленно подхожу все ближе…

М о н т е р. Вам, наверное, лучше бы не иметь в доме розеток.

К р и с т и н а. Может, вы когда-нибудь изобретете новое электричество — дружелюбное, безобидное. Я тогда стану вашим первым клиентом. А пока мне придется мириться с розетками.

М о н т е р. Во всяком случае, это моя последняя работа перед свадьбой: я ведь завтра женюсь. *(Пауза. Он собирает инструменты.)* Вы, наверное, уже давно замужем?

К р и с т и н а. Сто лет.

М о н т е р *(неуверенно улыбаясь.)* Этого по вас не скажешь.

К р и с т и н а. А что по нас вообще можно сказать?

М о н т е р. Шесть лет, самое большее — восемь.

К р и с т и н а. Не забудьте отвертку.

М о н т е р. Правда, что люди становятся похожи, прожив так долго вместе?

К р и с т и н а *(тихо, с улыбкой)*. Они становятся прозрачными. Им нужно все меньше масок. В этом смысле они действительно становятся похожими. И, наконец… *(Замолкает.)*

М о н т е р. Что — наконец?

К р и с т и н а. Когда уже нечего открывать, наступает время повторений… Брак — это как добровольное домашнее задание: с годами партнеры все выучивают наизусть…

М о н т е р. Хотел бы я знать, что скажет на это ваш муж. Жаль, что его нет… Сегодня в газетах опять его фотография. Он стоит на одном из мо-

стов, где тогда все случилось. Куда же клещи запропастились? *(С восхищением.)* Я бы на это не решился — во всяком случае, по своей воле.

К р и с т и н а *(убежденно)*. Если бы не он, оба моста взлетели б на воздух.

М о н т е р. Под обстрелом, и к взрыву уже все было готово… Я бы не решился. Он что — порвал провода?

К р и с т и н а. Нет, перерезал.

М о н т е р. Сколько одних только денег он сохранил государству — мне бы хоть десятую долю… А кроме того: что стало бы с торговлей, на что бы стали смотреть туристы, если б не он? Нет, то, что он тогда совершил, так просто не забудется.

К р и с т и н а. Мне приятно слышать, что вы так высоко цените моего мужа.

М о н т е р. Все думают об этом так же, в том числе и городские власти: чуть не каждую минуту они готовы тащить его в ратушу, чтобы нацепить ему что-нибудь еще, и это когда уже столько лет прошло!

К р и с т и н а *(нетерпеливо)*. Вы собрали ваш инструмент?

М о н т е р. Если я что и забыл, пусть лежит до следующего раза. Позовите меня, когда нужно

будет снова поправить розетки. Но только после свадьбы… Моя невеста, между прочим, оттуда — со Старой земли. Если б мосты были взорваны, я бы ее никогда не увидел…

К р и с т и н а. Я расскажу моему мужу. Это его обрадует… Желаю счастья.

М о н т е р. Спасибо. Может быть, и мы проживем сто лет. До свиданья.

К р и с т и н а. Всего хорошего.

Слышно, как запирают дверь. Кристина облегченно вздыхает, возвращается в комнату, садится, выдвигает ящик, что-то ищет, задвигает его, потом закуривает и, напряженно думая, говорит сама с собой.

К р и с т и н а *(тихо, поспешно).* Куда задевался этот проклятый ящик с бинтами… Может быть, пластыря хватит… *(Открывает шкаф, закрывает его.)*

В дверь звонят.

(Недовольно.) Что еще он тут забыл? *(Открывает дверь и, пораженная, отступает назад.)* Да? Что вам угодно?

Р и ч а р д и Г е н р и, два полицейских чиновника.

Р и ч а р д *(участливо)*. Извините за беспокойство. Некий Том Йоргенсен проживает у вас? Студент Том Йоргенсен?

К р и с т и н а. Конечно. Он снимает у нас комнату. Я его не видела два дня. Не знаю, где он пропадает.

Г е н р и *(лаконично)*. Покажи ей ордер, Ричард.

Р и ч а р д. У нас приказ произвести в вашей квартире обыск, ордер выписан на сегодня.

Г е н р и. Дай ей прочесть, Ричард.

Р и ч а р д. Если вы желаете сами удостовериться, то вот он, прошу вас. Мне очень жаль, что мы причиняем вам беспокойство.

К р и с т и н а *(колеблется, потом, невнятно произнося текст, быстро читает бумагу; очень озабочена)*. Господи боже мой!

Г е н р и *(деловито)*. Отбери у нее ордер.

Р и ч а р д. Нам можно войти?

К р и с т и н а. Конечно, господа, пожалуйста. К сожалению, мой муж отсутствует, я имею в виду — в настоящий момент. Он бы мог быть вам полезным.

Дверь запирают.

Здесь не убрано, у меня был монтер.

Г е н р и. Спроси, где его комната, Ричард.

Р и ч а р д. Не проводите ли вы нас в комнату вашего постояльца?

К р и с т и н а *(вновь обретя уверенность, возбужденно)*. Разумеется, господа, пожалуйста, только, боюсь, вы разочаруетесь. Это его временное пристанище. Вы не найдете там ничего примечательного… Вы ищете что-то определенное?

Шаги.

Р и ч а р д. Ваш постоялец обчистил несколько аптек.

К р и с т и н а. Обчистил?

Г е н р и. Объясни ей, Ричард.

Р и ч а р д. С недавнего времени у нас стали грабить аптеки. Молодчик, который туда забирается, большой знаток: понимает, что выбирать. Тем, что он успел прихватить, можно усыпить целый округ.

К р и с т и н а. Усыпить? *(Пауза.)* Вот его комната. Как я уже говорила, в ней нет ничего примечательного.

Г е н р и. Пожалуй, сойдет за меблированную.

Р и ч а р д. Под кроватью — чемодан. Можно взглянуть? *(Наклоняется, вытаскивает чемодан, замок отскакивает.)* Когда вы видели его в по-

следний раз?

К р и с т и н а. Два дня назад. Мы завтракали вместе.

Р и ч а р д *(удивленно)*. Он завтракает с вами?

К р и с т и н а. Том уже три года как живет у нас. Он был…

Г е н р и. Дети у вас есть?

К р и с т и н а. Нет.

Р и ч а р д. Он пользовался только этим помещением?

К р и с т и н а. Он бывал у нас где хотел. Во всех комнатах… Я просто не могу поверить. Вы, конечно, ошибаетесь. Надеюсь, все скоро разъяснится.

Г е н р и. Для этого мы и взялись за дело.

Р и ч а р д *(роясь в чемодане)*. Носки, книги, плавки… Кто это на фотографии?

К р и с т и н а. Его родители. Оба учителя, известные учителя. В свое время добились больших успехов. По несчастью, как говорил Том, они попытались воспитывать еще и друг друга.

Р и ч а р д. Где они живут?

К р и с т и н а. Покончили с собой, оба… По «зрелом размышлении и подведя честный итог», как говорил Том.

Г е н р и *(откидывает одеяло, запускает руки под матрас, встряхивает его)*. С постелью все

ясно, Ричард.

Р и ч а р д. Посмотри в шкафу, а потом отодвинь кресло.

Слышно, как защелкиваются замки чемодана.

К р и с т и н а. На каникулы Том обычно уезжал к дяде в обсерваторию. Его дядя — профессор астрономии. Написал много книг.

Р и ч а р д. Хоккейные клюшки — вашего квартиранта?

К р и с т и н а. Он играет за университет… Надеюсь, что муж скоро придет. Он мог бы вам облегчить дело.

Г е н р и. В шкафу только вешалки и открытка — «Лодки у моря».

Пауза.

Р и ч а р д. Вы говорите, ваш квартирант бывал во всех комнатах?

К р и с т и н а *(со странным облегчением)*. Да, конечно. Он бывал везде где хотел. Не могли же мы запереть его в одной комнате: ни картины на стене, ни вида из окна…

Р и ч а р д. Значит, между вами было полное доверие?

К р и с т и н а. Все зависит от точки зрения.

Доверие связывает всех, кто спит под одной крышей.

Г е н р и *(откуда-то сзади)*. Спроси, как ее зовут, Ричард.

К р и с т и н а *(развеселившись)*. Как меня зовут? Зачем вам?.. Кристина!

Г е н р и. Значит, открытка от вас, вы послали ее своему постояльцу.

К р и с т и н а. Что в этом особенного?

Г е н р и. Приветы. *(Пауза.)* Вот, можете взять.

Р и ч а р д *(действуя согласно инструкции)*. Извините, но, раз ваш постоялец имел всюду доступ, я должен просить у вас разрешения бросить взгляд на другие помещения. Это необходимо, чтобы и вас оградить от неприятностей. Мы вам объяснили, что поставлено на карту.

Г е н р и. Погружение в сон целого округа.

Р и ч а р д. Очень прискорбно, но нам нельзя рисковать.

К р и с т и н а *(воспринимая все как занятную, но бессмысленную игру. Возможно, впрочем, что откровенность служит ей маской)*. Вам незачем извиняться. Вы можете делать все, что хотите. Проверяйте, ищите, удостоверьтесь, что все в порядке. Ведь и на это надо затратить усилия, господа. А если что нужно, спрашивайте.

Р и ч а р д. Надеюсь, что мы ничего не найдем.

К р и с т и н а. Не спешите. Никаких тайников у нас нет. В этой квартире все открыто для всеобщего обозрения.

Г е н р и. Это, пожалуй, лучший тайник.

К р и с т и н а. Что вы сказали?

Г е н р и. Объясни ей, Ричард.

Р и ч а р д. Прячутся только новички. Знатоки работают на наших глазах при свете дня. Солнце — лучшая маскировка… У нас богатый опыт.

К р и с т и н а. Муж уже должен был бы вернуться. Он ведь только к врачу пошел, к глазному врачу. Он бы мог лучше на все ответить.

Р и ч а р д. Конечно, нам особенно неловко из-за вашего мужа… Вы позволите? *(Делает несколько шагов по коридору, Кристина следует за ним.)* Ваш постоялец имел право пользоваться кухней?

К р и с т и н а. И кухней, и туалетом, конечно. Но он никогда на кухне не задерживался. *(Пауза.)* А что, собственно, Том спрятал? Пузыречки? Тюбики? Канистры?

Р и ч а р д *(открывает кухонный шкаф с таким видом, будто это ему весьма мучительно)*. Я уже понял, все в порядке.

К р и с т и н а. Этот поднос — подарок моего

мужа, ручная работа, сделано в Марокко. Я получила его к первой годовщине свадьбы, девять лет назад. Разве он не прекрасен?

Р и ч а р д. Ваш муж бывал там по службе?

К р и с т и н а. Нет.

Р и ч а р д. Я думал, ваш отец послал его туда по делам фабрики.

К р и с т и н а *(развеселившись)*. Жидкость для волос, средства для похудения? Таким товарам нет сбыта в Марокко. *(Пауза.)* Хотите взглянуть на чашки, на столовые приборы? Вот кофейный сервиз, подарок сената. *(С наслаждением.)* Надпись: «Эберхарду Боссу — храброму защитнику наших мостов — с благодарностью и признательностью».

Р и ч а р д. Я его уже видел на фотографии — момент торжественного вручения в ратуше. *(Закрывает шкаф.)*

К р и с т и н а. В холодильник заглянете? *(Открывает его.)* За содержимое бутылок я ручаюсь. Со времен событий на мосту мой муж не переносит искусственного света. Он часто сидит в потемках. *(Пауза.)* Когда мы поженились, я должна была ему обещать, что в доме всегда будет бутылка-другая. *(Закрывает холодильник.)*

Шаги. Входит Г е н р и.

Г е н р и. В шкафу ничего нет. В кресле — тоже.

Р и ч а р д. И здесь все в порядке.

Г е н р и. Спроси ее, что там в шкафчике для хлеба.

К р и с т и н а *(с готовностью открывает шкафчик)*. Просто хлеб… Хотите убедиться?

Р и ч а р д. С кухней все ясно, Генри.

К р и с т и н а. Я с удовольствием вам все покажу. Не хотелось бы, чтобы у вас осталось чувство, будто от вас что-то скрывают. Я могу порассказать о каждой вещи: у каждой из них своя история, каждая навевает воспоминания. Мне кажется, будто я прикасаюсь к своему прошлому. Надо всем разлита ясность.

Г е н р и. Ясность? Подозрительно. Неуютно как-то.

Р и ч а р д. Думаю, мы долго вас не задержим.

Шаги в следующую комнату.

Г е н р и. Спроси ее, куда он два дня назад собирался. Может, у него были какие-нибудь намерения?

К р и с т и н а. У мужа?

Г е н р и. Нет, у жильца. Были у него друзья? Сказал он, куда идет?

К р и с т и н а. На лекции, как обычно. Муж

подвез его на машине. О друзьях он с нами не говорил. Вообще он мало говорил. Зато замечательно слушал.

Г е н р и. Я ждал этого — «замечательно слушал».

Р и ч а р д. Сюда можно заглянуть?

К р и с т и н а. Пожалуйста. Это ванная.

Г е н р и. Спроси ее, чем это здесь так хорошо пахнет.

К р и с т и н а *(довольная)*. Мылом. Мы получаем его из Испании. Оно называется «Мираж».

Р и ч а р д. Ваш муж — тонкий ценитель. Вот бы никогда не подумал.

К р и с т и н а. Простите, что вы имеете в виду?

Р и ч а р д. Если вспомнить, что он тот самый, кто спас мосты… под обстрелом… когда все было готово к взрыву…

К р и с т и н а *(с иронией, ставя его на место)*. Храбрость обязывает мыться плохим мылом?

Р и ч а р д. Да нет, пожалуй.

Г е н р и. Просто у нас есть свои понятия.

К р и с т и н а. Тогда я хочу предостеречь вас насчет этих понятий. Вредно столько головой работать.

Г е н р и. А чем же еще?

К р и с т и н а. Кожей… Глазами… Кончиками

пальцев…

Р и ч а р д. В этих бутылочках?..

К р и с т и н а. Вода для бритья. Том пользовался той же, что и мой муж. У обоих очень чувствительная кожа… *(Задумывается, потом протестует. Конечно, это игра.)* Немыслимо! Не могу поверить, чтобы Том принимал участие в этих ограблениях! Аптеки! Что могло его туда привести?

Р и ч а р д. В булочных такого товара не бывает.

К р и с т и н а. Том, такой молчаливый, скромный мальчик. Если б вы его знали! Такой прилежный, вежливый… Как решительно он говорил о своей работе: «Нужно рано познать, чего ты не можешь, только тогда дойдешь до предела». Подумайте, ведь он был круглым сиротой.

Г е н р и. Расскажи-ка ей что-нибудь о сиротах и вдовах. Давай!

Р и ч а р д. А что там в шкафчике за весами?

К р и с т и н а. Это мое, я ведь тоже пользуюсь этой ванной.

Г е н р и. Потрогать можно?

Р и ч а р д. Ты же видишь — это мягкое. *(Отдергивает занавеску. Пауза.)* Вот и здесь мы ничего не нашли. Надеюсь, что скоро перестанем вам

мешать.

К р и с т и н а. Ваша работа не требует извинений.

Р и ч а р д. Надеюсь, нам уже не придется затруднять вашего мужа.

Слышны шаги.

Все двери у вас распахнуты. Собственно, даже дверей нет.

К р и с т и н а. Без дверей нам спокойнее, теплее, ближе. Все просматривается. Стучаться мы не любим.

Пауза.

Р и ч а р д. Это, по-видимому, ваша комната?

К р и с т и н а. Нет, моего мужа.

Р и ч а р д. А фотографии на стенах? Это же все он снят: на мосту… в ратуше… во время разговора с бургомистром… все он.

К р и с т и н а. Это его воспоминания. Он имеет право окружить себя ими. В конце концов, одно из них могло ему стоить жизни.

Р и ч а р д. Я далек от осуждения.

Г е н р и. Когда себя можно рассматривать вот так… в размноженном виде… возникает особое чувство.

Р и ч а р д. Эту фотографию я знаю: ваш муж за раздачей подарков в городском приюте… А эта медаль…

К р и с т и н а. От граждан города. 11 апреля 1950 года, пять лет после событий на мосту.

Р и ч а р д. У вас поразительная память. Вы знаете…

К р и с т и н а. Мы знаем друг о друге все. Говорю вам — все.

Р и ч а р д. А ваш жилец имел доступ и в эту комнату?

К р и с т и н а. Конечно. Том любил слушать рассказы моего мужа, обычно он усаживался на пол.

Р и ч а р д. На пол?.. *(Пауза.)* Посмотри-ка, Генри, точное воспроизведение реки и модель мостов. Это тоже подарок?

К р и с т и н а. Памятный подарок речного судоходства. Вручен 11 апреля 1955 года.

Р и ч а р д. Я думаю, эту комнату можно пропустить.

Г е н р и *(размышляя)*. Меня интересует тот большой шкаф, Генри.

К р и с т и н а *(с удовольствием)*. Пожалуйста, загляните туда. Я вам все объясню, — даже с закрытыми глазами, если хотите.

Шкаф открывается.

Г е н р и *(удивленно)*. Посмотри, Ричард: военная форма, настоящая военная форма… даже знаки отличия на месте… обер-ефрейтор… мое последнее звание.

Р и ч а р д. Мое тоже.

К р и с т и н а. Муж сохранил ее для воспоминаний.

Г е н р и. Приятный чин. Это что, от пожара?

К р и с т и н а. Это кровь.

Г е н р и. Ну, по службе вашему мужу этот маскарад не нужен.

К р и с т и н а. Мой муж не служит.

Г е н р и. Совсем?

К р и с т и н а *(не сдержавшись)*. Может, мне вам объяснить почему?

Р и ч а р д. Нет, с нас достаточно. Просим нас извинить.

К р и с т и н а. Пожалуйста, без ненужного великодушия.

Г е н р и. Тут что-то упало, записочка… Квитанция от денежного перевода, вот.

К р и с т и н а. Благодарю.

Пауза.

Г е н р и *(в шутку)*. Надеюсь, что сумма учтена.

К р и с т и н а *(рассеянно)*. Что вы имеете в

виду?

Г е н р и. Правду.

Р и ч а р д. И в этой комнате мои надежды оправдались: ничего…

К р и с т и н а *(она немного смущена, задумчива, потом ее охватывает беспокойство).* Меня это радует, я ведь вам так и предсказывала… Может, посмотрите ящики? *(Выдвигает ящик.)* Темные очки, так — еще одно воспоминание… А здесь, под лампой, у ее основания… *(Внезапно стонет, дрожа как от холода.)*

Р и ч а р д. Что с вами?

К р и с т и н а. Ничего. Уже лучше. Меня просто ударило: розетка-провод… я не уследила.

Р и ч а р д. Садитесь, отдохните.

Г е н р и. Розетки нигде не видно, Ричард.

Р и ч а р д. Отдохните.

Г е н р и. Провода тоже.

Р и ч а р д. Скажите, если вам что-нибудь нужно. Скажите, не стесняйтесь.

К р и с т и н а. Ничего, все хорошо. *(Пауза.)* Что это муж не возвращается? Обычно он заглядывает к врачу буквально на секунду. *(Внезапно решившись.)* Я схожу за ним! Знаете, я просто схожу за ним. Это вас не задержит. Он тут близко, за углом. Он все вам объяснит куда лучше.

Р и ч а р д. Не стоит труда. А потом, мы уже кончили.

К р и с т и н а. Нет, нет, нет, останьтесь! Это займет не дольше минуты. Покурите пока. Мой муж недалеко. Мы сразу вернемся…

Дверь хлопает, шаги. Потом Кристина осторожно идет по каменной дорожке, открывается дверь гаража.

(Тихо.) Том, Том, посмотри на меня!

Т о м *(горько, с упреком)*. Ты почему так поздно?

К р и с т и н а. Ты должен уйти из гаража… Нужно искать другое убежище.

Т о м *(иронически)*. Ну да, вне этого мира, без свидетелей и посвященных.

К р и с т и н а. Том. *(Колеблясь.)* Я не смогла вынести бинты. Невозможно было. Придется подождать с перевязкой. Они у нас наверху, уже давно.

Т о м. Кто? Твой герой? Спаситель мостов?

К р и с т и н а. Пожалуйста, не говори так. Мне больно, когда ты так о нем говоришь… Они пришли из-за тебя, Том. У нас в квартире обыск, могут и сюда прийти, и тогда…

Т о м. Тогда мне придется протянуть им руку,

вот эту…

К р и с т и н а *(в ужасе)*. Господи, опять все в крови. Никак не перестанет. Иди сюда, дай руку. Я перевяжу шарфом. Тебе потом обязательно нужно к врачу. *(Перевязывает его.)* Не слишком туго? Узел не давит? Как только они уйдут, я принесу бинты. Тебе нужно уйти отсюда, Том. Идем, я тебя отведу.

Т о м. Куда?

К р и с т и н а. В новые дома на той стороне; они еще пустые.

Т о м. Ты о ком заботишься: обо мне или о себе?

К р и с т и н а. Сейчас не до разговоров!

Т о м. Ты ошибаешься. Как раз когда нужно действовать, мы и должны задать себе ряд вопросов. Зачем тебе надо, чтобы они меня не нашли?

К р и с т и н а *(настойчиво)*. Том, это же безумие — то, что ты хочешь сделать. Я тебе сразу сказала и повторяю опять.

Т о м. Ты меня еще любишь? *(Пауза.)* Не того, кем я был, Кристина, а того, кем я стал?

К р и с т и н а. Как мне разделить это?

Т о м. В моей руке стекла от аптеки Парацельса… Она была последней, а до этого пришлось работать не одну неделю. Теперь я у цели, собрал достаточно.

К р и с т и н а. Тише, Том. *(Пауза.)* Нет, ничего. Мне показалось.

Т о м. Теперь я осуществлю то, что тебе обещал. Я обещал, что когда-нибудь останусь с тобой совсем один — в комнате, в доме, в городе. Ты не замечала, как я страдаю оттого, что с нами всегда кто-то еще? Там, где я видел тебя, где мы встречались, ни одно мгновение не было чистым. Нам его разрушали другие — они стали моей болезнью.

К р и с т и н а. И что же ты сделал?

Т о м. Пока ничего.

К р и с т и н а. А зачем тебе делать это?

Т о м. Дабы пришел день, когда мы наконец останемся одни — ты и я. Что? Что с тобой?

К р и с т и н а. Мне страшно.

Т о м. Ах, что там! В мыслях я уже все много раз совершил. Мне будет легко, очень легко. Я просто пойду к водохранилищу и доверю ему все, что насобирал; тот порошок с химической фабрики тоже. Вода не предаст.

К р и с т и н а. Но другие, Том, те, кто пьет эту воду?

Т о м. Они уснут. Духи барбитала помогут им в этом. *(С удовольствием представляя себе эту картину.)* Представь себе: внезапно всех в округе охватит усталость, почтальон присядет на

лестницу и заснет; трубочист растянется прямо на крыше; лицо, прибывшее с официальным визитом, склонит голову на плечо заведующего протокольным отделом. Все заснут. Тогда-то, Кристина, мы и останемся с тобой совершенно одни.

К р и с т и н а. Ты с ума сошел, Том! Что тебе люди сделали?

Т о м. Знаешь, Кристина, почему мои родители покончили с собой? Я никогда не говорил тебе об истинной причине… Как учителя они соперничали друг с другом, пытаясь воспитать выдающихся людей. Они совершили переворот в педагогике, они мечтали о том, чтобы сделать человека лучше. Каждый из них пытался превзойти другого. *(Пауза.)* Любимый ученик моей матери застрелил своих родителей. Любимый ученик моего отца, которого он мечтал увидеть когда-нибудь на своем месте, стал во время войны главой тайной полиции в оккупированных районах… Мои родители были честны. Они поставили точку.

К р и с т и н а. Том, ты помешался. Как можно это сравнивать?

Т о м. Почему нет? Мы останемся одни, Кристина, и будем счастливы.

К р и с т и н а *(предостерегая его с полным сознанием своей правоты: страх помог ей достичь*

необходимой ясности). Счастливыми можно быть только среди других… Благодаря тому, что они существуют. То, что ты задумал, — безумие!

Т о м. Ты собираешься уходить? Куда ты? *(Неуверенно.)* Кристина! Ты не можешь сейчас меня оставить!

К р и с т и н а. Мне нельзя больше оставаться, я должна его привести…

Т о м. Кого, героя?

К р и с т и н а. Не мучай меня.

Пауза.

Т о м. Знаешь, где я храню то, что украл?

К р и с т и н а. Где?

Т о м. В твоей комнате, в шкафчике под подоконником.

К р и с т и н а. Да, я там это и обнаружила. Но теперь там ничего нет. Я все убрала… Я все убрала, Том.

Пауза.

Т о м. Ты… А тебе ясно, что это значит? Для нас обоих?

К р и с т и н а. Да, Том. *(Пауза.)* Как только я уйду, иди к новым домам… Держись все время стен. Заходи во второй дом, что под деревьями.

Рабочих там уже нет. Иди на первый этаж.

Т о м. А ты? Куда пойдешь ты? Долго мне придется тебя ждать?

К р и с т и н а. Не долго. Я приведу его и сразу вернусь к тебе. Лучше, чтобы он был сейчас дома. Сыщики тогда скорее уйдут.

Закрывается дверь, ее удаляющиеся шаги. Снова шаги, но на этот раз мужские. Дверь скрипит. Б о с с входит в квартиру. Он хорошо знает разницу между своей подлинной и мнимой ценой. К своей значительности ему удалось привыкнуть. Его поведение отличает вполне привычная скромность.

Б о с с *(кричит)*. Кристина, Кристина!

Г е н р и *(голос откуда-то сзади)*. Скажи ему, Ричард, где она.

Р и ч а р д. Добрый день. Мы должны извиниться перед вами. Мы одни в квартире и ждем.

Б о с с *(с привычной радостью)*. Добрый день, господа. Не стесняйтесь, пожалуйста.

Г е н р и. Покажи ему ордер, Ричард.

Р и ч а р д. У нас ордер на обыск, господин Босс, на сегодняшнее число. Вот, пожалуйста. *(Протягивает ему бумажку.)* Может, вы хотите убедиться сами. Мы, разумеется, весьма сожа-

леем, господин Босс… К тому же мы видим, что наша работа здесь была излишней…

Г е н р и. Возьми ордер назад, Ричард.

Б о с с *(уважительно)*. Это из-за Тома?

Р и ч а р д. Ваша жена в курсе дела. Она ведь вам все объяснила, господин Босс?

Б о с с. Моя жена?

Р и ч а р д. Она пошла за вами.

Г е н р и. Подчеркиваю: по собственному желанию.

Б о с с *(не выказав удивления)*. Тогда мы, наверное, разминулись. Я был у врача. *(Доброжелательно, весело.)* И все-таки я пришел в нужный момент: какая согласованность… Разве это не удивительно?

Р и ч а р д. Конечно, господин Босс.

Г е н р и. Подобные случаи…

Б о с с. Я бы не стал называть это случаем, господа. *(Радостно.)* Скорее, согласие без слов, если угодно, разговор сердец — наперекор пространству. Моя жена, несомненно, скоро вернется… Надеюсь, вас не затруднило ожидание?

Р и ч а р д. С вашего разрешения мы все здесь осмотрели: знаки отличия, памятные предметы, фотографии… Мы занимались, так сказать, вашими воспоминаниями. Некоторые снимки,

господин Босс, были нам уже знакомы… Откровенно говоря, все это глубоко впечатляет и приводит в восхищение.

Б о с с *(с безупречной скромностью)*. Что же тут особенного? Я просто послушался в нужный момент своего внутреннего голоса.

Р и ч а р д. В этом-то и особенное, господин Босс: одни слышат голос, другие — нет.

Б о с с *(скороговоркой, он говорил это часто)*. Нужно лишь чувствовать себя призванным…

Г е н р и. Кем? Голосом?

Б о с с. Потом все сводится к тому, чтобы признать: речь идет о тебе и ни о ком другом. И тогда уже действовать так, как будто все зависит от одного тебя. В этом случае препятствия легко преодолимы.

Р и ч а р д *(заинтересованно)*. Какие препятствия?

Б о с с. Предшествующей и последующей минуты: страха, который тебя охватывает до, и страха, который приходит после… Коньяк?

Р и ч а р д. Спасибо, господин Босс. У нас еще дела сегодня. Нам нужно писать отчет.

Б о с с. А вы что, кончили?

Р и ч а р д. Не совсем. Но мы уже убедились, что ничего не найдем в вашем доме. Остальные

помещения можно и не осматривать.

Б о с с. Мне лестно ваше доверие. Но кто вам сказал, что в следующей комнате вы не найдете то, что искали?

Г е н р и. Голос, наверное.

Р и ч а р д. Мы знаем, с кем имеем дело. Нам не хотелось бы вас затруднять.

Б о с с. Затруднения, господа, перенести легко. Но почти невозможно вынести мысль, что вы прервали посередине ваше столь важное обследование. Мне бы не хотелось когда-нибудь упрекнуть себя в том, что из-за моей персоны обыск не доведен до конца. Нельзя быть человеком чести лишь наполовину. Им или являешься, или нет. Вы окажете мне личную услугу, если продолжите вашу работу. Моя жена, несомненно, думает так же… А может, и Том.

Р и ч а р д. Мы говорим только: доверие за доверие.

Г е н р и. А табачок врозь.

Р и ч а р д. Мы ограничились комнатой вашего квартиранта, но так как он имел доступ ко всем помещениям…

Б о с с. …то вы должны, разумеется, их осмотреть. Приступайте к вашим обязанностям, господа, прошу вас. Оправдательный приговор

должен быть окончательным… *(Пауза.)* Что вы предполагаете найти?

Г е н р и. Режь ему начистоту.

Р и ч а р д. Снотворные и их составные части, неразведенные. Все это было награблено. Тем, что успел прихватить ваш жилец, можно усыпить целый округ.

Б о с с. Я с трудом могу себе представить, что Том совершил нечто подобное… Его родители были учителями, его воспитание…

Г е н р и. Скажи ему, Ричард, что нам известно про хорошо воспитанную молодежь.

Б о с с. Тогда давайте рассеем это подозрение. Позвольте мне вас проводить в его комнату.

Р и ч а р д. Мы уже были там. Осмотрели также кухню и ванную. Как и можно было ожидать, ничего там не оказалось.

Г е н р и. Несмотря на все наши старания.

Б о с с. И на чем вы остановились?

Р и ч а р д. На вашей комнате, господин Босс. Но с нас вполне достаточно.

Б о с с. А с меня нет, господа. Уж вы извините. *(Скромно.)* Мне бы хотелось, чтобы вы осмотрели все, чтобы у вас сложилась полная картина… Вы уже обследовали мой шкаф?

Р и ч а р д. Да, хотя по необходимости быстро.

Б о с с. А это отделение?

Р и ч а р д. Да.

Г е н р и. Нет. Скажи ему, Ричард, чтоб он открыл.

Б о с с *(улыбается, довольный)*. Правильно, так и следует. Пожалуйста, убедитесь.

Г е н р и *(пораженный)*. Да это же целый косметический магазин! Посмотри-ка.

Б о с с *(величественно)*. Образцы продукции с фабрики моего тестя. Мы ею, правда, не пользуемся.

Г е н р и. Судя по всему, здесь обходятся без жидкости для волос.

Б о с с. Откровенно говоря, моя жена покупает ее у… конкурирующей фирмы. Между нами: мы с тестем не в лучших отношениях. Он чувствует, что я догадываюсь о его проделках. Знаете, как это бывает.

Г е н р и. Знаем.

Р и ч а р д. Надо признать, этикетки сделаны со вкусом.

Б о с с. Это влияние моей жены. У нее большая доля в предприятии.

Р и ч а р д *(ему это неприятно)*. Пожалуйста, Генри, оставь! Зачем нам тратить на это время?

Г е н р и *(восхищенно)*. Какая замечательная

фотография, тут на письменном столе!

Б о с с *(скромно)*. Наша свадьба. Мы познакомились в гребном клубе. Те, что выстроились за нами цепью, — гребцы.

Г е н р и. По ним это видно.

Б о с с. По всем нам все видно, видно даже, о чем мы во сне мечтаем… Обратите, кстати, внимание на свидетелей, что стоят позади нас: слева — президент торговой палаты, прекрасный гребец… И моя жена превосходно гребла, что почти невероятно при ее росте, у нее много призов. *(Пауза.)* Не хотите ли осмотреть?

Г е н р и. Ну что может быть в этих кубках?

Р и ч а р д *(почтительно)*. У вас, господин Босс, медали и памятные подарки, у вашей жены — дипломы.

Б о с с *(скромно отклоняя)*. Отличия меня порой огорчают. При их вручении меня часто охватывает глубокая меланхолия. И знаете почему?

Г е н р и и Р и ч а р д *(одновременно)*. Почему?

Б о с с. Я говорю себе: раз приходится так отмечать нормальное, люди, значит, не слишком высокого мнения о себе.

Г е н р и. Вот видишь, Ричард!

Б о с с. Я спрашиваю себя: почему исключительное не может стать нормой?

Г е н р и. Вот именно, почему?

Б о с с. И каждый раз прихожу к ответу, что во всем виновата фантазия. Несчастье большинства людей в том, что у них ее слишком много. Потому они и не в силах совершить подвиг. Да, перед каждым великим делом нужно было бы изничтожать фантазию.

Г е н р и *(подозрительно)*. Я чувствую какой-то запах. А ты нет, Ричард? Примерно так пахнет, согласно описанию, то, что мы ищем.

Р и ч а р д. Твоя подозрительность может показаться оскорбительной господину Боссу.

Б о с с. Подозрительность необходима при вашей профессии.

Г е н р и. Вот видишь, Ричард.

Б о с с. Я не чувствую никакого запаха, но это, конечно, ни о чем не говорит.

Р и ч а р д. Ваш постоялец бывал в комнате вашей жены?

Б о с с. Том? Конечно. Он ведь, так сказать, был членом семьи. Жил у нас несколько лет. Он мог часами заниматься коллекцией вод моей жены.

Г е н р и. Коллекцией вод?

Б о с с. Очень просто: моя жена собирает пробы воды со всего света Начала еще девочкой. Самый дорогой для нее подарок — проба воды из

какой-нибудь реки или малоизвестного озера. Прекрасно помню, как привез ей такую пробу из устья Нила. Она долго сидела перед бутылочкой, рассматривая ее с молчаливым восторгом… Осторожно, господа! Лучше не трогайте ничего в шкафах.

Р и ч а р д. Только представить себе, как это повсюду текло…

Г е н р и. В каждой пробирке просто чистая вода?

Б о с с. Посмотрите-ка: вот Миссисипи, а вот Мертвое море… Проба из реки Меконг… Волга, конечно, Рона, Замбези… Большое Соленое озеро… А это особенно редкая водичка — из истоков Янцзыцзян.

Г е н р и. А Эльба не представлена?

Б о с с. Обычные воды — на полу.

Р и ч а р д. Могу себе представить, как интересно всем этим заниматься…

Г е н р и. И как разнообразно.

Б о с с. Моя жена знает все сорта, различает их, даже не взглянув на этикетку. Иногда она берет пробирку, встряхивает ее и долго сидит потом перед ней, рассматривая. Всегда можно что-то заметить — маленькое, дотоле сокрытое.

Р и ч а р д. Так и со мной бывало на берегу Се-

верного моря.

Г е н р и *(деловито)*. Во всяком случае, вода не пахнет. Кроме того, пробирки закупорены… Здесь, у окна, пахнет сильнее.

Б о с с. Под подоконником — шкафчик. Позвольте. *(Открывает его.)* Если вы согласитесь любезно заглянуть… Пожалуйста, не стесняйтесь, что вы в комнате моей жены…

Г е н р и. Наклонись-ка, Ричард, и понюхай.

Р и ч а р д *(наклонившись, поспешно)*. Я ничего не вижу, только детские платьица, ты ошибаешься…

Г е н р и. А детей ты здесь видел?

Б о с с. Это платья моей жены. Она носила их девочкой и не в силах с ними расстаться: в них она была счастлива… Теперь вы знаете, насколько моя жена чувствительна… *(Тихо смеется.)* Конечно, на то были свои причины. Иной раз, рассказывал ее отец, она целыми днями отказывалась принимать пищу. Ее должны были кормить искусственно и насильно.

Р и ч а р д. Думаю, что с нас достаточно.

Б о с с. Но ваш коллега не совсем с вами согласен, и я тоже. Жена не будет возражать, если мы немного у нее пороемся. Здесь все кристально ясно. Хотите взглянуть сюда? Шкаф моей жены…

(Открывает.) Нужно смазать замок…

Г е н р и. Разбирайся со шкафом, Ричард, а я побуду еще немного у подоконника.

Р и ч а р д. Но это действительно ни к чему, господин Босс. Какие прекрасные платья! У вашей жены отличный вкус…

Б о с с. А вот настоящие египетские сандалии, я привез их из Александрии.

Пауза.

Р и ч а р д *(неожиданно)*. А это что за ящик?

Б о с с. Какой ящик?

Р и ч а р д. Вы что, не видите — у задней стенки.

Б о с с. Ах, шкатулка. Она вас интересует? Думаете, в ней что-нибудь особенное?

Р и ч а р д. Вам что, трудно открыть шкатулку?

Б о с с *(с легким беспокойством)*. Ни в коей мере, только в ней самые обычные вещи. Насколько я знаю, это наша домашняя аптечка, тут большей частью лекарства моей жены. Вы настаиваете, чтобы я ее достал?

Р и ч а р д. Я никогда ни на чем не настаиваю… Только прошу.

Б о с с. Как угодно. *(Вынимает шкатулку и открывает ее.)* Я давно сюда не заглядывал. Ею

главным образом жена пользуется.

Р и ч а р д. Перевязочные средства…

Б о с с. Все, что нужно для первой помощи…

Р и ч а р д *(подозрительно)*. Таблетки опиума? *(Пауза.)* Позвольте… Генри!

Г е н р и. Запах держится, но его с собой не возьмешь, Ричард.

Р и ч а р д. Посмотри-ка, пузырьки с таблетками опиума. Нас ведь предупреждали, что кроме снотворного должны быть и таблетки опиума…

Г е н р и. Да, говорили, я точно помню: в аптеках пропали и пузырьки с такими таблетками.

Б о с с. Я восхищен вашим чутьем, господа, но таблетки опиума вы можете найти во многих домах города, они есть в продаже.

Р и ч а р д. У вашей жены был рецепт?

Г е н р и. А от чего эта штука, Ричард?

Б о с с *(собрав весь свой авторитет)*. Жена вынуждена принимать эти таблетки. Врач их ей прописал.

Г е н р и. А кто нам за это может поручиться?

Б о с с. Я. С вас достаточно? Если сомневаетесь, обратитесь к профессору Штиммзену, президенту врачебной коллегии. Может, вы ему позвоните? Тогда пожалуйста…

Г е н р и. Я ищу номер, Ричард.

Р и ч а р д. Нет, спасибо. Если вы утверждаете, господин Босс…

Г е н р и. Спроси его, Ричард, от чего этот опиум.

Б о с с *(растроганно)*. Никто, как известно, не выбирает себе страданий, господа. Никто не властен над своими болестями… Напротив, они властвуют над нами… Жену, видите ли, очень часто бьет электрический ток — гораздо чаще, чем это может случиться в домашних условиях… Вероятно, это нервы, нервная система в целом… Она боится электричества, но в то же время ее странным образом притягивают электроприборы. Как я уже говорил, никто не выбирает своих страданий… Один мой товарищ… Тогда на мосту… Страдал, например, при виде неба. Он не мог на него посмотреть без того, чтобы не почувствовать себя плохо.

Г е н р и. На небо — так я и думал.

Б о с с. Он просто не решался глаз поднять.

Г е н р и. Вот до чего может дойти… А таблетки от чего?

Б о с с. Они успокаивают нервы, дают человеку на какое-то время покой. С тех пор как жена регулярно принимает таблетки, ей лучше.

Р и ч а р д. Дайте мне шкатулку. Пожалуйста,

господин Босс. Я поставлю ее на место. Туда, где ваша жена привыкла ее видеть. *(Делает это.)* Ну вот, я думаю, с этим покончено.

Г е н р и. А спальня? Ты что, собираешься пропустить спальню?

Р и ч а р д. Трудно предположить, чтобы жилец задерживался в ней надолго.

Б о с с. Входите, господа, пожалуйста, прошу без стеснения.

Г е н р и. Вспомни-ка, Ричард, что нам приходилось порой находить в спальнях!

Б о с с. Могу себе представить… *(Медленные шаги.)* Я читал, что это то самое место, где совершается большинство преступлений.

Г е н р и. Он спит с левой стороны, Ричард?

Б о с с. Я здесь никогда не сплю. Я сплю на походной койке в своей комнате. Каждый вечер ее раскладываю. Жена засыпает только при настольной лампе, а мои глаза не выдерживают искусственного света.

Р и ч а р д *(усердствуя)*. С тех самых пор, с событий на мосту.

Б о с с *(скромно)*. Да, такая уж мне от этого осталась память. У всех нас есть тяжкие воспоминания. Порою кажется, что наше прошлое просто настаивает на том, чтобы возрождаться в

воспоминаниях.

Г е н р и. Можно мне встать на весы?

Б о с с *(улыбаясь)*. Пожалуйста, само собой разумеется.

Пауза.

Г е н р и. Не прибавил, Ричард. Могу есть сколько хочу — вес все тот же.

Б о с с. Как Том. У него тоже так. Завидная способность — можно есть, ничем не рискуя.

Р и ч а р д. Я думаю, все ясно, Генри. Мы достаточно долго затрудняли господина Босса. Кроме того, нам нужно писать отчет.

Г е н р и. Встань теперь ты на весы, Ричард.

Р и ч а р д *(неохотно)*. К чему это…

Г е н р и. Встань и посмотри за ночной столик.

Р и ч а р д. Что там может быть?

Г е н р и. А ты подойди поближе, вот так, теперь наклонись. Ничего не видишь? Что это такое?

Р и ч а р д *(удивленно)*. Револьвер?

Г е н р и. Ну да.

Б о с с *(застигнутый врасплох)*. Револьвер? Здесь? *(Улыбаясь.)* Жена даже не знает, как его в руки взять.

Г е н р и. В этом отношении нам приходилось сталкиваться с редкостными талантами, правда,

Ричард? Прямо-таки с художниками.

Б о с с. Даже подумать об этом смешно.

Г е н р и. А нам что, смеяться вместе с вами? Как ты думаешь, Ричард?

Б о с с. Но вы ведь вряд ли можете себе представить, чтобы моя жена выпалила в кого-нибудь.

Г е н р и. Дело не в умении, а в моменте.

Б о с с. Если даже вы видите в каждом до времени не решившегося стрелка, то в случае моей жены вы ошибаетесь.

Р и ч а р д. Может, вы нам объясните, откуда здесь револьвер?

Г е н р и. И чей он?

Б о с с *(скромно)*. Мой, господа. Я ведь могу себе позволить иметь револьвер. А если вас интересуют подробности: это подарок, памятный. *(Улыбаясь.)* Хотите взглянуть на удостоверение, разрешающее мне носить оружие?.. Оно мне, правда, еще ни разу не понадобилось. Наверное, я его куда-нибудь засунул.

Г е н р и. Засунул?

Р и ч а р д. Не беспокойтесь, господин Босс, нам не нужны подтверждения. *(Одергивая.)* Кончай, Генри. Не надо слишком усердствовать.

Г е н р и. Ты ведь знаешь, Ричард, что я горю на работе.

Б о с с *(с тайным нетерпением).* Это ваше право… Может, мне показать вам остальное? Туалетный столик моей жены, ящичек с рукоделиями… Может, заглянете в этот резной ларь?

Г е н р и. Давай-ка, Ричард, посмотрим еще и ларь.

Б о с с *(открывает ларь. Резкий звонок в дверь).* Минутку. Это, наверное, жена… Начинайте, пожалуйста, господа. Я сейчас вернусь… *(Под звук звонка идет к двери.)* Да, да… Сейчас открою. *(Открывает дверь. Пауза. С подавленной яростью.)* Вы что, с ума сошли! Что вам надо?! Я ведь вам говорил: никогда не приходите ко мне домой, никогда! А теперь еще…

Ф е л и к с *(это маленький, довольный собой человек, находящийся в состоянии опьянения неопределенной степени, так что трудно понять, собирается ли он протрезветь или окончательно выйти из рамок. Он человек промежуточных состояний. Трудно положиться на него хотя бы на секунду).* В первый раз, шеф. Больше никогда не приду. Я, знаешь, пришел просто потому, что пересчитывал и все время ошибался, никак не мог найти ошибку. Тогда я и подумал: пойду-ка я лучше к шефу, спрошу его.

Б о с с. Тише… Я ведь вам говорил: домой нико-

гда не приходить.

Ф е л и к с. Потом я подумал: может, шеф сам просчитался и послал тебе меньше, чем нужно. Это часто случается с образованными, когда они считают купюры.

Б о с с. У меня сейчас нет времени, уходите. *(Тихо.)* Вы получили сполна.

Ф е л и к с. Извини, шеф, на свой котелок я всегда могу положиться. Даже когда под градусом, различу любую кобылу на дороге. Никогда не могу захмелеть, хоть это и полезно для здоровья.

Б о с с *(сердито и нетерпеливо)*. Вы должны идти, понятно? Проваливайте!

Ф е л и к с. Если ты прикидываешься ради своей жены, то я этого делать не собираюсь. Мне всегда легко с женщинами: говори им о себе правду, сразу отстанут. Когда приходится их утешать, задним числом, я обычно все о себе выкладываю. И что ты думаешь — многим приходит тогда на ум спрашивать, обручен ли я?

Б о с с. Запомните: мне не нужны ваши рассуждения.

Ф е л и к с. Погано, шеф, что я и так слишком много запоминаю, как будто учет какой веду. Скверная привычка, получил ее от моего старика: у него была лавочка на селе. Просыпаюсь после

очередного захода и что бы, ты думал, я делаю? Записываю каждый истраченный пфенниг. То же самое, когда пари заключаю. До добра это не доведет, такая бухгалтерия.

Б о с с. Мы не можем так больше стоять.

Ф е л и к с. А я и не собираюсь тебя задерживать. Заскочил так, на минутку. У меня еще стакан недопитый на столе, ей-богу.

Б о с с. Итак, что вам надо?

Ф е л и к с. Пересчитай-ка еще раз, шеф. Там кой-какой суммы недостает, пробел есть. А сейчас мне сказали… надо ложиться в больницу. Ты вот смотришь, а мне действительно нужно. Когда ненадолго, это прекрасно. Если ты утром видишь кровь в умывальнике, которую сам выплюнул, значит, пора. Надеюсь, удастся что-нибудь закрутить с сестрами. Ведь там, небось, и блондинки есть.

Б о с с. Когда, когда вы должны лечь в больницу? Быстро!

Ф е л и к с. Так-то лучше! Я же знал: шеф всегда посочувствует!

Б о с с. Прекратите! Отвечайте быстро.

Ф е л и к с. После ближайших скачек. Хочу скачек дождаться, а потом уж пусть сестры надо мной пропоют хором.

Б о с с. Хорошо. Я дам о себе знать. Получите остаток, а теперь проваливайте.

Ф е л и к с. Жалко, шеф. Монеты, которые еще в перспективе, никогда меня не согревали… Ты прав, конечно, нужно доверять друг другу, и все-таки, как ни тяжело, придется тебе сейчас же отправиться в кассу.

Б о с с. В последний раз говорю: уходите, меня ждут гости.

Ф е л и к с. А я жду здесь: взаимоуничтожается…

Б о с с. Вы… Вы…

Ф е л и к с. Ну, что я? С нетерпением жду, с кем ты меня сравнишь на этот раз… В последний раз — с каким-то домашним животным.

Б о с с. Тише… Никогда не прощу вам, что вы пришли сюда, домой.

Ф е л и к с. Ах, шеф, уж пора привыкнуть: у каждого есть что-то, что он не в силах забыть. Я, например… не могу отделаться от этих мостов… каждый раз, когда прохожу по ним, у меня дрожат колени и я думаю: надо надеяться, на этот раз ты не полетишь вниз, как тогда, — все-таки восемнадцать метров, шеф. Тогда-то мне это было легко. Во-первых, меня сбросил вниз шальной осколок, а во-вторых, я был тогда в лучших летах,

да и вода была теплая.

Б о с с. Почему вы все время повторяете эту историю?

Ф е л и к с. Из чистой беспомощности, шеф: я просто часто падаю… во сне. Укладываюсь себе спокойно после, так сказать, очередного захода, и какая-нибудь милашка рядом. А когда засыпаю, она меня вдруг толкает в бок и кричит: прекрати, ты меня задушишь… Но мне ведь только удержаться надо, я падаю… И правда, шеф. Во сне я взбираюсь на этот мост, ищу этот чертов провод и рву его в клочья… До сих пор все в порядке, но тут осколок бьет меня в плечо, сталкивает вниз и я лечу восемнадцать метров… И самое при этом странное, что, пока я лечу, подумай, котелок мой прекрасно варит и я думаю: вот свинство или вроде того…

Б о с с. Вы мне отвратительны.

Ф е л и к с. А вы мне нет… Я даже, шеф, тебе в известном роде благодарен… Ведь я тогда еще ничего не придумал, тогда, когда плыл к берегу и готовился навсегда исчезнуть и позабыть все это дерьмо. Только потом, уже годы прошли, мне однажды попалась в руки газета, там говорилось о мостах и о «спасителе», и я подумал: если все ему благодарны, то я тоже должен быть ему

благодарен. Это логично. И у меня осталось одно желание: лично познакомиться со «спасителем мостов».

Б о с с. Предупреждаю вас в последний раз: идите и не воображайте, что кто-нибудь захочет купить эту вашу историю… Такой субъект, как вы…

Ф е л и к с. Я буду доволен, если ты у меня ее купишь, шеф. Остальные меня не очень интересуют.

Б о с с. Мы еще поговорим.

Ф е л и к с. Я не сомневаюсь. Как только у меня возникнет в этом потребность, я объявлюсь.

Б о с с. Тогда и рассчитаемся.

Ф е л и к с. Я всегда за это. Это у меня от старика с его лавочкой. Что это ты держишь в кармане? Револьвер? Ты же не станешь пугать своих гостей, шеф? И кроме того: если со мной что-то случится, тебе зададут несколько вопросов — об этом я заранее позаботился…

Пауза.

Б о с с *(вынимает деньги, презрительно)*. Вот. Возьмите и сейчас же проваливайте.

Ф е л и к с. Благодарю, шеф. Я ведь знал, что от тебя не уйдешь с пустыми руками.

Босс выталкивает его за порог, запирает дверь, секунду стоит, тяжело дыша, потом идет в комнату.

Б о с с *(скромно)*. Могу я вам быть еще чем-нибудь полезен, господа?

Р и ч а р д. Мы кончили, убедились полностью.

Б о с с. Прошу прощения, что меня так долго задержали… Разные обязанности, вам это хорошо известно.

Г е н р и. Мы осмотрели ларь и остальное.

Б о с с. Надеюсь, это вас не затруднило.

Г е н р и. Для меня работа начинается тогда, когда начинаются затруднения. Когда все ясно, я не нужен.

Б о с с *(улыбаясь)*. Надеюсь, кое-какие я вам все-таки предложил…

Р и ч а р д. Нам бы хотелось, чтобы всюду царила такая же ясность, Генри. Как только вспомню о квартире этого автомобильного вора: по сравнению с нею ваша — как море утром. У нас, извините, есть еще желание.

Б о с с. Да?

Пауза.

Р и ч а р д. Нам бы хотелось, господин Босс, чтобы вы были в полной мере спокойны… Мы

были бы рады знать, что у вас нет никаких тревог. Обыск — дело не из приятных.

Б о с с *(скромно)*. Вы лишь выполнили ваш долг. Я это глубоко понимаю, господа.

Р и ч а р д. Спасибо. Мы будем держать вас в курсе событий.

Б о с с. Я вам всегда рад.

Г е н р и. Нам приятно это слышать.

Б о с с. У меня такое чувство, что нужно подвергать себя время от времени обыску, как осмотру врача. Никогда не знаешь, что у тебя невзначай заведется. А когда боли начнутся, уже поздно… Кто хочет получить о себе совершенно ясное представление, иногда должен вставать, господа, перед рентгеновским аппаратом… в этом смысле.

Р и ч а р д. Благодарим за понимание.

Г е н р и. И за гостеприимство.

Б о с с. До свиданья, господа.

Г е н р и и Р и ч а р д *(одновременно)*. До свиданья!

Шаги, дверь. Босс, вздыхая, отодвигает стакан, из которого он пил, зажигает сигарету. Наливает себе из бутылки.

Б о с с *(застигнутый врасплох)*. Кристина! Ка-

кой у тебя вид! Мы, наверное, разминулись. Я не слышал, как ты вошла.

Кристина молчит.

Что ты стоишь там! Иди сюда, садись. Они ушли… Иди, Заяц.

К р и с т и н а. Пожалуйста, никогда меня так не называй.

Б о с с *(мягко)*. Что с тобой? Чем мне тебе помочь?

К р и с т и н а *(решительно)*. Не прикасайся ко мне!

Б о с с. Ради всего святого, в чем дело? Я был у глазного врача — и больше ничего. Ты меня пугаешь. Тебе плохо?

К р и с т и н а *(насмешливо)*. Я чувствую себя превосходно. Чувствую себя так, как только можно себя чувствовать, когда наконец просыпаешься.

Б о с с *(иронически)*. Отсюда я могу заключить, что тебе что-то приснилось, Заяц.

К р и с т и н а. Не называй меня так, я этого не переношу.

Б о с с. Те двое ушли… К концу они были весьма любезны. *(Улыбаясь.)* Один был очень разочарован, что ничего не нашлось. Они нас будут

держать в курсе.

К р и с т и н а. Надеюсь, ты все узнаешь. Надеюсь, все будет тогда, как ты выражаешься, «освещено ярким светом».

Б о с с. Я боюсь, что тебя действительно нет здесь, ты спишь.

К р и с т и н а. Я долго спала. Теперь все изменилось. Теперь я проснулась.

Б о с с. И что же ты обнаружила? Ты изменилась или мир? Мне кажется, ты меня собираешься в чем-то упрекнуть.

К р и с т и н а. Тебя? Нет! Упрекать я могу только себя. *(Пауза.)* И знаешь за что? За свое неведение! Открываешь глаза и встречаешь чужого.

Б о с с *(все еще иронично и мягко)*. И чужой — это я, Заяц?

К р и с т и н а *(очень спокойно)*. Я тебя ненавижу.

Б о с с. Нет же. Это неправда… Из-за чего?

К р и с т и н а. Из-за того, что я стыжусь, когда думаю, как жила. В полном неведении. Все, что ты оставил мне от моего прошлого, — это стыд.

Б о с с. Громкие слова. Одни громкие слова.

К р и с т и н а *(горько)*. Тогда я скажу тебе кратко: я стыжусь, потому что верила в тебя, несмотря ни на что, и гордилась тобой. Я стыжусь, потому

что видела тебя, каким мне хотелось, — не таким, какой ты есть… Несмотря ни на что…

Б о с с. Ты о чем?

К р и с т и н а. О тебе. Или о тебе и обо мне…

Б о с с. Обоих я знаю уже давно.

К р и с т и н а. А я познакомилась только сегодня… *(С иронией.)* Сегодня я случайно познакомилась с Эберхардом Боссом, человеком известным с конца войны.

Б о с с. Ты что, насмехаешься надо мной?

К р и с т и н а. Боюсь, что на это у меня уже нет сил.

Б о с с. Чего же ты хочешь?

К р и с т и н а. Чтобы ты позволил наконец тебя узнать… Чтобы ты хоть на секунду сбросил маску. *(Пауза, потом с отчаянием.)* Как же много было нужно, чтоб это случилось! Я была у него, Босс… *(Пауза.)* Я говорила с этим маленьким, грязным человеком, которому ты регулярно посылаешь деньги на адрес его кабака… Вот последняя квитанция…

Б о с с *(угрожающе).* Ах вот в чем дело! Ты работаешь своим собственным детективом… И ты, конечно, поверила в то, что сказал тебе этот жалкий субъект. Ты веришь ему больше, чем мужу.

К р и с т и н а. Ты присвоил себе его подвиг,

Босс. Сначала просто присвоил, потом стал платить за это. Ты купил себе его прошлое.

Б о с с. Я спрашиваю тебя: веришь ли ты ему больше, чем мужу?

К р и с т и н а. Я верю в истину при пробуждении. И в боль… Не прикасайся ко мне.

Пауза.

Б о с с. Хорошо, ты права. Давай раскроем друг другу карты. Сейчас самое подходящее время… Да, правильно: я посылал этому типу деньги. Я платил ему, потому что это он тогда разорвал провод… Но я ведь тоже был на мосту, входил в тот же самый отряд. Он знает… И если бы он не опередил меня на несколько секунд… Кроме того, я просто занял пустовавшее место. Тогда искали героя и нашли его в моем лице. Ну не смотри же так, будто мир рушится.

К р и с т и н а. Мир рушится каждый день.

Б о с с *(наступательно)*. Ах, тебе хочется выносить приговоры. Ты играешь в верховный суд. Пожалуйста, я не против. Я не упаду на колени ни перед каким судом, а перед твоим — тем более… Вот этот револьвер был найден в твоей комнате. Ты знаешь, чей он. Воспользуйся им. Я в твоем распоряжении…

К р и с т и н а. Ты хочешь снова смирить меня? Знаешь, что я не смогу этого сделать.

Б о с с. Том забыл тебя научить, как им пользоваться?

К р и с т и н а *(с печальным удовлетворением)*. Вот видишь, теперь ты обнаружил себя. Вот человек, которого ты от меня скрывал так долго.

Б о с с. А ты? Долго ты сможешь таиться в своем укрытии?

К р и с т и н а. Что ты хочешь этим сказать?

Б о с с. Что мы похожи с тобой, мой Зайчик. Сегодня действительно примечательный день… Еще уходя к врачу, я воображал, что в какой-то мере тебя знаю. *(С иронической грустью.)* Случайная задержка у гаража на обратном пути, и я должен был признаться себе, что живу с чужой женщиной.

К р и с т и н а *(поражена)*. Ты не знаешь, что говоришь.

Б о с с. Может быть. Но я знаю, что сказал Том и что ты. И у Тома есть мечта… О пустом мире…

К р и с т и н а. Том что-то вообразил себе. У него навязчивая идея.

Б о с с. Ты любишь его.

К р и с т и н а. Мне его жалко.

Б о с с. Это одинаково кончается, Заяц.

Пауза.

К р и с т и н а *(с трудом овладев собой).* Ну хорошо. Ты нас подслушал, и, стало быть, ты знаешь… Да, я люблю его — с его убожеством и с его отчаянием. Я люблю скудость его мечты… Так уж случилось, Босс: моя любовь не принадлежала тебе, так же как твой подвиг.

Б о с с. Почему же ты тогда осталась со мной? Может бить, Зайцу нужно еще что-то кроме любви?

К р и с т и н а. Я все тебе сказала. *(Пауза.)* Ну?

Б о с с. Что — ну?

К р и с т и н а. Теперь все ясно. И тебе надо что-то делать. Что ты решил?

Б о с с. Нужно? А что, собственно, случилось? Неопределенность кончилась, это правда. Мы узнали друг друга…

К р и с т и н а. Да. Так больше продолжаться не может.

Б о с с. Почему же? Разве с чужим жить легче, чем с тем, кого уже знаешь?

Пауза.

К р и с т и н а *(внезапно).* Господи, ведь надо перевязать Тома. Рука у него ужасно порезана!

Б о с с. Может, мне его перевязать?

К р и с т и н а. Нет, нет.

Б о с с. Я ведь знаю, где он. Может, мне лучше к нему пойти. С его удивлением я уж как-нибудь справлюсь.

Пауза.

К р и с т и н а. Как ты вдруг переменился — совсем другой.

Б о с с. Все зависит от тебя… Ты согласна, чтобы я удалил Тома на какое-то время?

К р и с т и н а. Совершенно не знаю, где бинты.

Б о с с. Я знаю… Подожди меня, слышишь? Подожди, пока я вернусь.

Пауза.

К р и с т и н а. А потом, что будет потом?

Б о с с. Жизнь пойдет дальше. Что же еще?

Перевели Н. Павлова и Д. Павлов.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Петер Хакс
(ГДР)
(Род. 1928)

Переселившись в 1955 г. из ФРГ, стал одним из наиболее известных драматургов республики (пьесы — под влиянием Брехта — на исторические и мифологические сюжеты: «Мельник из Сансусси», «Амфитрион», «Адам и Ева» и др.). В начале 50-х гг. активно сотрудничал на радио. Радиопьеса «История старого вдовца» впервые напечатана в 1966 г. в журнале «Зинн унд форм». Тогда же поставлена на берлинском радио.

Гюнтер Рюкер
(ГДР)
(Род. 1924)

Сценарист киностудии ДЕФА («Третий» и др.), автор многочисленных радиопьес («Место у окна», «Лучшие годы» и др.), «Модель» дала название очередному сборнику радиопьес ГДР за 1972 г.

Фридрих Дюрренматт

(Швейцария)
(Род. 1921)

Крупнейший драматург и прозаик современной Швейцарии (наряду с М. Фришем). Наиболее значительные радиопьесы: «Страницкий и национальный герой», «Геркулес и Авгиевы конюшни», «Авария», «Вечер поздней осенью», «Процесс из-за тени осла».

Гюнтер Айх
(ФРГ)
(1907—1972)

Общепризнанный классик радиопьесы. Получил в 1952 г. за радиодраматургию премию Общества ослепших на войне, в 1958 г. — самую авторитетную в ФРГ премию имени Георга Бюхнера. Известен также как один из крупнейших мастеров послевоенной немецкой поэзии. Наиболее значительные радиопьесы: «Другая и я», «Девушки из Витербо», «У Аллаха сто имен», «Прибой в Сетубале» (1958).

Вольфганг Хильдесхаймер
(ФРГ)
(Род. 1916)

Среди многочисленных произведений автора выделяются роман «Тинсет» (1965) и радиопьесы

«Принцесса Турандот», «Вороны господина Вальзера», «Жертвоприношение Елены» (1955).

Герберт Эйзенрейх
(Австрия)
(Род. 1925)

Романист и рассказчик. Ориентируется на Достоевского. Исследует психологию «маленьких» людей на войне и в послевоенное время («Злой прекрасный мир», «Так сказать, любовные истории» и др.). Удостоен итальянской премии за свою единственную радиопьесу (1957).

Ингеборг Бахман
(Австрия)
(1926—1973)

Выдающаяся современная поэтесса, мастер философской лирики («Заклинание Большой Медведицы», «Отсроченное время» и др.). Автор романа «Малина», многочисленных рассказов («Три дороги к озеру» и др.), а также двух радиопьес: «Добрый бог Манхеттена» и «Цикады». Первая из них удостоена западногерманской премии Общества ослепших на войне (1958).

Мария Луиза Кашниц
(ФРГ)
(1901—1975)

Поэтесса и рассказчица классической ориентации, член Немецкой академии языка и литературы (Дармштадт), лауреат многочисленных литературных премий ФРГ. Из ее лирических по своему строю радиопьес наиболее значительны «Чужой голос» и «Свадебный гость» (1955).

Дитер Веллерсхоф
(ФРГ)
(Род. 1925)

Как прозаик представляет так называемую «кёльнскую школу», опирающуюся на французский «новый роман»; как литературный критик известен своими работами о Г. Бенне и изданием его Собрания сочинений. Из многочисленных радиопьес автора наибольшую известность получил «Минотавр» (1960).

Зигфрид Ленц
(ФРГ)
(Род. 1926)

Один из наиболее популярных западногерманских писателей социально-критического направления, равно успешно выступающий как автор малой прозы («Эйнштейн пересекает Эльбу близ Гамбурга», «Запах мирабели» и др.) и как романист («Урок немецкого», «Живой пример»

и др.). Наиболее значительные радиопьесы: «Время невиновных» и «Время виновных», а также «Обыск» (1963).